

У(1001)

P-17

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И
ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ

Махачкала 1980

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И
ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

9(Дз)т
Р17

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ

(ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК)

instituteofhistory.ru

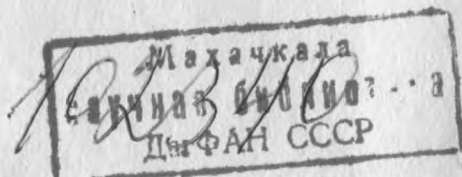

Махачкала 1980

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА
(досоветский период)

Ответственный редактор
В. Г. Гаджиев

102340

ИЗУЧЕНИЕ ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА *

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, поставила все богатства науки и культуры на службу трудящимся нашей Родины.

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений,— подчеркивал В. И. Ленин,— творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия и средства эксплуатации»¹.

Коммунистическая партия и Советское Правительство проявляли и проявляют отеческую заботу о развитии науки и культуры многочисленных народов нашей необъятной Родины. В этом отношении показателен пример многонационального Дагестана, за короткий срок достигшего небывалых успехов. Как только кончилась гражданская война, «три года терзавшая Дагестан,...

* Статья подводит итог разработке вопросов дореволюционной истории Дагестана сектором истории досоветского периода Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР, и поэтому в ней освещается лишь работа, проделанная членами этого коллектива научных сотрудников. В статье рассматриваются и труды по дореволюционной истории Дагестана, выполненные до организации сектора в стенах Института национальной культуры и Института ИЯЛ, а также большое количество весьма ценных работ, выполненных в других исторических учреждениях республики и страны. Такая постановка вопроса, естественно, несколько сузила проблему, ограничила число анализируемых работ, но позволила более выпукло показать работу, проделанную сектором, определить место и роль его коллектива в разработке многовековой истории многоязычного Дагестана.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

писал Д. М. Павлов, — местные люди, в унисон со всей Россией, стали говорить о необходимости изучения своего края и очень скоро от слов перешли к делу, — сначала, организовав по Дагестану ряд научно-исследовательских экспедиций, а теперь поставив на практическую почву вопрос о планомерном систематическом изучении Дагестанской территории и его населения»². Один из зачинателей научно-исследовательской работы в Дагестане, профессиональный революционер А. А. Тахо-Годи писал: «Пробуждение интереса к науке и научной мысли — само по себе уже целое завоевание»³. Сейчас с полным основанием мы можем сказать, что этих завоеваний могли добиться трудящиеся республики только при советской власти, благодаря мудрой ленинской национальной политике Коммунистической партии.

Центром научного изучения исторического прошлого и обобщения научного опыта стали организованный в 1924 г. Научно-исследовательский институт национальных культур и Дагестанский краеведческий музей. Эти же учреждения являлись популяризаторами научных знаний среди широких трудящихся масс Страны гор. Очерчивая те задачи, которые стояли перед дагестановедами, А. А. Тахо-Годи в 1924 г. писал: «До сих пор горцы успевали на одном фронте — на фронте войны. Теперь пора направить усилия на другую войну — на войну с невежеством и создать фронт культурный. И на этом фронте первые окопы, которые мы должны занять для дальнейших наступлений, — это окопы краеведения»⁴.

Следует однако отметить, что в то время в Дагестане не было кадров профессиональных историков из коренных национальностей республики. Научно-исследовательским трудом, наряду с выполнением большой партийной и государственной работы, занимались профессиональные революционеры, активные участники революционного движения и гражданской войны в Дагестане, работники государственных учреждений. Авторами первых опубликованных работ по дореволюционной истории Дагестана были С. И. Габиев, А. А. Тахо-Годи,

² Павлов Д. М. Об организации изучения Дагестана. Дагестанский музей. Бюллетень, № 1. Махачкала, 1924, с. 7.

³ Бюллетень, № 2, 1926, с. 1.

⁴ Тахо-Годи А. А. Наши задачи и достижения. Бюллетень, № 1, 1924, с. 2.

Д. А. Атаев, А. Гасанов, Б. Малачиханов и др.⁵ Большую помощь в изучении природных ресурсов истории, этнографии и культуры народов республики оказывали центральные научно-исследовательские организации. Достаточно сказать, что в Дагестане проводили изыскательные работы проф. Н. Яковлев, Н. Б. Бакланов, А. С. Башкиров⁶ и др. В те же годы заместитель народного комиссара по просвещению РСФСР, выдающийся историк-марксист М. Н. Покровский выразил согласие оказать содействие работе по составлению Истории Дагестана. М. Н. Покровский, многое сделавший для развития советской исторической науки, внес весомый вклад и в развитие советского кавказоведения, в частности дагестановедения. Неоценимую помощь он оказал республике и в подготовке кадров историков-марксистов.

Как известно, уникальные памятники многовековой истории народов Дагестана были разбросаны по разным музеям, архивохранилищам, книгоохранилищам, хранились также во многих частных архивах и библиотеках.

Решением правительства РСФСР в те годы Дагестану было передано большое количество драгоценных экспонатов по истории его народов. В августе 1924 г. из Москвы в Махачкалу прибыл вагон с коллекцией, заключавшей в себе первостепенно важные для истории Дагестана реликвии. В декабре того же 1924 г. из Ленинграда прибыло два вагона с художественными ценностями. Два вагона с историческими экспонатами прибыло из Тбилиси и большое количество картин, фотографий и др. материалов прибыло из Пятигорска и других городов.

Большую изыскательную работу по выявлению исто-

---

⁵ Габиев С. И. Мюридизм на Кавказе. Красный Дагестан, 1925, №№ 99, 109, 110, 115, 117, 121, 122, 183, 193; 1926 г., №№ 253, 257, 265, 266, 267; 1927 г., №№ 257; Тахо-Годи А. А. Восстание в Чечне и Дагестане 1877 г., Красный Дагестан, 1925 г., №№ 212, 251, 254; 257, 259, 260, 261, 262, 267, 269; он же. Лев Толстой в «Хаджи-Мурате», Новый Восток, № 26—29; 1929 г.; Атаев Д. А. Земельные споры таркинцев с князьями. Красный Дагестан, 1925; Гасанов А. Краткая история Дагестана. Красный Дагестан, 1926 г., №№ 33, 36, 39, 46, 68, 71, 72; Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1928.

⁶ Бакланов Н. Б. Художественная культура Дагестана. Журн. Новый восток, 1925, № 5; Башкиров А. С. Средневековый памятник Дагестанского аула Кала-Корейш. Труды секции РАНИОН, 1926, т. 1.

рических источников проводили сотрудники Института национальных культур и в самом Дагестане. Для сбора историко-этнографического материала были организованы индивидуальные поездки и экспедиции в районы Дагестана. В результате всего этого было собрано большое количество чрезвычайно ценных рукописей, документальных материалов, эпиграфических памятников, собран богатый историко-этнографический материал. Этот разносторонний и очень ценный материал явился основанием для рукописного фонда Института ИЯЛ, в настоящее время представляющего собой одно из богатейших хранилищ историко-культурных памятников в республике. Некоторые результаты этой поистине огромной работы были изложены в ряде статей и сообщений, опубликованных в те годы в центральной и местной печати⁷.

В эти годы был также осуществлен ряд ценных публикаций по досоветской истории Дагестана. Здесь прежде всего следует указать на изданные в русском переводе сочинения известного историка Г.-Э. Алкадари «Асари Дагестан». Работа, которая, по словам акад. В. В. Бартольда, «написана не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана»⁸. Немного ранее, в 1926 г., в переводе Б. Маллачиханова было опубликовано сочинение Магомед-Тахира Карахского под названием «Три Имама»⁹. Правда, перевод его оказался неудачным¹⁰, но само издание этого источника все же нельзя не признать заслуживающим внимания. Небезынтересно отметить, что указанные сочинения были опубликованы в 45 и 46 номерах «Сборника сведений о кавказских горцах», издание которого было начато еще в 1868 г. в Тбилиси и имело всекавказское значение. Следует сказать, что и на стра-

---

⁷ Бакланов Н. Б., Васильев А. Я. Изучение памятников искусства. Дагестанский сборник, т. II, 1927; Яковлев Н. Новое в изучении Северного Кавказа (пред. отчет о работах Дагестано-чеченской экспедиции). Новый Восток, 1924; Пахомов Е. А. О находке сасанидских надписей в Дербенте. Культура и письменность Востока, 1924, № 4; он же. Пехливийские надписи Дербента. Известия общ. обл. и изуч. Азерб., 1929, № 8; Павлов Д. М. Изучение человека за послереволюционный период. 10 лет научных работ в Дагестане. Махачкала, 1928.

⁸ Encyclopédie de l'Islam, t. I, Lyde-Paris, 1913, p. 915.

⁹ СМОМПК, вып. 45. Махачкала, 1926.

¹⁰ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.; Л., 1941. Предисловие, с. 15.

ницах сборников, изданных в Махачкале, также были помещены статьи по истории и этнографии народов Кавказа. Таковы исследования акад. И. И. Мещанинова «Закавказские поясные бляхи», Д. М. Павлова «Искусство и старина Карачая», публикации писем А. П. Ермолова, письмо Льва Николаевича Толстого с Кавказа, «Кавказ» (геологический очерк) Е. Юшкина, «Систематические заметки о птицах Северного Кавказа» С. А. Багурина и др.

В 1926 г. был издан «Дагестанский сборник», том III. Два первых тома были изданы до революции в 1902—1904 гг. Из материала этого сборника отметим воспоминания сына и внука сподвижника Шамиля Хаджи-Мурата, записи аварских исторических песен, сказок, записи кумыкских адатов, статью Л. И. Жиркова «Старая и новая аварская песня», Г. Н. Прозителева «Посольство от Шамиля к абадзахам» и др. В конце тома было помещено 18 рецензий на книги по дагестановедению. Из публикаций тех лет следует также указать на изданный в 1927 г. в переводе Т. Б. Бейбулатова труд А. Маная «Адаты кумыков». Интересные сведения о дореволюционной истории народов Дагестана содержали работы этнографов Г. Ф. Чурсина, Е. М. Шиллинга¹¹ и др.

Краткие исторические сведения о дореволюционном Дагестане имеются и в первых главах работы Н. Самурского (Эфендиев) «Дагестан» (1925), А. А. Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане» (1927), А. К. Фатеева «Потребительская кооперация Дагестанской республики» (1925) и др.

Заметным событием явилась составленная проф. Б. М. Городецким многотомная библиография «Истории Дагестана», в которой было аннотировано более двух тысяч работ. В 1933 г. была издана часть этой работы «Дагестан в советской литературе». В те же годы в извлечении была издана не потерявшая до настоящего времени научной ценности работа проф. С. В. Юшкова о Кавказской Албании. В ней впервые было обосновано мнение о вхождении Дагестана в состав этого государства древности. В этот период происходили также дискуссии по важнейшим вопросам истории народов Даге-

¹¹ Чурсин Г. Ф. Этнографический очерк аваров; он же. Свадебные обычаи аваров; он же. Заметки по этнографии дидоев. Бюллетень Кавказского историко-археологического института, 1928, вып. 4, 1930, вып. 7.

стана. Резкой, но справедливой критике, например, был подвергнут целый ряд положений, содержащихся в монографии А. Скачко «Дагестан»¹². Серьезную критику вызвала и работа Н. Самурского «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане»¹³.

«Социальная функция науки, — справедливо отмечает Г. А. Алексеева, — проявляется прежде всего в ее классовой ориентации, в характере использования ее достижений в интересах определенных социальных групп. Задачи марксистского обществензнания не только отстаивать и защищать классовые интересы пролетариата, но и способствовать ослаблению и развенчанию его идейных противников»¹⁴. Решающую роль в утверждении марксистской теории в советской исторической науке, как известно, сыграли гениальные творения великого В. И. Ленина, решения съездов, конференций, пленумов ЦК КПСС. Огромное значение для дагестанской, как и для всей советской исторической науки, имели также Всесоюзная конференция историков-марксистов (декабрь—январь 1929 г.)¹⁵; Постановления ЦК ВКП(б) и Советского правительства (1931—1936 гг.) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «Об учебниках по истории». Эти решения ознаменовали, как принято считать, новый этап в развитии исторической науки, в том числе и дагестанской, являющейся детищем советской историографии.

Вооруженные марксистско-ленинской методологией историки Дагестана предпринимали в эти годы серьезные попытки изучить сложные проблемы досоветской истории Дагестана. В 1935 г. была опубликована статья А. И. Тамая «К вопросу о феодализме в истории Дагестана», в которой утверждалось, что Дагестан, «вне всякого сомнения, является страной феодальных отношений еще задолго до начала XIX в. Начало процесса феодализации Дагестана теряется в глуби веков»¹⁶. Однако этот сам по себе верный вывод не оказался подкрепленным достаточно убедительными данными.

---

¹² Шовкринский Ю. Об искажении ленинизма в вопросах истории Дагестана. Историк-марксист, 1932, № 1—2.

¹³ Звезда. Ежемес. журн. Даг. обкома ВКП(б), № 1 (9), 1929, с. 29—31.

¹⁴ История и историки. М., 1972, с. 80.

¹⁵ 50 лет исторической науки. М., 1970.

¹⁶ Революционный Восток, 1935, № 5, с. 167.

В 1938 г. проф. С. В. Юшков опубликовал статью об особенностях дагестанского феодализма. В ней автор доказывал наличие в Дагестане 6 различных стадий развития феодализма¹⁷ и ряда промежуточных ступеней. При этом проф. С. В. Юшков устанавливал степени феодализации по мере отдаления территории Дагестана от приморской части. Однако большинство исследователей считало Дагестан, особенно его нагорную часть, страной господства родоплеменных отношений.

Из работ, опубликованных в довоенное время, следует отметить монографию Р. М. Магомедова «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля», а также ряд популярных брошюр: «Далекое прошлое Дагестана», «Древний Дербент», «Арабы в Дагестане» и др., опубликованные им же в 1940 г.

В период Великой Отечественной войны сотрудники Научно-исследовательского института внесли свой вклад в общенародное дело: часть из них с оружием в руках защищала Родину, другие своим трудом способствовали мобилизации народных масс на борьбу с врагом на фронте и в тылу, воспитанию их в духе советского патриотизма.

Широкий размах изучение истории народов Дагестана получило в послевоенный период, после создания в 1945 г. дагестанской научно-исследовательской базы и особенно организации в 1949 г. Дагестанского филиала Академии наук СССР, в состав которого вошел Институт истории, языка и литературы, превратившийся со временем в ведущий научный центр изучения истории и культуры Дагестана.

В 1947 г. в Институте истории АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук директор дагестанской научно-исследовательской базы Р. М. Магомедов на тему «Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX вв.» Изучив уровень общественно-экономического развития трех народностей Дагестана: кумыков, кайтагов и лаков, автор пришел к выводу, что социальные отношения этих народов резко отличались друг от друга: в одном случае «процесс фео-

---

¹⁷ Уч. зап. Свердловского ГПИ, вып. 1. Свердловск, 1938, с. 66—70.

дализации завершился, а в другом находился в стадии становления»¹⁸.

В последующие годы, благодаря заботам партии и правительства о научных кадрах республики, в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Баку и др. научных центрах защитил кандидатские диссертации большой отряд представителей народов Дагестана. Большое значение в ускорении подготовки высококвалифицированных историков имело открытие в 1951 г. аспирантуры при ИИЯЛ. По далеко не полным данным, в 50-х годах было защищено около 10 кандидатских диссертаций, посвященных истории досоветского периода. Большую помощь в изучении истории Дагестана в эти годы сотрудникам Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР оказывали ведущие научные центры Москвы, Ленинграда и других республик.

Из опубликованных в эти годы работ следует отметить сборник статей в двух томах «Очерки по истории Дагестана». Правда, некоторые статьи этого издания не лишены методологических и фактических недостатков, погрешностей, тем не менее попытка по-новому осветить вопрос о последствиях присоединения Дагестана к России, внести ясность в проблему социально-экономического развития дореволюционного Дагестана заслуживает внимания.

Большое значение в правильном решении такой сложной проблемы, какой является общественный строй дореволюционного Дагестана, имела первая научная сессия, созванная Институтом ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР в 1954 г.

С докладом «Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в.» выступил Х.-М. О. Хашаев. Его выводы о господстве феодальных отношений в равнинной, в нагорной частях и господства раннефеодальных отношений в высокогорных союзах сельских обществ нашли полную поддержку участников сессии. На сессии были также зачитаны доклады Е. Н. Кушевой «Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв.», Р. Г. Маршаева «Сношения Кайтага и Казикумуха с русским государством в пер. пол. XVII в.», С. Ш. Гаджиевой «Земельные

---

¹⁸ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и нач. XIX вв. Автореф. дисс... докт. ист. наук. Махачкала, 1947, с. 4.

отношения у кумыков в первой пол. XIX в.», И. Р. Нахшунова «Прогрессивное влияние России на экономику дореволюционного Дагестана».

Важное значение для изучения истории народов Дагестана имела также научная сессия ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР 4—7 октября 1956 г., посвященная вопросу о движении горцев Дагестана и Чечни в 20—50-е гг. XIX в. На этой сессии и на совещании в Москве после широкого научного обмена мнениями была решительно отвергнута версия об агентурном характере движения и было признано, что в первой пол. XIX в. в Дагестане господствовали феодальные отношения. Правда, покойный проф. С. К. Бушуев и некоторые другие пытались оспорить это положение, но их мнение не нашло поддержки среди историков-кавказоведов. Развернувшаяся на этих сессиях дискуссия оказалась полезной еще и потому, что выступления их участников и решения будили мысль и инициативу исследователей. О значении решений указанных совещаний убедительно говорит постановление бюро Дагестанского обкома КПСС «Об итогах обсуждения научно-исследовательскими учреждениями вопроса о характере движения Дагестана под руководством Шамиля»¹⁹.

Из совокупности вопросов истории XIX в. особое внимание дагестановеды Института ИЯЛ уделяли проблемам: 1) присоединение Дагестана к России и его историческое значение; 2) пореформенный период; 3) распространение марксизма и революционное движение в Дагестане. Освещение этих и других актуальных проблем досоветской истории нашло отражение на страницах издававшихся с 1956 г. Институтом ИЯЛ «Ученых записок». Итогом огромной научно-исследовательской работы дагестановедов явилась подготовка и издание в 1957 г. «Очерков истории Дагестана» в двух томах. Значение «Очерков» трудно переоценить. В первом томе «Очерков» впервые в дагестановедении с позиций марксистско-ленинской методологии дана общая картина общественно-экономического и культурного развития народов Дагестана с древнейших времен до февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. включительно. Достаточно полно освещены и вопросы политической истории.

---

¹⁹ Вопросы истории, № 1, 1957.

Еще больший размах научно-исследовательская работа в области дореволюционной истории в Институте ИЯЛ получила со времени открытия сектора истории Дагестана досоветского периода в 1961 г. Сотрудники сектора изучали и изучают сложнейшие проблемы многовековой истории Дагестана. В результате комплексного изучения было опровергнуто имевшее широкое хождение в исторической литературе мнение, представляющее народы Дагестана неисторическими народами, потомками племен, некогда насильственно загнанных в горы более сильными народами, убедительно доказано, что горские народы являются автохтонным населением Дагестана со своей древней и самобытной историей и культурой. Но, несмотря на очевидные достижения исследований, все же нельзя считать проблему этногенеза народов Дагестана окончательно решенной. Еще предстоит исследовать центры древнейшей консолидации этнических групп, изучить процессы, приведшие к распаду языковой общности. Предстоит также завершить изучение процесса формирования народов Дагестана. Достижением сотрудников сектора истории досоветского периода ИИЯЛ следует также считать и то, что они, опираясь на марксистско-ленинское понимание истории, изучили социально-экономическое развитие в эпоху первобытно-общинного строя и первых государственных образований на территории Дагестана. Правда, еще предстоит уточнить северные границы Кавказской Албании, глубже изучить социально-политический строй этого крупного государства древности.

В центре внимания медиевистов Института было исследование истории средневековых царств Дагестана: Лакз, Джидан, Гумик, Серир и др. В противовес распространенному ранее мнению, связывающему средневековые государства Дагестана с арабскими завоеваниями, труды сотрудников сектора истории досоветского периода убедительно доказывают, что эти «царства» возникли задолго до походов арабов в Дагестан в процессе феодализации Дагестана. Серьезные успехи достигнуты и в изучении вопросов, связанных с локализацией этих средневековых государств, в изучении их социально-политического строя, взаимоотношений царств с соседними народами Кавказа, арабами, хазарами, с Русью и др.

Особое внимание сотрудники сектора уделяли и уде-

ляют изучению проблемы генезиса феодализма в Дагестане.

Значительны также успехи и в изучении одной из важнейших проблем, стоящих перед советской исторической наукой,— вопроса о взаимоотношениях народов Дагестана с русским и другими братскими народами СССР и раскрытии положительной роли русского народа в исторических судьбах народов Дагестана.

Ряд лет сотрудники сектора разрабатывают проблему взаимоотношений Дагестана с народами Кавказа. Предметом пристального внимания их является также проблема народно-освободительной борьбы горцев Дагестана с иноземными затватчиками. Самое серьезное внимание уделяется также исследованию истории культуры и развития общественно-политической мысли Дагестана и особенно изучению истории революционного движения в крае.

С самого момента организации сектора начата была работа по подготовке многотомной истории Дагестана. Учитывая важность и сложность этой задачи, в 1961 г. в Махачкале было созвано всесоюзное совещание, на котором был подвергнут детальному обсуждению макет проспекта «Истории Дагестана». Кроме того, проспект истории был обсужден в научных коллективах Института истории СССР, Институтах археологии, востоковедения и этнографии АН СССР, а также в Институтах истории АН Груз. СС и АН Азерб. ССР. Замечания и пожелания, высказанные при этих обсуждениях, оказали неоценимую помощь и вместе с той кропотливой научно-исследовательской работой, которую проделал авторский коллектив, предопределили успешное завершение «Истории Дагестана». В 1967 г. к 50-летию Великой Октябрьской революции начато было издание 4-томной «Истории Дагестана». Первые два тома, охватывающие период от каменного века до февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., были подготовлены к печати сотрудниками сектора истории Дагестана досоветского периода с участием научных работников сектора археологии и этнографии.

Обширный конкретно-исторический материал, последовательный историзм в освещении истории народа, раскрытие диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности базисных и надстроечных явлений позволили воссоздать правдивую картину истории Дагестана.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением о законах развития общества, авторский коллектив сумел показать развитие производительных сил, производственных отношений в Дагестане, раскрыть роль народных масс как творца истории.

Руководствуясь положениями Программы КПСС и необходимостью вести непримиримую борьбу против тенденции к национальной ограниченности и исключительности, авторский коллектив показал историю народов Дагестана не изолированно, а в тесной связи с историей Кавказа, на фоне складывавшейся на Кавказе международной обстановки.

Следует особо подчеркнуть, что при создании много- томной «Истории Дагестана» не только были использо- ваны работы сотрудников сектора, но и учтены дости- жения советского кавказоведения. Еще до издания «Ис- тории Дагестана» разрабатывались истории отдельных народов. Р. Г. Маршаев изучал историю Лакии, Х. Х. Рамазанов и А. Р. Шихсаидов — историю народов Южного Дагестана, Г.-А. Д. Даниялов — историю Лварии. Как материалы к истории Дагестана в 1964 г. были изданы «Очерки истории Южного Дагестана» Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова. В этой книге на конкретно-историческом материале освещается социаль- но-экономическая и политическая история Южного Да- гестана с древнейших времен до начала XX в. Немалое внимание уделено и развитию культуры лезгинской группы народов. Работа важна еще и тем, что вводит в научный оборот ценный фактический материал. В 1965 г. в Москве была издана монография В. Г. Га- джиева «Роль России в истории Дагестана», в которой освещается история русско-дагестанских отношений, на- чиная с VII в. н. э. до установления Советской власти, раскрывается роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. В том же 1965 г. вышла в свет монография сотрудника сектора А. Б. Баймурзае- ва «Из истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX в.». В ней рассматриваются некоторые вопросы развития просветительской философии, анали- зируется творчество Г.-Э. Алкадари, А. Омарова, М.-Э. Османова. Немного раньше сотрудник сектора Г. И. Милованов издал монографию «Очерк формирова- ния и развития рабочего класса в Дагестане», где на большом фактическом материале рассматриваются осо-

бенности формирования рабочего класса Дагестана. Анализируются динамика роста, источники пополнения рабочего класса. Ряд интересных наблюдений делает автор и относительно положения пролетариата Дагестана. Основные аспекты истории промышленного развития Северного Кавказа, формирования рабочего класса края, революционные выступления рабочих в начале XX в., образование социал-демократических организаций на Северном Кавказе и борьба рабочих этого края в период революции 1905—1907 гг. освещены в работах М. Ш. Шигабудинова²⁰.

За последние годы завершены исследования целого ряда проблем по досоветской истории Дагестана. В работах «Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V—XI вв.)», «Земельные отношения в раннесредневековом Дагестане», «Сельская община в раннесредневековом Дагестане» кандидат исторических наук, ныне покойный Ш. М. Ахмедов на основе конкретно-исторического материала исследовал формы земельной собственности (государственная дийа, икта, вакуф, общинная), проанализировал типы дагестанской общины, историю ее эволюции от тухумной через территориально-тухумную к сельской, что соответствует эволюции архаической, земельной общины — марки, раскрыл социально-правовое положение различных сословий, их прерогативы, материальное положение. Серьезное внимание уделено в его трудах и освещению внешних влияний на развитие социальных отношений в раннесредневековом Дагестане. Эти и другие вопросы нашли отражение в подготовленной к печати Ахмедовым Ш. М. монографии «Становление феодальных отношений в Дагестане в V—XII вв.»

В работе «Ислам в средневековом Дагестане»²¹ А. Р. Шихсаидова рассматриваются вопросы социально-экономического положения Дагестана в IV—X вв. В ней подробно освещается также история арабских завоеваний. Приводятся интересные сведения по истории проникновения и утверждения ислама в Дагестане, о значении религиозного фактора в идеологической жизни горских народов.

²⁰ Шигабудинов М. Ш. Борьба рабочих Северного Кавказа с какагуе и в период революции 1905—1907 гг. Махачкала, 1964.

²¹ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

На широком круге источников и литературы основано завершенное в 1973 г. монографическое исследование А. Р. Шихсаидова «Дагестан в X—XIV в. (опыт социально-экономической характеристики)»²². В нем детально анализируются различные аспекты развития в Дагестане феодальных отношений. Вопросы социально-экономического развития средневекового Дагестана нашли отражение в коллективной монографии Б. Г. Алиева, Ш. М. Ахмедова и М.-С. К. Умаханова «Из истории средневекового Дагестана»²³.

Наиболее сложной, вызывающей горячие споры проблемой дагестанского феодализма является вопрос об уровне общественно-экономического развития так называемых «вольных» аварских, даргинских и лезгинских обществ. Преодолев ряд трудностей и проанализировав огромное количество фактических данных, дагестановеды убедительно доказали, что общества, о которых идет речь, представляли собой союзы сельских общин. Это было серьезным достижением. Следует, однако, сказать, что не все союзы сельских общин оказались исследованными. Это ставило перед сотрудниками сектора задачей изучение фактической истории хотя бы наиболее крупных союзов сельских общин Дагестана. Изучением социально-экономического развития и общественно-политического устройства даргинских союзов сельских общин ряд лет занимался Б. Г. Алиев. Результаты исследований им опубликованы в коллективной монографии «Из истории средневекового Дагестана», где предметом исследования был один из крупных даргинских союзов сельских обществ «Акуша-Дарго». Им же опубликована монография, посвященная другому крупному союзу сельских обществ «Каба-Дарго»²⁴. Исследование социально-экономического развития дидойского союза сельских общин осуществлено Д. М. Магомедовым²⁵. В этих работах исследуется широкий круг вопросов хо-

---

²² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975.

²³ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

²⁴ Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972.

²⁵ Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах. Вопросы истории Дагестана. (Далее дается в сокращении — ВИД), вып. II. Махачкала, 1975; он же. Занятие населения Дидо в XVIII—XIX вв. ВИД, вып. 3. Махачкала, 1975.

зяйственно-экономического развития, рассматриваются формы земельной собственности и землепользования. Раскрывается социальное положение различных сословий, анализируется внешнеполитическое положение и внутреннее управление, структура тухума и джамаата, органы власти сельских общин и др. важные вопросы. В настоящее время ведется изучение Цудахарского союза сельских обществ А. Мансуровой и Салатавского союза — Ш. Мансуровым. Однако этим не завершается изучение уровня социально-экономического развития союзов сельских обществ Дагестана. Поэтому в будущем необходимо продолжить исследование этой проблемы. Необходимо также приступить к изучению более ранних периодов истории союзов сельских обществ.

Последние годы продолжалось интенсивное изучение развития феодальных отношений в Дагестане V—XVIII вв. Вопросы земельно-правовых отношений и положения крестьянства Центрального и Южного Дагестана изучил Б. Г. Алиев. Вопрос о крестьянстве Западного Дагестана исследовал Д. М. Магомедов. Развитие феодальных отношений в Табасаране изучил М. Р. Гасанов. Классы, классовую борьбу исследовал М.-С. К. Умаханов. Некоторые результаты этой очень важной работы были опубликованы в изданиях сектора²⁶ и публикуются в настоящем сборнике. В настоящее время сотрудники сектора Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К., Магомедов Д. М., Магомедов Н. А., (руков. авт. колл. В. Г. Гаджиев) завершают монографическое исследование чрезвычайно важной проблемы «Феодализм и народные массы». В ней на основе большого числа вновь выявленного фактического материала с учетом новейших достижений советского кавказоведения раскрывается

---

²⁶ Ахмедов Ш. М. Сельская община в раннесредневековом Дагестане. ВИД, вып. I, 1974; он же. К вопросу о распространении ислама в Дагестане; Гасанов М. Р. Некоторые вопросы социально-экономического развития Табасарана; Алиев Б. Г. Общинное землевладение в позднем средневековье; Умаханов М.-С. К. К вопросу о социальной борьбе в союзах сельских общин Дагестана в XVII в., ВИД, вып. 2, 1975; Ахмедов Ш. М. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане. Гасанов М. Р. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана; Умаханов М.-С. К. О классовой борьбе в феодальных владениях Дагестана XVII в. ВИД, вып. 3, 1975; Алиев Б. Г. Условное землевладение в Дагестане XV—XVII вв.— В сб.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

положение трудящихся масс в период феодализма, показывается самоотверженная борьба горского крестьянства против своих угнетателей.

Многовековая история народов Дагестана богата героическими событиями народно-освободительной борьбы, которую вели горцы Дагестана с многочисленными поработителями. История борьбы горцев Дагестана против сасанидов и арабов освещена в указанных выше работах Ш. М. Ахмедова, А. Р. Шихсаидова. Героическая борьба народов Дагестана против монголо-татар освещается в статьях А. Р. Шихсаидова, Б. Г. Алиева, Р. С. Шихсаидовой и Г. Х. Ичалова²⁷. В этих работах на основе выявленных за последние годы эпиграфических, топонимических и литературных данных определен маршрут похода монголо-татар в Дагестан, дано описание важнейших сражений между горцами и монголо-татарами.

История борьбы народов Дагестана с иноземными завоевателями в XVII в. освещена в ряде работ М.-С. К. Умаханова²⁸, в которых автор прослеживает основные этапы борьбы горцев Дагестана против сефевидов, на конкретных фактах показывает, что главной решающей силой борьбы против сефевидов являлось крестьянство. Освещению истории освободительной борьбы горцев Дагестана с ирано-турецкой агрессией в XVIII в. посвящены работы А. И. Тамая, В. Г. Гаджиева²⁹ и др. Освободительная борьба народов Дагестана в указанных трудах рассматривается в тесной связи с борьбой других народов Кавказа.

---

²⁷ Шихсаидов А. Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе /1239—1240 гг./ Уч. зап. ИИЯЛ, т. VI. Махачкала, 1958; Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XX. Махачкала, 1970; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана с татаро-монголами в пер. пол. XIII в. ВИД, вып. 1, 1974; Борьба народов Дагестана против Тимура. ВИД, вып. II, 1975; Дагестан — арена военных столкновений хулагидов и ханов Золотой Орды в XIII—XIV вв. ВИД, вып. 3, 1975.

²⁸ Умаханов М.-С. К. Борьба народов Дагестана в 1600—1660 гг. против иранской агрессии (кандидатская диссертация); он же. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973.

²⁹ Гаджиев В. Г. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XI. Махачкала, 1963; Тамай А. И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743). Уч. зап. ИИЯЛ, т. 5. Махачкала, 1958.

Советские дагестанские историки проделали значительную работу в области исследования дагестано-кавказских и дагестано-русских отношений. Достаточно сказать, что за последние годы сотрудники сектора подготовили ряд работ, посвященных изучению этого чрезвычайно важного вопроса. М. Р. Гасанов изучил взаимоотношения Дагестана с Грузией; Ч. М. Гашимов написал работу «Из истории взаимоотношений народов Дагестана с народами Северного Кавказа во второй половине XVI—XVIII вв.»; Р. С. Шихсаидова исследовала проблему взаимоотношений Дагестана с Азербайджаном. Результаты этих исследований были изданы в тематическом сборнике сектора «Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа» и помещены в подготовленный сотрудниками сектора тематический сборник «Вековая дружба народов Кавказа». Следует, однако, отметить, что изучение этой проблемы необходимо продолжить. В ближайшем будущем необходимо исследовать взаимоотношения Дагестана с народами Северо-Западного Кавказа и Арменией. Необходимо также приступить к изучению вопроса взаимоотношений Дагестана с народами Средней Азии и народами Ближнего Востока.

За последние годы сотрудниками сектора достигнуты большие успехи в области дальнейшего изучения дагестано-русских отношений. Кроме крупной монографии, о которой речь шла выше, за последние годы издан ряд статей, защищены диссертации. Опубликованы статьи В. Г. Гаджиева «Из истории великой дружбы»³⁰, М.-С. К. Умаханова «Помощь России Дагестану в борьбе с иранскими завоевателями в первой пол. XVII в.», «Отношение России к борьбе народов Дагестана с иранской агрессией в XVII в.»³¹, где на конкретно-историческом материале раскрывается экономическая и военно-дипломатическая помощь торцам Дагестана в их неравной борьбе с шахским Ираном. Приводятся сведения о мероприятиях царизма, способствовавших укреплению ориентации Дагестана на Россию.

В 1973 г. сотрудник сектора А. И. Свистунова опубликовала книгу о деятельности русской интеллигенции

---

³⁰ ВИД, вып. II. Махачкала, 1975.

³¹ Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.

в Дагестане в конце XIX — начале XX вв.³² В ней на конкретных фактах раскрывается прогрессивная роль русской интеллигенции как в изучении природных ресурсов края, так и в развитии экономики и культуры горцев Дагестана. Важные аспекты истории русско-дагестанских отношений освещаются и в работе Р. А. Губахановой «Национальная политика России в Дагестане во второй половине XIX — начале XX вв.» Историю русско-северокавказских отношений исследовали аспиранты сектора Я. Ахмадов, Г. Гантемирова и соискатель Магомадов.

Сотрудники сектора Гаджиев В. Г., Габиев Д.-М.С., Шихсаидова Р. С., Магомедов Н. А. подготовили к печати и сдали в производство издательства «Наука» сборник документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII — первой четверти XIX в.». Документы сборника, извлеченные из центральных и местных архивных хранилищ, значительная часть которых впервые пускается в научный оборот, характеризуют военно-политическую обстановку, сложившуюся на Сев. Кавказе, раскрывают основные этапы дагестано-русских отношений, показывают процесс включения феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана в состав России. В заключении сборника помещен текст Гюлистанского мирного договора, по условиям которого было юридически оформлено присоединение Дагестана к России.

В историографии Дагестана достойное место занимают исследования пореформенного периода. Еще в 50—60-е гг. сотрудники сектора Х. Х. Рамазанов, А. Г. Мелешко изучили вопрос о сущности крестьянской реформы, ее предпосылках и ходе ее осуществления в Дагестане. Показали, как и в каких условиях шло зарождение и развитие буржуазных отношений. В изучении истории народов Дагестана пореформенного периода за последние годы достигнуты значительные успехи. Достаточно сказать, что сотрудники сектора завершили ряд интересных исследований, посвященных этой проблеме. Р. А. Губаханова подготовила исследование «Политика России в пореформенный период». М. Х. Мансуров завершил работу «Социально-экономическое раз-

---

³² Свистунова А. И. Прогрессивная деятельность русской интеллигенции в Дагестане (вторая пол. XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1973.

витие Засулакской Кумыкии в конце XIX — нач. XX вв.». Д.-М. С. Габиев исследовал проблему проникновения капиталистических отношений в ремесленное производство Дагестана и др. Проблему отходничества в Дагестане в конце XIX в. исследовал М. Ш. Шигабуудинов. Кроме того, на секторе исследуется история развития крестьянских промыслов. Следует, однако, заметить, что в дагестанской исторической литературе пока еще недостаточно изучена история аграрных отношений в начале XX в., не выяснены причины, определившие острый характер классовой борьбы. Исследованием этих важных вопросов необходимо заняться в ближайшем будущем.

Историки Дагестана (в том числе и сотрудники сектора) самое серьезное внимание уделяли и уделяют изучению истории революционного движения, раскрытию влияния борьбы российского пролетариата на национально-освободительное движение горцев. Историография классовых боев особенно обогатилась за последние годы. Опубликованы статьи и монографии, в которых на фоне общероссийских событий показано революционное движение в Дагестане в годы революции 1901—1907 гг., сделана попытка систематического, всестороннего изложения революционных событий и выявления их специфики. Изучению истории рабочего движения на Северном Кавказе посвящены работы, выполненные на секторе доктором исторических наук М. Ш. Шигабуудиновым³³. В них на основе новых документов исследуется динамика количественного и качественного состава рабочих края, вскрыто экономическое положение и особенно тяжелые формы эксплуатации их труда, разработана статистика стачек, формы проявления борьбы рабочих, выяснены соотношения общего и особенного, стихийности и сознательности в рабочем движении, показано влияние рабочих на аграрное, национально-освободительное, ученическое и др. общественные движения, раскрыты объективные и субъективные факторы, приведшие к их слиянию под руководством пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии.

---

³³ Шигабуудинов М. Ш. Рабочее движение на Северном Кавказе в годы реакции (1907—1919). Махачкала, 1973; Рабочее движение на Северном Кавказе в годы нового революционного подъема и первой мировой войны (1910 — февраль 1917 гг.). Махачкала, 1970.

Глубокое и всестороннее изучение социальной и политической истории народов края в период капитализма поможет поставить и решить проблему о социально-экономических предпосылках победы Советской власти в Дагестане. Без преувеличения можно сказать, что за последние годы сотрудники сектора сделали многое в деле разработки источниковедения и историографии истории Дагестана.

Еще в 1958 г. был издан сборник документов и материалов «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.» и сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана в XVIII — XIX вв.» В 1968 г. был издан сборник материалов и документов, подготовленный к печати А. С. Омаровым, «Из истории права народов Дагестана». Тогда же был издан сборник документов и материалов «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.» В 1959 г. был издан сборник документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е гг. XIX в.». Осуществлен ряд публикаций в изданиях сектора (В. Г. Гаджиев «Документы по истории Дагестана XIX в.»; М. Ш. Шигабудинов, Т. Айтберов «Документы по истории средневекового Дагестана»; М. Р. Гасанов «Материалы по истории Табасарана»; Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Гасанов М. Р., Ичалов Г. Х., Магомедов Д. М. «Материалы по метрологии Дагестана», «Сельскохозяйственный календарь народов Дагестана»).

Были также изданы эпиграфические памятники, имеющие немаловажное значение для изучения средневековой истории Дагестана³⁴. Ш. М. Шигабудинов издал интересные документы «Листовки организаций РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг. на Северном Кавказе». Незначительная часть выявленных за последнее время источников публикуется в настоящем сборнике. Кроме того, на секторе завершается подготовка сборника документов и материалов о классовых боях в Дагестане XVI—XVIII вв., а также сборник материалов «Русские и западно-европейские путешественники на Северо-Восточном Кавказе в XIII—XVIII вв.»

---

³⁴ Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана. УЗ ИИЯЛ, т. IX, 1961; Арабские строительные надписи Дагестана /XI—XVII/. УЗ ИИЯЛ, т. XIII. Махачкала; он же. Новые эпиграфические памятники Дагестана. ВИД, вып. I, 1974.

Большая исследовательская работа, проводимая в последние годы дагестановедами, и перспектива ее развития невозможны без источниковедческого анализа накопленных фактов и существующей литературы. Немалый вклад в работу по изучению источников сделан сотрудниками сектора. А. С. Омаров изучал «Обычное право Дагестана как исторический источник», А. Р. Шихсаидов — источники по средневековой истории Дагестана. В 1979 г. в издательстве «Наука» опубликована монография В. Г. Гаджиева «Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа». В 1975—1976 гг. изданы статьи В. Г. Гаджиева «Дербент-Намэ» Мирза Хайдара Везирова», «О русском переводе «Дербент-Наме», «Новый источник по истории Дагестана XIX в.», «Абдурахман и его воспоминания».

Руководствуясь указаниями партии, сотрудники сектора, как и все советские историки, сочетали позитивную разработку проблем истории Дагестана с историографическим анализом работ предшественников. За последние годы на секторе опубликованы работы В. Г. Гаджиева «Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20—50-е гг. XIX в.», «Советская историографическая наука Дагестана» (итоги и перспективы), М. А. Амаева завершает изучение историографии древней истории Дагестана. На секторе ведутся также исследования проблем историографии генезиса феодализма, взаимоотношений Дагестана с другими народами. В будущем необходимо усилить исследование по историографии и источниковедению. Необходимо расширить публикацию исторических источников по социально-экономической истории, особенно по истории крестьянства и народных движений. Следует также подготовить к изданию сборник «Статьи и речи» профессиональных революционеров Дагестана. Необходимо наладить научное издание текстов дагестанских исторических хроник и труды дагестанских историографов, кавказских и восточных авторов, содержащих обильный материал для исследователей древней и средневековой истории Дагестана. Настало время создать монографические исследования о жизни и творчестве наиболее видных историков и ученых Дагестана. Подвергнуть источниковедческому и историографическому анализу отдель-

ные труды и наиболее крупные проблемы истории Дагестана. И, наконец, необходимо подготовить и издать труды по библиографии, архивоведению, хронологии и др. вспомогательным историческим дисциплинам, «за которыми теперь признаются не только специфические методы, но и вообще самостоятельные цели исследования, позволяющие считать их специальными историческими дисциплинами»³⁵.

Картина научной жизни сектора истории Дагестана досоветского периода Института истории, языка и литературы не была бы полной, если не учесть большую работу его коллектива по подготовке высококвалифицированных кадров как для Дагестана, так и для соседних республик Северного Кавказа, а также помощь, которую они оказывают историческим учреждениям края. Участие сотрудников сектора в пропаганде исторических и научных знаний среди трудящихся масс. С 1961 г., т. е. со времени своего основания, сектор подготовил около 20 кандидатов исторических наук, среди которых 6 человек — из братской Чечено-Ингушетии. За это время защищены три докторские диссертации. В настоящее время аспирантскую подготовку проходят 6 аспирантов и два соискателя. Сотрудники сектора являются научными руководителями и рецензентами дипломных работ исторического факультета Даггосуниверситета им. В. И. Ленина. Часто выступают они и оппонентами при защите докторских и кандидатских диссертаций. Только за последние годы они оппонировали и рецензировали ряд докторских и кандидатских диссертаций в Москве, Баку, Ростове, Нальчике, в Махачкале и др. городах. Серьезное историческое значение имеют рецензии сотрудников сектора на коллективные работы: «История Кабардино-Балкарской АССР (с древнейших времен до наших дней)» (1967), «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. 1 (1967), «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. 1 (1967), отдельные тома многотомной «Истории СССР», «Истории народов Северного Кавказа» и другие монографии.

Сотрудники сектора написали ряд статей для Боль-

---

³⁵ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970, с. 3.

шой Советской Энциклопедии, для Исторической Энциклопедии, а также Украинской, Белорусской, Эстонской, Молдавской, Грузинской, Армянской, Азербайджанской Энциклопедий. Ими же по существу написан весь раздел по досоветской истории Дагестана подготовленного Институтом ИЯЛ энциклопедического справочника «Дагестан». Следует быть отмеченным и участие сотрудников сектора в работе V Международного конгресса экономической истории, XIII Международного конгресса историков и XV Международного конгресса востоковедов. Активное участие сотрудники сектора принимали в работе всесоюзных и региональных совещаний, семинаров и симпозиумов, самое активное участие они принимали в недавно прошедшей в Махачкале конференции «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа». Сотрудники сектора являются членами Научного Совета АН СССР «Генезис капитализма», членами Северо-Кавказского Научного Центра, членами Координационного Совета республики.

Большую работу сотрудники сектора проводят по выявлению, комплектованию, систематизации, хранению и созданию источниковедческой базы для исследователей-историков. Достаточно сказать, что несколько десятков тысяч документов, выявленных сотрудниками сектора из центральных архивохранилищ страны, хранятся в Рукописном фонде ИИЯЛ. Собраны ими ценные рукописные сочинения, большое количество документальных и нарративных источников. В Рук. фонде ИИЯЛ сосредоточены также найденные ими в районах Дагестана эпиграфические памятники, записи адатов и др. историко-этнографические материалы.

Особо следует отметить работу, сделанную сотрудниками сектора по популяризации исторических знаний среди широких масс республики: они частые гости у тружеников села, ежегодно ими прочитываются более 100—150 лекций в районах Дагестана, они выступают по радио и телевидению, публикуют статьи в периодической печати, составляют тексты лекций для общества «Знание». Таковы вкратце достижения сектора за пройденный им путь.

Перед сотрудниками сектора стоит задача дальнейшего глубокого изучения многих важных и очень слож-

ных проблем истории народов Дагестана. Нет сомнения, что они, вооруженные историческими решениями XXV, XXVI съездов и Пленумов ЦК КПСС, с честью справятся с этой задачей, будут и впредь развивать и углублять свою научно-исследовательскую работу.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЧАСТНОФЕОДАЛЬНОЕ (БЕКСКОЕ) ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ В XV—XVII ВВ.

Вопрос о земельной собственности вообще и отдельных ее формах имеет первостепенное значение в определении уровня общественных отношений. Поэтому историки, занимающиеся изучением общественного строя Дагестана, в той или иной степени касаются существовавших в прошлом у народов Дагестана форм земельной собственности.¹ Однако в дагестанской историогра-

---

¹ Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. 1 (исторический). Свердловск, 1938; Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Дисс... канд. истор. наук. М., 1947; Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., 1949; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957; он же. История Дагестана, вып. I. Махачкала, 1961; вып. II. Махачкала, 1968; он же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971; то же, вып. II. Махачкала, 1975; Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — нач. XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957; Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — начале XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1959; он же. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965; он же. Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Махачкала, 1970; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963; Агларов М. А. Техника сооружения террасных полей и вопрос об эволюции форм собственности у аварцев до XX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XIII. Махачкала, 1963; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964; История Дагестана, т. I. М., 1967; т. II. М., 1968; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура

фии мало работ, посвященных отдельным формам земельной собственности. До сих пор нет ни одной работы, посвященной и частнофеодальному землевладению.

В данной статье делается попытка специального изучения частнофеодального (бекского) землевладения в Дагестане в XV—XVII вв. Изучение этого вопроса в указанных хронологических рамках сопряжено с определенными трудностями, связанными с отсутствием достаточного количества источников и литературы. Поэтому автор статьи не претендует на полное и всестороннее решение вопроса. При выявлении новых источников возможны не только дополнения изучаемого вопроса, но и какие-то коррективы.

Бекское землевладение являлось одной из форм феодальной земельной собственности. Образование бекского феодального землевладения являлось следствием дробления крупного феодального землевладения и укрепления частной феодальной земельной собственности. В исследуемые века данное землевладение являлось основным видом феодального землевладения в Дагестане. Генезис бекского сословия, а вместе с тем и бекского феодального землевладения, по мнению М. М. Ковалев-

---

аварцев. Махачкала, 1967; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX в.). Махачкала, 1967; Даниялов Г. Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — начале XX вв. Махачкала, 1970; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972; он же. Общинное землевладение в Дагестане в позднем средневековье. Вопросы истории Дагестана, II. Махачкала, 1975; он же. Условное землевладение в Дагестане в XV—XVII вв. Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976; Рамазанов Х. Х. Социальная структура Дагестана в пореформенный период. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. IV. Махачкала, 1974; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975; Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII — нач. XIX в. Дисс... канд. истор. наук. Махачкала, 1976; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1978; Айтберов Т. М. Ленная грамота аварских ханов (19 в.). Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. V. Махачкала, 1974; он же. О земельных пожалованиях в Дагестане в XV—XVI вв. Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. М., 1979.

ского, был таким же, «что и служилых людей: антрустионов, танов, дружинников. Временное и личное отличие, вызываемое службой, со временем на почве чисто фактических отношений приобретает характер постоянной сословной привилегии; вместо того, чтобы вознаграждать служащих определенным жалованьем, ханы и султаны наделяют их правом обращать в свою пользу все натуральные и денежные поступления с крестьян известного округа. На первых порах это право всецело связано со службой и прекращается вместе с ней, но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на поселянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличающегося от собственности»². Но вместе с тем нельзя согласиться с другим утверждением М. М. Ковалевского о том, что «на должности местных начальников правители обыкновенно определяют собственных детей от неравных браков или так называемых чанков»³. Однако такое положение имело место в отношении только так называемых чистокровных детей феодальных правителей. Об этом говорится почти во всех источниках, об этом пишут все исследователи. В частности В. Линден писал, что в отличие от Закавказья в Дагестане только чистокровные беки пользовались «преимущественными правами на занятие различных административных должностей и, в том числе, по управлению теми или другими районами данного владения или отдельными селениями»⁴.

Таким образом, основная масса беков в дагестанских феодальных владениях образовалась из членов семей феодальных правителей, которые, получив в наследственное владение «отдельные районы владений», становились крупными феодальными землевладельцами, находящимися в вассальных отношениях к своему сюзерену (хану).

Все дети феодальных правителей, рожденные от равного брака, считались беками. Основанием для по-

---

² Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, т. I, с. 230.

³ Там же.

⁴ Линден В. Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края. КК на 1917 г. Тифлис, 1916, с. 286.

лучения в собственность части владения феодального правителя служила принадлежность к его семье. Дети и другие члены семей дагестанских правителей получали земли как по наследству, так и по назру, т. е. в результате дарений. В исследуемые века это было характерно для всех феодальных владений Дагестана. Именно поэтому основным видом феодального землевладения в Дагестане являлось бекское, хотя территориально не все владения были разделены на бекства. Беки в исследуемый период являлись наиболее многочисленным привилегированным сословием. «В этой стране (Дагестане — Б. А.), — писал в середине XVII в. А. Олеарий, — имеются различные князья, почти в каждом городе имеется особый»⁵.

Я. Я. Стрейс также писал, что здесь «много властелинов и князей»^{5а}. В начале XVIII в. И.-Г. Гербер писал, что «аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владетеля имеет». Не может быть сомнения, что речь здесь идет о беках. Это подтверждается и словами того же автора, что они «подчинены» нуцалу⁶. Эта особенность развития Дагестана отмечена и советскими исследователями. «...институт беков в Аварии, — пишет Р. М. Магомедов, — был довольно распространенным явлением. Беки имелись в самом Хунзахе, Гоцатле, Сиухе, Голотле и в окрестных аулах ханства»⁷. «Основными владетелями Казикумуха, — пишет Р. Г. Маршаев, — являлись беки, которые ранее находились в вассальных отношениях к шамхалам, а со времени, например, второй половины XVII в. стали независимыми от шамхалов»⁸. Это были

⁵ Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 494.

^{5а} Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935, с. 220.

⁶ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, с. 113. (В дальнейшем ИГЭД).

⁷ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957, с. 104. (В дальнейшем Магомедов Р. М. Общественно-экономический...)

⁸ Маршаев Р. Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (в дальнейшем РФ ИИЯЛ), ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 81.

в основном потомки и родственники шамхалов, ханов и других владетелей⁹, являвшиеся владетельными беками¹⁰.

Земельная собственность владетельных беков складывалась в основном в результате перехода земель по наследству от их отцов — феодальных правителей. В архивном материале, говорящем о времени до разделения Табасарана на два владения, пишется: «Родовые владения, состоявшие из раятских селений и не заселенных земель, делились по наследству между членами Майсумского рода»¹¹. В другом источнике также сказано, что «селения предгорья Табасарани, называемые раятскими, переходили по наследству ко всем членам владетельных домов, именующимся беками»¹². Майсумство и Кадийство Табасаранские, писал участник Персидского похода 1796 г. Ф. Ф. Симонович, — «заключают в себе других частных временных владельцев, братьев и сродственников настоящих владельцев»¹³.

Сословно-поземельная комиссия, собравшая большой материал по земельным отношениям в Дагестане, указывала, что деревни и земли ненаселенные «уцмий не дарил бекам, они доставались им только по наследству»^{13а}. Причем, в Кайтаге, как и в Табасаране, между беками делилась не вся земля, а только ненаселенная, «так называемые кутаны и ятаги бекские, служившие прежде зимними пастбищами и поэтому приносявшие непосредственный доход землевладельцам»¹⁴.

Земли, находившиеся в общественном пользовании поселян, не делились между беками. Населенные раятами земли всегда оставались за ними. В случаях, когда какое-либо селение переходило к нескольким лицам, делились не земли, которыми пользовались поселяне, а выделялось определенное число раятских дворов. Так как передел земель производился не на равные части между крестьянскими дворами, а по количеству

⁹ История Дагестана в 4-х томах. М., 1967, т. 1, с. 318.

¹⁰ Там же, с. 239.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 30, л. 22.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 1-а.

¹³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. ИГЭД, с. 152.

^{13а} Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, л. 7; Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XX в. М., 1969, с. 185. (В дальнейшем — Феодальные отношения...).

¹⁴ Феодальные отношения..., с. 190.

рабочего скота, которое в зависимости от разных обстоятельств могло изменяться, то, следовательно, изменялся и надел, которым пользовались поселяне, отбывавшие повинности известному беку. Причем, беки рассматривали их не как арендаторов, а как подвластных, которые, кроме поземельной подати, обязаны были и некоторыми личными услугами¹⁵. Речь здесь идет о землях Терекеме, которые после заселения «обратились в собственность уцмия и стали затем делиться между его наследниками беками»¹⁶. И эти бекские имения «по роду получаемых повинностей от поселян принадлежали к числу тех, земли которых находились в действительном обладании беков, приносящие им доход земными произведениями и другими повинностями»¹⁷.

Аналогично получали по наследству земли и беки Табасарана, которые также населенные раятами земли «делили между собою по числу дворов или душ мужского пола, принимая во внимание самостоятельность раят, которые находились в прямой зависимости от раятской земли»¹⁸.

Особенно наглядно передача бекам земель по наследству прослеживается в Шамхальстве. В этом отношении большой интерес представляет рассказ Аллаги, в котором дается перечень феодальных владетелей и беков. Из них мы видим, что большинство беков — это родственники шамхала, от которого по наследству они получали в удел определенное селение и земли. Так «в Андрееве деревне» находились «Шевкаловы дети Салтан Магмут з братьею», у сына шамхала Нуцала находилась деревня Карагач, в Таркали находился сын шамхала Сурхай; в Кафыр-Кумухе — сын шамхала Андий; «за Тарками у Горячево колодезя» — сын шамхала Ахмедхан; в Губдене — племянник шамхала; в Бойнаке — племянник шамхала; в Охли — зять шамхала; в Доргели — сын крым-шамхала Мехди; в Дженгутае — племянник крым-шамхала Сурхай; в Уллу-Чара — племянник шамхала Салтан¹⁹. Выделенные по наследству в удел представителям шамхальской семьи — братьям,

¹⁵ Там же; РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 155, л. 22.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 20.

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 70.

¹⁸ Там же, л. 90.

¹⁹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889, с. 292—293.

сыновьям, племянникам и зятям — земли становились собственностью беков.

Указанные сведения относятся к концу XVI в. То же самое мы видим и в сведениях начала XVIII в. Так, И.-Г. Гербер писал, что «большие деревни и из малых несколько вместе розданы сыновьям шамхальским и нескольким знатным людям дагестанского народу для содержания»²⁰. Он указывал также, что «еще до дальнего определения (т. е. еще издавна — Б. А.) доходы допущено брать сыновьям шамхальским и другим владельцам»²¹. Так, в начале XVIII в. владельцем Губдена был дядя шамхала Тарковского Муртазали²².

Сословно-поземельная комиссия также отмечала, что в прошлом «шамхалы и ханы Мехтулинские для обеспечения своих родственников — беков в материальном отношении давали им свободные земельные участки, кутаны и ятаги и населенные земли, с которых беки могли получать следовавшие прежде в пользу владельцев доходы и повинности»²³.

Другим источником образования и пополнения бекского землевладения в Дагестане являлось дарение земель феодальными владельцами членам своих семей. Беки получали земли как за заслуги, как например, в Кайтате терекемейские деревни²⁴ и в Табасаране, о которых в архивном материале сказано, что пахотные земли на кутанах (ятагах) майсум и кадий отдавали по своему усмотрению в виде поощрения прежде всего бекам²⁵, так и по назру²⁶.

В исследуемые века феодальные владельцы широко использовали назру для передачи земель членам своих

²⁰ Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 71.

²¹ Там же.

²² Сношения России с Персией. 1723 г. Копия допроса первого дворянина Аваса, присланного от коменданта Михаила. Микрофильмы архивных документов, извлеченных В. Г. Гаджиевым из АВПР МИД СССР. РФ ИИЯЛ, д. 3141, л. 12.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 19.

²⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, д. 1224, л. 19. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 176.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 16-а, ч. 4, л. 7.

²⁶ Назру, согласно мусульманскому праву, — это «обет», даваемый всевышнему в учинении какого-либо богоугодного дела или в совершении благотворительности, посредством передачи кому-либо своего имени на полном праве собственности. — Poleмика Дагестанских ученых по вопросу об учреждении собственности по назру (обету). ССКГ. вып. V. Тифлис, 1871, с. 4.

семей, родственникам и иным лицам. Согласно собранным сословно-поземельной комиссией сведениям и показаниям кумыкских князей, «за владельцами всегда было право дарить земли по их усмотрению в потомственное или пожизненное владение»²⁷, «каждый владелец недвижимого и движимого имущества может передавать по назру кому хочет, минуя прямых наследников мужского пола»²⁸.

По мнению М. М. Ковалевского, институт «назру» — это то же самое, что и завещание в других странах. «Путем таких дарений при жизни,— писал он,— «назру» исполняют то же назначение, какое в других странах принадлежит завещанию; дагестанский отец в состоянии изменить тот порядок раздела имущества, какой установлен законодательством о наследовании. Он может дать дочери равные с сыновьями доли или совершенно обойти их и передать все имущество своим внукам, сыновьям дочери. Он может также обделить сестру, в пользу ее сына — племянника и на самом деле часто делает это. Он может дать долю в наследство при живых сыновьях внуку, отец которого умер до открытия наследства, т. е. установить в их пользу право представления, но он может также искусственно создать майорат или единопоследие,— одарить одного из своих сыновей, все равно — старшего или среднего, или младшего или обойти всех их и оставить все дочерям»²⁹.

В советской историографии впервые обратили внимание на назру как на один из основных институтов передачи земли профессора С. В. Юшков и Р. М. Магомедов, по мнению которых назру получил широкое распространение в Дагестане³⁰. Вслед за рядом дореволюционных авторов (напр., Н. П. Тульчинский — «земли дарились под словом *назру* (на вечные времена), или временно — в пожизненное пользование») ³¹ Р. М. Магомедов пишет, что назру по своей сущности представлял

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 20.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133; д. 14, л. 242.

²⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч., т. II, с. 211—212.

³⁰ Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. I (исторический). Свердловск, 1938; Магомедов Р. М. Общественно-экономический...

³¹ Тульчинский Н. П. Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости. Владикавказ, 1903, с. 6, 14.

из себя как последственное (леп), так и временное или пожизненное (бенефиций) пожалование³².

Хотя в Дагестане арабская письменность и была широко распространена, тем не менее здесь письменные завещания составлялись редко. «Назру, или распоряжение имуществом при жизни, были не письменными, а устными. Только со времени водворения русских в Дагестане, по прямому настоянию начальства устные завещания стали уступать место письменным»³³.

И тем не менее, сохранились отдельные сведения об актах дарений земель феодальными владельцами членам своих семей. Так, по сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби, в середине XVII в. селение «Пирбай» находилось в ведении сына Карабудакского хана и являлось одним из сел, подаренных дагестанским падишахом (шамхалом—**Б. А.**) Магомед Кирай хану»³⁴.

Более интересные сведения, подтверждающие право владельца по своему усмотрению дарить по назру земли любому родственнику или члену семьи, имеются в материалах сословно-поземельной комиссии, собранных на территории бывшего Тарковского шамхальства. В них имеется несколько сообщений о том, что примерно в конце XVII в. шамхал Тарковский подарил своему внуку Амал Магомеду селения Харкас и Верхнее Казанище, с прилежащими к ним горами, а также три кутана в Чанкаке под названием Хайдак, Сархай и Чикьянак и селение Юхари-Таркали со всеми прилежащими к нему землями, которые назывались Таркали-Овлак, или Кокрек, до Темир-Кою, и до самого Уй-Соглан-Тобе³⁵.

В «Истории Цахура», сохранившейся в рукописи на арабском языке, имеется сообщение о том, что Цахурский султан Георгий подарил своему брату Тарагаю земли от Алазани до горы Шахьялаха. Кроме того, Георгий подарил одному из феодалов по имени Али-Бек

---

³² Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 389 -- 390.

³³ Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 211.

³⁴ Челеби Эвлия. Отрывки из «Путешествия». РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 101.

³⁵ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 39; д. 192, лл. 65, 69; д. 194, л. 20.

большое имение в Чардахларе до Кума и от горы Сарыдага до ущелья Недир-Кина³⁶.

Согласно преданиям, некогда в Гидатли был шамхал. В Гооре находились три сына шамхала — Гази, Мирза и Сурхай. Между ними и другими сыновьями шамхал разделил землю Гидатлинского общества. Впоследствии между горцами и гидатлинцами происходили конфликты. Возможно, что эти постоянные конфликты являлись феодальными претензиями потомков местного шамхала³⁷.

Получив по наследству или дару земли, беки становились такими же собственниками их, как и феодальные правители в своих доменах, так как последние вместе с землей уступали бекам и свои феодальные права на них. Беки владели этими землями по праву частных собственников. Земли беков, как частных феодальных собственников, свободно передавались по наследству (беки имели «наследственные права над подчиненными им деревнями») ³⁸, завещались, отчуждались путем продажи и т. д. Земли беков находились в их полной собственности. Они имели на них права владения, пользования и распоряжения. «Так как в Дагестане место завещания занимает дарение и так как дарить можно только в собственность,— писал М. М. Ковалевский,— то понятным становится происхождение следующего правила: лицо, передающее кому-либо свое имущество, не может стеснять его воли в распоряжении этим имуществом, выставляя, например, требование, чтобы часть имущества пошла на покрытие издержек по похоронам, на свадьбу или в приданое дочери, или иной родственницы завещателя» ³⁹.

Эту характерную особенность бекского землевладения отмечают и советские исследователи. «Беки имели право неограниченного распоряжения своей землей»,— писал С. В. Юшков⁴⁰. Говоря о беках Аварии, Р. М. Ма-

---

³⁶ История Цахура. Перевод с азерб. яз. Г. Х. Ибрагимова, с. 2—3. Документ любезно предоставлен в наше распоряжение Г. Х. Ибрагимовым.

³⁷ Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды, вып. II. Дакинигоиздат, Махачкала, 1975, с. 245—246. В дальнейшем — Магомедов Р. М. Дагестан...

³⁸ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, ч. I. СПб., 1871, с. 604.

³⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч., с. 211.

⁴⁰ Юшков С. В. Указ. соч., с. 79.

гомедов отмечает, что «внутри ханства, будучи собственниками пахотных земель, беки обладали всеми правами и преимуществами феодала»⁴¹. О безусловной частной собственности на землю беков писал Х.-М. О. Хашаев⁴².

Сословно-поземельная комиссия, отмечая, что бекские земли находились в непосредственном их распоряжении⁴³, что собственность бека была неприкосновенна и феодальный обычай лишал хана всякого права «отбирать наследственные имения беков»⁴⁴ и т. д., собрала и ряд конкретных примеров, подтверждающих это и для исследуемого нами периода. Так, в приведенном выше дарственном акте Тарковского шамхала своему внуку Амал Магомеду было оговорено: «Без исключения все упомянутые подарки им сделаны на основании шариата, что никто не вправе будет когда-либо иметь об оных спор»⁴⁵.

Беки были полными хозяевами своих земель и распоряжались ими по своему усмотрению. Проявлялось это наиболее ярко в праве отчуждения. Ряд сведений указывает на превращение бекских земель в объекты купли-продажи. В конце XV — начале XVI в. на территории Салатавии было 10 селений, земли которых принадлежали местным кумыкским бекам. Согласно сохранившимся записям и преданию, Заза-бике, владевшая большими земельными угодьями в сел. Нуца-базул-росо, подарила местность Чиркитала (гору Агач и землю Буранчушоб) переселенцам из сел. Гента — братьям Хидри и Муса. Местность Туз-Таву Заза-бике по вакфу отдала салатавцам. После основания Чиркея отец нуцалчи Амирхан-бека из Амирхан-Росо Алхас продал кутан под названием Алхасил-кутан чиркеевцам. Затем чиркеевцы купили у беков земли Гъурухъ-башни, Хадуни, Чалабазул хьунхьлги и УмалхІяшилкахурси. Нуцалчи из Караная Агай продал чиркеевцам местность

⁴¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 105.

⁴² Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.

⁴³ Феодальные отношения..., с. 185.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 21; Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — нач. XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (в дальнейшем — УЗ ИИЯЛ), т. VII. Махачкала, 1959, с. 141.

⁴⁵ Прошение жителей Темир-Хан-Шурина округа..., РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 192, л. 69.

Агъайлтала⁴⁶. Другие земли чиркеевцы приобрели покупкою большею частью от андреевских беков⁴⁷. «Засулакские князья,— говорится в одном из материалов сословно-поземельной комиссии,— дарили и продавали по своему усмотрению населенные и пустопорожные земли»⁴⁸. Сохранился договор купли-продажи за 1617 год, где говорится, что андрейаульский эмир Темир сын Эмира Нуцала «со своей стороны» и от имени «детей его двоюродного брата Уцумия продал обществу селения Чиркей через уполномоченных пастбища вместе с лесами и сенокосными участками, находящимися на них», которые назывались «Милишь-тав, Ашу-тав, Би-ли-тав, Узул-тав... за двести рублей русскими деньгами, две тысячи овцеголовья и сто десять быков»⁴⁹.

В письме унцукульцев к гидатлинскому войску, написанном примерно в середине XVIII в., говорится о покупке унцукульцами горы «у белого Иман-Али, когда слепой нуцал еще был молодым, за пять тысяч «безжанов», что, по предположению Р. М. Магомедова, является искаженной «безонт» — монета, чеканившаяся по весу равному прежним византийским монетам⁵⁰.

Бекское землевладение — это форма феодальной земельной собственности, «стоявшая вне служебного ленного землевладения». Хотя беки и находились в вассальной зависимости от феодальных владетелей и в случае необходимости по призыву их должны были выходить со своими дружинами и ополчением, они не находились на положении служилых людей. «Хотя бекства и входили в состав шамхальства, определяя его административное деление,— пишет Р. М. Магомедов о беках шамхальства Тарковского,— но сами беки не были должностными лицами. Шамхал их не назначал и не

---

⁴⁶ Казиев Гамзат. Судьба селения Чиркей. Дружба (на авар. яз.). Магомедов Р. М. Дагестан..., с. 209—213; Полевой материал, собранный нами в 1974 г.

⁴⁷ Записка о правах и преимуществах господствующих групп населения, об адатах и управлении жителей присулакского наибства. РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 79, л. 29.

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 20. Происхождение жителей и об их правах в пользоваши землей. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 169, лл. 34, 50.

⁴⁹ Договор купли-продажи. Из истории права народов Дагестана. Материалы и документы. Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968, с. 233.

⁵⁰ Магомедов Р. М. Дагестан..., с. 201—202.

сместал. Они были вассалами шамхала и несли сопряженные с этим обязанности вассала к сюзерену»⁵¹. По мнению С. В. Юшкова, «земельное право беков Дагестана весьма близко подходило к русским удельным отпущениям», «удельные князья», — писал он, — «получали земли в полное обладание»⁵². То же самое пишет Р. М. Магомедов о кумыкских беках⁵³.

Приведенные выше примеры говорят о том, что беки получали земли от феодальных правителей на праве собственности⁵⁴. Получив земли по наследству или назру, беки получали вместе с тем и все остальные права феодальных собственников — право налогового и административно-судебного иммунитета, право отчуждения земли и т. д., и они не могли быть отчуждены государством и в его лице феодальным правителем. Налоговый и административно-судебный иммунитет являлся характерной особенностью бекского землевладения, как частной феодальной земельной собственности. «...в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде, — указывал К. Маркс, — была атрибутом земельной собственности»⁵⁵. Сам факт получения земли в собственность с правом отчуждения являлся показателем того, что феодальные правители вместе с землей отказывались в пользу беков и от всех остальных прав, которыми они обладали как земельные собственники. Ни государство, ни верховный феодальный правитель не получали с земель частных феодальных собственников (беков) каких-либо доходов. Ни государство, ни феодальный правитель не устанавливали ни размера, ни формы феодальной ренты, присваиваемой феодалом. Размер феодальной ренты определялся в соответствии с существующей традицией и зависел от реальной власти феодала над зависимым населением (крестьянами).

В Дагестане, как и в других странах Кавказа, с распространением ислама частное феодальное землевладение стало известно под названием мюльк. Беки-мюльк-владельцы — это те же самые крупные землевладель-

⁵¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 194.

⁵² Юшков С. В. Указ. соч., с. 79.

⁵³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 172.

⁵⁴ Землевладение в Дагестане. Терские ведомости, № 90, 31 июля 1898 г.

⁵⁵ Маркс К. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, с. 344.

цы-вотчинники, что и феодальные владетели, хотя в собственности их, без сомнения, находилось меньше земель. Конечно, и внутри самого бекства были собственники, владевшие различными по величине земельными угодьями. Среди беков имелись владетели весьма сильные, владевшие большим имуществом. Известно, что один из уцмиевых беков по имени Исмаил-бек «имел под владением 16 деревень»⁵⁶. Упомянутая выше кумыкская княжна Заза-бике владела в Салатавии огромными земельными угодьями, известными под названием Туз-Тав, Буранчушоб, Агач до самого Сулака. Большие земли имел владетель селения Амирхан-росо Алхас. После основания Чиркея кутан под названием Алхасил-кутан он продал чиркеевцам⁵⁷.

«К XV—XVI вв.,— пишет Х.-М. О. Хашаев о горном Дагестане,— ...существовали ханы, беки и другие владельцы, имевшие большие участки горных пастбищ, приносивших им доходы в виде продуктов животноводства. Они имели также пахотные земли, а для их обработки — крепостных крестьян — бывших рабов, наделенных землями»⁵⁸.

Исследуя общественные отношения в Дагестане XIX в., Х.-М. О. Хашаев обнаружил большое количество документов о бекском землевладении в Аварии и интересующего нас периода. Многие из беков Аварии не фигурируют в документах XVIII—XIX вв. Указывается, что они были в дошамилевское время. Это дает нам основание использовать сведения о них по изучаемому периоду.

Х.-М. О. Хашаев пишет о существовании раньше шамхальства в Гидатле, Анди и Аргуани, феодальных фамилий в различных обществах в Аварии, в селениях Ругуджа, Андых, Телетль, Тидиб, Гинта, Урада, Гонода, Сиух, Цалкита, Моксох, Мехельта, Гочатль, Мушули, Шотода, Тукита, Кедиб, Саситль и др., где лучшие земли, притом больших размеров, принадлежали этим феодальным фамилиям. Жители этих селений вплоть до начала движения горцев под руководством Шамиля от-

---

⁵⁶ ЦГАДА, ф. колл. ин. дел. Сношения России с Персией, д. 24, 1772 г., л. 74; Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 224.

⁵⁷ Казиев Гамзат. Указ. соч.; Магомедов Р. М. Дагестан..., полевой материал, собранный нами в 1977 г.

⁵⁸ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 126—127.

бывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати⁵⁹.

Потомки гидатлинских шамхалов жили в селениях Тидиб, Урада и Гинта, владели большими пастбищами в горах, называемыми и теперь «Шамхальскими горами», и получали подати от жителей многих селений. После окончания Кавказской войны потомки их писали, что их предки получали доход с селений Кособ, Тунсода, Ахвах, жители которых были их подданными. «Шамиль уничтожил наших главных предков,— писали просители,— и запретил нам пользоваться от означенных селений сбором»⁶⁰.

Земли селений Саситль, Сильда, Гако, Кидиб, Хваршины, Митради и Сихалах принадлежали кидибским бекам, и жители их, являющиеся выходцами из Аварии, платили им подати за пользование их землями. По предложению Х.-М. О. Хашаева, земли эти были захвачены аварскими ханами и там поселился один из членов ханского дома по имени Аликлыч, потомки которого и являлись беками-владельцами указанных земель⁶¹.

По сведениям Буцковского, «весь участок между правым берегом Сунжи и подошвою Черных гор принадлежал прежде аварского происхождения князьям Турловым», которые примерно в первой трети XVIII в. были вытеснены чеченцами, вышедшими из гор⁶². По другим сведениям, Турловы «владели горами и одной деревней Чагах»⁶³.

Согласно записке Клюки фон Клугенау, гумбетовские беки владели землями до самого Терека, а потомки их в XIX в. жили в сел. Брагунах⁶⁴.

В селениях Киди и Саситль жили беки по фамилии Алдамилал, которые владели двумя пастбищными горами под названием Эчеда-меер и Тулдух-меер. По показанию одного из потомков этих беков, «фамилия ки-

---

⁵⁹ Там же, с. 127.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 5, л. 3—4; Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 138.

⁶¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 136.

⁶² Военно-топографическое описание Кавказской губернии. ЦГВИА, ф. ВУА, колл. 414, д. 300, л. 62; Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 150.

⁶³ Бажиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 90.

⁶⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 137.

динских беков — Алдамишвили; выходцы из Аравии, а по другим сказаниям ведут род от грузинских князей Караловых». В прошлом они владели пастбищными горами и землями, которые были отобраны Шамилем и причислены к байтульманским, а после покорения Дагестана — взяты в казну⁶⁵.

В сел. Гоцо до начала движения мюридизма фамилия Ахсавурзаби владела несколькими домами, пахотными и сенокосными местами и зимними пастбищами у горы Арак-Тау⁶⁶.

В сел. Кара-Кюра были свои местные беки, которые вели свое родословие от правителя Камкама, предводительствовавшего в войнах с арабами. Лучшие пахотные земли — Чияр и Чувухур, расположенные вокруг аула, принадлежали потомкам Камкама. Кроме того, беку Кара-Кюра принадлежали земли, расположенные в нынешнем Усучае⁶⁷.

Какинские беки, происходившие от буркиханских беков, владели пастбищными землями не только в сел. Кака, но и в Рутуле—Куртай и Олекандер. В самом сел. Кака они владели пахотной землей в местности Перег и имели много мелких пахотных участков, вкрапленных в крестьянские земельные угодья. Впоследствии какинским бекам стали принадлежать также селения Луткун и Ялах. Жители этих сел считались раятами и шесть дней в неделю работали на беков⁶⁸.

Согласно документам, представленным на рассмотрение сословно-поземельной комиссии, предки рутульских беков являлись владельцами Рутула. Они имели в своем владении пастбищные горы. В XIX в. беки имели около 60 десятин удобной земли и 27 кишлаков⁶⁹.

Как сказано в одном источнике, кутаны и ятаги сел. Рукель Кинемлы, Шиш-Таза, Газизбу-Сизит и Чухур-Памаса «составляли всегда собственность... беков», которые позволяли раятам производить распашку и пасти скот, за что последние платили бекам хлебную подать (чихиш)⁷⁰.

---

⁶⁵ Там же, с. 150—151.

⁶⁶ Феодалные отношения..., с. 277.

⁶⁷ Магомедов Р. М. Дагестан..., с. 158.

⁶⁸ Там же, с. 160; Полевой материал, собранный нами в 1979 г.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл. 4, 128; д. 142-3, л. 93; Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 189—190.

⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142-б, лл. 223—224.

Большие земельные угодья находились в собственности кумыкских беков. Так, в собственности кумторкалинских беков находились земли Яр-Туб, Айваз, Хамбут, Истису, Курган-ер, Оргазган-ер.

По показанию жителей Кумторкала, 4 первые кутана достались бекам от их предков и составляли бесспорную их собственность⁷¹. О землях же, занятых беками позже, указано особо, как, например, о Куршу, где находились и пахотная земля и кутан⁷². Вблизи Темир-Хан-Шуры кумторкалинские беки имели земельные участки Багдат-Тала, Костерек-Тала, Очакан-Тала, Халим-Тала и лес⁷³. Кумыкские беки сосредоточили в своих руках значительную часть кумыкской плоскости и поставили большинство населения последней в иеземельную от себя зависимость⁷⁴.

Большие земельные владения имели также беки Казикумухского шамхальства и потомки халклавчи. Как и позже (при ханстве), в изучаемый период лакские беки являлись детьми, братьями, племянниками правителей и, как последние, они «имели свои пастбища, раят и лагов»⁷⁵. Одни из них жили «в самом Кумухе и довольствовались выделенными из ханской казны доходами, другие сидели в поверенных землях, владея ими наследственно»⁷⁶. Изучая лаков в XV—XVII вв., Р. Г. Маршаев также пишет, что «некоторые беки получали в наследственную собственность отдельные угодья, целые общества»⁷⁷, «в Казикумухе и Аварии были села, которые назывались бекскими или чанко-бекскими. В этих селах распоряжались беки. Они пользовались целым рядом прав, которые резко выделяли их из других групп населения»⁷⁸.

Таким образом, беки феодальных владений Дагестана не только получали по наследству и назру часть земель из домена, но им поручалось управление частью

---

71 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28, лл. 33—33 об.

72 Там же, л. 33.

73 Там же, л. 40.

74 Линден В. Указ. соч., с. 272.

75 Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 278.

76 Там же.

77 Маршаев Р. Г. Лаки в XV—XVII вв., РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 56, л. 38.

78 Маршаев Р. Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 36.

территории («селениями или целыми их группами»), входящей в состав феодального владения.

В собранном сословно-земельной комиссией материале указывается, что феодальные владельцы представляли членам своих семей — бекам управление отдельными районами «издавна»⁷⁹. Получившие удел члены семьи и родственники владельцев — беки, управляли пожалованными им селениями (в основном наследственно, иногда пожизненно, а в исключительных случаях в течение известного срока) на тех же правах, как и сами шамхалы, ханы, майсумы и др., теми частями государственной территории, которые находились в их непосредственном управлении⁸⁰. Говоря в целом о Дагестане, Н. Дубровин писал: «Некоторые из беков имели наследственные права над подчиненными им деревнями, жители которых находились в административной их зависимости. Другие же из беков назначались для управления или пожизненно, или на срок»⁸¹. В одном из архивных материалов сказано, что беки Кайтага «имевшие в управлении своем деревни, при уцмиях имели полное право распоряжаться, как своими подданными с тою только разницею, что бек ни один не имеет право продать из деревни своей ни одного человека, поселяне же обязаны во всем повиноваться своему беку и исполнять все его приказания и платить положенную на них подать»⁸².

Весьма ценные по данному вопросу сведения по началу изучаемого нами периода дает автор XV в. Махмуд Хиналугский. Согласно этим сведениям, внук Султан-Магомеда уцмия Кайтагского Мухаммед-бек, получил по грамоте правителя Ширвана Ибрахима I Дербенди, который назван здесь Султан-Кершабсом, «в управление» селения Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кюре, крепость Хакуль-Маха, Хиналук, ал-Фий, ал-Маза «вместе с управлением кр. Ахир, находящейся в

---

⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187-а, лл. 1, 19 об.—20; О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам..., РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 25; Земельные отношения в дореволюционном Дагестане. Красный архив, т. 6 (79), 1936. с. 101, 137; Феодальные отношения..., с. 385.

⁸⁰ Линден В. Указ. соч., с. 288.

⁸¹ Дубровин Н. Указ. соч., с. 604.

⁸² Феодальные отношения..., с. 245.

этом владении»⁸³. Причем, управление этими селениями передавалось по наследству. «...я дарю управление над этим магалом ему и его потомкам от утробы до утробы, от рода в род», — писалось в грамоте правителя Ширвана⁸⁴. Подтверждается это и тем, что, по сведениям того же автора, впоследствии потомки Мухаммед-бека, вассала Ширвана, продолжали управлять указанной выше территорией. В сел. Ахты поселился «с согласия своего отца» один из внуков Мухаммед-бека Хасан-бек; другой внук «его Махмуд-бек поселился в дер. Альхинав (Хнов — Б. А.) и владел ею», третий внук «Аббас пошел в дер. Хиналук», сын его Эльчав-Ахмед-бек стал владельцем крепости Ахир, после которого управление перешло к его сыну Байджукум-беку и т. д.⁸⁵ Следующее поколение их обосновалось в Курахе, Кюре, Табасаране. Это обстоятельство еще раз говорит о наследственном характере полученных Мухаммед-беком от Ширван-шаха Ибрахима I Дербенди лезгинских земель, что особо подчеркивалось и в самой грамоте, данной Мухаммед-беку. В ней Ширваншах писал, что отдал указанные земли «с условием, если кто-либо из моих потомков после меня отнимет у него (Мухаммед-бека — Б. А.) или у его детей управление кр. Ахир в том владении, то проклятие Божие, всех ангелов и людей да будет над ним»⁸⁶.

Итак, в лице правителей кайтагского происхождения выступают не только исполнители административных функций, но и феодалы, пользовавшиеся наследственной властью⁸⁷.

Ценный для исследуемого вопроса материал сохранился об управлении сел. Шамхал-Янги-Юрт. Согласно сведениям, собранным сословно-поземельной комиссией, в конце XVII в. шамхал Тарковский, принимая во внимание, что местность на правом берегу Сулака совершенно безлюдна и потому не безопасна для проезжающих, приказал своему кулу Танаю основать на правом берегу Сулака в местности Калнук-Ятхан новое селение из бедных и нуждающихся в земле жителей соседних

83 АКАК, т. II. Приложение. Документы на персидском и турецком языках, с. 1075.

84 Там же.

85 Там же, с. 1067—1077.

86 Там же, с. 1075.

87 История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 192.

селений, которое было названо Шамхал-Янги-Юрт. Управление этим селением шамхал поручал своим ближайшим родственникам⁸⁸.

Получив в управление от феодальных владетелей определенные части владения, беки вместе с тем получали право взимать с подвластного им населения определенные подати и повинности, которые раньше взимались феодальными владетелями.

Это была своего рода передача или пожалование бекам «права сбора кормлений и податей», перенесение с государства в лице феодального правителя, как верховного собственника земли, на бека, как феодала, сеньориальной ренты. Это была передача вместе с управлением «владельческих доходов» феодальных правителей, что говорит о том, что наряду с домениальными владениями и нераздельными угодьями объектом отчуждения феодальных владетелей Дагестана выступали и повинности с подвластного населения. Причем, доходы, как и управление над определенной территорией, бекам передавались наследственно, пожизненно или на определенный срок. Но в данном случае мы разбираем только первый случай.

При передаче в управление отдельных сел и доходов наследственно «беки были также неограничены, как уцмий, майсум и кадий» и другие феодальные владетели «над целым народом»⁸⁹. При пожаловании управления селением или определенной частью территории с правом наследования лишение права бека управлять было связано с особо важными преступлениями против владетеля⁹⁰.

Феодальный владетель, передав в управление беку часть территории, вместе с тем мог пожаловать или весь доход, поступавший ранее ему, или же определенную часть и даже только с определенного участка земли. Так, основав селение Шамхал-Янги-Юрт и передавая его в управление своим «ближайшим родственникам» (бекам), шамхал Тарковский передавал им право пользоваться от жителей установленной тогда же по-

---

⁸⁸ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 161.

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 7-а, л. 14.

⁹⁰ Там же, л. 15. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 151.

винностью и доходами только с одного шамхальского кутана под названием Алагез⁹¹.

Пожалование бекам в наследственное управление части территории феодального владения с точки зрения землевладения являлось и перенесением владельческих прав и доли ренты с феодального владельца на бека, т. е. это полная частная феодальная собственность.

В более ранние периоды, очевидно, пожалование для управления бекам земель и доходов с них являлось основным видом пожалований. И тогда подати и повинности вытекали не из ренты на землю (ибо жаловалась не сама земля, а управление над ней), а из исполнения беками административных функций. Как писал М. М. Ковалевский, в первое время «право обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления крестьян известного округа» «всцело связано со службой и прекращается вместе с ней. Но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличающегося от собственности»⁹². Но это было условное пожалование. Беки получали тогда в управление земли за службу. Беков, получавших условное пожалование, например, в Элисуйском султанстве, М. М. Ковалевский называет второстепенными начальниками. Именно они получали от султанов как феодальных правителей «в вознаграждение за службу право обращать в свою пользу все, что муганлы и ингелойцы должны были вносить за пользование уступленной им во владение землей»⁹³.

Со временем право пользования рентой превращалось в право пользования землей. Затем это право пользования землей превращалось в право владения ею и, наконец, в право собственности. Именно так образовалась часть сословия беков в Дагестане, и в исследуемое нами время беки уже выступают как крупные собственники, которые получали земли, управление и доходы, главным образом, по наследству. Поэтому передача верховным правителем бекам в управление определен-

---

⁹¹ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 161.

⁹² Ковалевский М. М. Указ. соч., т. 1, с. 230.

⁹³ Там же, с. 228.

ных районов своего владения с правом получения доходов в свою пользу приводила к дальнейшему росту бекского землевладения. Будучи носителями функций государственной власти в пределах управляемой ими территории, беки использовали свое положение для дальнейшего увеличения своих земель.

В изучаемые века в образовании бекского землевладения как частного феодального землевладения основная роль принадлежала передаче бекам земель по наследству и дару (назру), хотя, безусловно, все еще имела место и передача земель в управление с правом сбора податей. И даже в начале XVIII в., как писал об этом, например, о Кайтаге И.-Г. Гербер, уцмий доходами «своих старшин и знатных людей жаловал и одаривал»⁹⁴.

В случае передачи бекам в управление земель и доходов с них и в исследуемое время, как и прежде, податное население зависело от беков, как феодалов, не на основе землевладения, а на основе исполнения ими «полицейско-административных обязанностей». Однако, как отмечалось и выше, получая и управление, и доходы по наследству, беки закрепляли за собой земли, и они со временем переходили в их собственность. В этом соединении власти над людьми с крупным землевладением (беки, кроме населенных земель, жалуемых им в управление, имели также получаемые по наследству ненаселенные земли — кутаны и ятаги) и выражался феодальный характер производственных отношений.

Увеличение феодальной собственности в свою очередь приводило к дальнейшему усилению политической власти беков на подвластной им территории, над ее жителями. Как указывает Ф. Энгельс, в средневековом обществе «степень политического влияния определялась размерами землевладения»⁹⁵.

По своему положению вслед за беками находились чанка-беки, т. е. дети шамхалов, ханов, уцмиев и других владетелей и беков от неравного брака. Они имели меньше прав на отцовское наследство, чем чистокровные беки. Чанка-беки владели землями, которые они получали по наследству из имения отца, как часть, на-

---

⁹⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 83.

⁹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 21, с. 172.

зываемая «чанка-пай»⁹⁶. Так, в Кайтаге, как указывается в источнике, в прежнее время обыкновенно чанка-бекам выделялось из недвижимого имущества отца 12 дворов раят, 12 дворов евреев, 12 дворов чагар и один или часть ятага⁹⁷.

Чанка-беки по отношению к доставшейся на их долю в упомянутом выше порядке части отцовского имущества пользовались теми же правами, как и беки «чистокровные», т. е. «в отношении пользования землями и предоставленными им в управление селениями они имели одинаковые права с беками»⁹⁸. Они получали также повинности с поступавших в их управление «зависимых поселян», передавали свои имущественные права по наследству и т. д.⁹⁹. Поэтому, как говорится в источниках, чанка-беки именовались «также беками и пользовались особыми правами и преимуществами, ставшими в разряд туземного высшего сословия»¹⁰⁰.

В отличие от чанка-беков просто чанки не имели права на поземельное наследование. Они владели земельной собственностью в таком случае, если отцы их при жизни своей выделяли им часть¹⁰¹. «Княжеские чанки мужского и женского пола,— говорится в адатах жителей Кумыкской плоскости,— не имеют права на наследование движимого и недвижимого имущества отцов своих, если же будет сделан дарственный акт (назру) в пользу чанков или княжеских дочерей, то ближайшие родственники мужского пола не могут завладеть тем именем»¹⁰². Если же чанки получали от отца земли, они владели ими «на одинаковых правах с князьями, водворяли на своих землях аулы, пользовались поземельными доходами, продавали и дарили земли по своему усмотрению и пользовались всеми другими преиму-

---

⁹⁶ Материалы по сословно-поземельному вопросу в Дагестане. РФ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 163, л. 16.

⁹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10; ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 71; Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 155, л. 12.

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 18.

⁹⁹ Линден В. Указ. соч., с. 293.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 1, д. 72-а, лл. 3—4.

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133; д. 14, л. 142; Происхождение жителей и об их правах в пользовании землею. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 169, л. 35.

¹⁰² Адаты жителей Кумыкской плоскости. ССКГ, вып. VI. Тифлис, 1872, с. 19—20; ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 9, л. 133.

ществами, присвоенными землевладельцам по обычаю»¹⁰³.

Чанки, не имея наследственных земель, и если не получали их и по назру, естественно, не имели и своих узденей или зависимых крестьян и сами считались приближенными тех владельческих родов, от которых происходили,¹⁰⁴ или находились в роли почетного слуги (нукера) феодального владетеля или бека, несмотря на то, что они являлись детьми одного отца¹⁰⁵. Чанки последней категории обычно имели в своем владении участки при селениях, в которых жили и пользовались общественной землей наравне с прочими жителями¹⁰⁶. Очевидно, как пишет Р. М. Магомедов, ханы и беки практиковали поселение своих детей от неравного брака подалыше от себя в феодально зависимых аулах¹⁰⁷. Делалось это, обыкновенно, вскоре после женитьбы или по достижении совершеннолетия. Получив при жизни или после смерти отца незначительную долю отцовского имения, чанки выселялись из родительского дома и затем уже не только не могли претендовать на наследство отца, но и не считались членами фамилии¹⁰⁸.

Поселившись в указанных им аулах, чанки фактически являлись представителями ханско-бекской администрации и пользовались привилегиями по сравнению с остальной частью населения. Получали здесь чанки и землю, которой их наделяли ханы или беки.

Так, согласно сведениям сословно-поземельной комиссии, место, занимаемое сел. Капчугай, было представлено шамхалом чанкам из сел. Аргуани, Тарки и Бет-аула. Впоследствии потомки этих чанков показали, что «вся земля принадлежит им, никто из жителей не имеет право при переходе продавать или передавать кому-либо отведенные им участки земли; даже не име-

---

¹⁰³ Из записок о сословном строе в Кумыкском округе Терской области. Феодальные отношения..., с. 89.

¹⁰⁴ Происхождение жителей и об их правах в пользовании землей. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 169, л. 35.

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 2.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 10; Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 155, л. 12; Линден В. Указ. соч., с. 293.

¹⁰⁷ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 105.

¹⁰⁸ Даниялов Г. Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — начале XX вв. Махачкала, 1970, с. 43.

ет право завещать ее в пользу мечети»¹⁰⁹. По показанию чанков сел. Кадар, Умалат-шамхал, сын хана, послал своего сына Амирхана в Кадар «управлять этим селением на бекских правах»¹¹⁰. От него и произошли все кадарские чанки, и в XIX в. здесь было 22 хозяйства чанков¹¹¹.

В исследуемый период чанки составляли многочисленную группу феодалов. В Аварии, например, они жили почти во всех феодально зависимых аулах ханства и даже в тех аулах, где никогда не жили беки¹¹². В Андалальском «вольном» обществе к XVI веку имелось 416 чанков, а в Казикумухском владении — 830 чанков и т. д.¹¹³. По данным сословно-поземельной комиссии, многие чанки были уничтожены Шамилем, а их земли — отобраны и причислены к байтульманным или переданы в пользование сельским обществам. Но даже после этого во многих селениях сохранились чанки, которые просили возвратить свои родовые или наследственные земли. Из этих данных мы узнаем, что до Шамиля чанки имелись в селениях Гоцо, Киди, Саситль, Моксох, Цельмес, Шотода, Цалкита, Телетль, Уриб, Зиури, Гоготль, Урада, Тидиб, Гинта, Ругуджа и др.¹¹⁴ Согласно тем же сведениям, многие чанки не могли даже точно сказать (например, чанки сел. Уриб и Зиури), откуда произошли, они показали, «что это было очень давно», и «слышали от отцов, что в древние времена пользовались с разных мест доходами, но откуда и какими, не знаем теперь»¹¹⁵.

О многочисленности чанков у лаков пишет Р. М. Магомедов, по мнению которого они не отличались по своему положению от кайтагских, «если не иметь в виду, что они численно превосходили их в несколько раз. Чанки имелись в самом Кумухе, в узденских и раятских селах»¹¹⁶. Джамааты Гьухал, Гьунчукат, Караши, Кьамаши, Кумы, Турчи, Бегекла, Кигярчи, Тюхчар, Цу-

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 255, 268.

¹¹⁰ Там же, лл. 122—123; Феодальные отношения... с. 92.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 105.

¹¹³ Даниялов Г. Д. Указ. соч., с. 27.

¹¹⁴ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 105;

Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 151.

¹¹⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. I, д. 86, лл. 1—3; Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 151; Даниялов Г. Д. Указ. соч., с. 30.

¹¹⁶ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 278.

шар, Хусрах, Вихли и другие с давних времен назывались чанки-бекскими. Очевидно, что чанки получали эти джамааты от казикумухских ханов для ведения там судебных дел и сборов податей¹¹⁷.

Хотя впоследствии большинство из чанков и потеряло свое земельное владение — то ли из-за незначительности его и раздела между наследниками или по другим причинам, но в исследуемое время они владели землей, полученной в собственность различными путями. Правда, в дореволюционной литературе высказывалось мнение об отсутствии у чанков какой-либо земельной собственности. Так, А. Белобородов писал, что кумыкские «чанки жили за счет своих родителей — князей, которым доставалось отцовское наследство..., не имели никакой земельной собственности»¹¹⁸. Однако отсутствие конкретного материала, подтверждающего это, не дает возможности согласиться с подобного рода мнениями. Напротив, как пишет Р. М. Магомедов, невозможно установить существование безземельных чанков. Все они в той или иной степени владели землей, и в своих владениях, как и беки, пользовались всеми правами феодальных сеньоров¹¹⁹.

Кроме беков и чанков, которые были связаны с ролами феодальных правителей, в Дагестане была еще одна группа феодалов — частных землевладельцев, известная под названием карачи-беки. Это потомственные беки, находившиеся в некоторых селениях шамхальства: Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каранае, Ишкарты, Ахатлы (отселок Караная).

Карачи-беки являлись потомками старинной местной знати, когда-то знаменитой, но униженной влиянием шамхала¹²⁰. Сила и мощь этой группы феодалов базировалась не только на том, что она сосредоточила в руках земли и скот, но и на большом ополчении, используемом ими в своих интересах¹²¹. В сведениях, собран-

---

¹¹⁷ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, с. 107; Маршаев Р. Г. Социально-экономическое и политическое устройство Дагестана в XVI—XVII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 22, л. 38.

¹¹⁸ Белобородов А. Прошлое кумыков. Терские ведомости, 15 декабря 1896 г., № 146.

¹¹⁹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 173.

¹²⁰ Кумык. Рассказ кумыка о кумыках. Кавказ, 20 октября 1848 г., № 40.

¹²¹ История Дагестана, т. 1, с. 239.

ных о карачи-беках в XIX в., говорится: «Судя по многочисленности карачи-беков, род их должен быть действительно весьма древним, но размножившись и через это раздробив земли на мелкие части, они крайне обеднели, и общественное положение большинства их с древнего времени мало разнится от положения простолюдинов. У них также есть джанки, коим не присваивается титул бека и они не имеют никаких особых прав в отличие от простолюдинов»¹²².

Карачи-беки имелись и в Гамринском магале, где старший в их роде являлся правителем всего магала¹²³. Как и карачи-беки шамхальства, гамринские беки издавна присваивали пастбищные и пахотные земли¹²⁴.

Хотя впоследствии в связи с возникновением новой феодальной знати карачи-беки и потеряли земли, что, очевидно, произошло так же, как и в других странах Кавказа¹²⁵, но и в исследуемые века они все же имели в собственности большие земельные угодья. В книге «Нузат-ал-Азган» («Забава сердца»), составленной в 1930 г. неким Назиром из Доргели, имеется следующая запись: «Известный шейх Асельдер Гьаркъаси. Гьеркес — выше селения Казанищи и он похоронен у этой горы. В записях Эмира Салимхана ал-Дургели я нашел следующие строки: «Тот шейх, который похоронен в этой могиле, является Хаджи Асельдер сын Ата из Кадара. Он же из наследников эмиров карачиевцев... Та гора (Аркас — Б. А.), у которой он похоронен, и другая под названием Нанай, принадлежала ему (буквально были его мюльками). Дата его смерти 860 г. хиджры (1456/1457 г.)»¹²⁶. Из другой арабской записи, представлен-

¹²² ЦГА ДАССР, ф. 125, оп. 2, д. 16-а, л. 2; д. 72-а, л. 3; Линден В. Указ. соч., с. 288.

¹²³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 22; ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 43.

¹²⁴ Омаров А. С., Маршаев Р. Г. «Постановления» Рустам-хана как источник по истории Кайтага XVII в. УЗ ИИЯЛ, т. VII. Махачкала, 1959, с. 173.

¹²⁵ Новосельцев А. П. пишет об Армении: «Значительная часть земли была отнята у прежних владельцев из числа противников завоевателей и перешла в руки арабской и повой местной знати». См. Новосельцев В. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 105.

¹²⁶ Отрывок из рукописи книги «Нузат ал-Азган» («Забава сердца»). Документ представлен в наше распоряжение Т. Айтберовым; Атаев Д. М. Аркаское городище—памятник раннесредневекового Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 4, ед. хр. 219-а, л. 49.

ной утемышским старшиной Уста Магомед Кази Магомед-оглы в Дагестанский народный суд в конце XIX в., говорится, что гамринскому беку Султан Мут-беку принадлежал Дагу-кутан, часть которого во второй половине XVII в. (примерно в 1669—1670 гг.) он продал Исмаил-оглы за 1500 рублей¹²⁷. В исключительном владении карачи-беков шамхальства Тарковского находились некоторые «кутаны и пастбищные горы для овец», которые они по своему усмотрению «могли отчуждать в посторонние руки»¹²⁸.

В материале, собранном сословно-поземельной комиссией, говорится, что карачи-беки «владели в Дагестане принадлежащими им в собственность деревнями: Верхний Каранай, Нижний Каранай и Ахатлы и пастбищными горами: Бурли-меэр и Исмаил-меэр и жители этих деревень отбывали им установленные в пользу беков повинности»¹²⁹. В сел. Губден карачи-бекам принадлежали не только кутаны, но и вода, «которая составляла личную собственность бека, а не принадлежность кутана»¹³⁰. Гамринские беки, кроме земель, находившихся в пользовании жителей сел. Каякент, имели в своем владении и другие земли, проданные ими в разное время, из которых значительная часть находилась во владении общества сел. Утемыш¹³¹. Жители сел. Каякент были бекскими раятами, платили «им подати произведениями земли, потому что были водворены на землях, принадлежащих бекам»¹³².

Земельная собственность карачи-беков образовалась не только в результате перехода ее по наследству, но и получения земель от феодальных правителей Дагестана. Так, эрпелинские карачи-беки имели в собственности и такие земельные угодья, которые были получены от шамхала¹³³.

О принадлежности земель в Эрпели карачи-бекам говорит и такой факт: если уздень переходил из Эрпели

¹²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139-з, лл. 18—19.

¹²⁸ РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 79, л. 27. Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 162—163; Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 212.

¹²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 48.

¹³⁰ Хашаев Х.-М. Указ. соч., с. 214.

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 44.

¹³² Там же, л. 43; ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 22.

¹³³ РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 79, лл. 26—27; Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 156.

в другое селение, он не мог продать свою землю, она оставалась во владении этих беков. За пользование землей карачи-беков уздени сел. Эрпели отбывали им повинности¹³⁴.

Сохранились также сведения о том, что от шамхала получили земли и карачи-беки Карабудахкента. Часть участков, полученных ими от шамхала, они превратили в пахоты, а часть была оставлена под пастбища-кутаны¹³⁵, которые, как и другие феодалы, карачи-беки сдавали в аренду для пастьбы овец.

Особенностью земельного строя ряда селений Дагестана являлось то, что беки, чанки и карачи-беки, независимо от своих частных земель, пользовались также и общественными землями, являясь в этом отношении членами общины. Явление это наблюдалось в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюн, Кумторкала, Карабудахкент, Губден, Эрпели и др.¹³⁶ Как правило, общинные земли подлежали ежегодному переделу. При этом беки получали не одну, а две или даже четыре доли, чанки — две доли земли, в то время как все остальные члены общины получали только по одной доле. Причем, в некоторых селениях беки получали свои доли не по жребью, как все остальные члены общины, а по своему выбору¹³⁷. В некоторых селениях беки пользовались преимущественными правами и при пользовании водой для полива.

В ряде обществ Дагестана беки пользовались и таким преимуществом, как право пасти свой скот после сбора урожая на полях зависимых крестьян и на общинных пастбищах. Так, в Карабудахкенте беки имели право пастьбы крупного рогатого скота и овец на общественной земле под названием Гирей-туз¹³⁸. В сел. Капчугай на «общественной даче и на Амиалы кутане» беки пользовались пастьбой своего скота наравне с обществом. Они имели право пасти свой скот и на частных ку-

¹³⁴ Х а ш а е в Х.-М. Указ. соч., с. 212.

¹³⁵ Материалы по истории Карабудахкента. Перевод с кумык. яз. Г. С. Федорова. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 365, лл. 19—20.

¹³⁶ О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам... РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 2.

¹³⁷ Там же; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28; Феодалные отношения..., с. 93; Из истории права народов Дагестана, с. 198.

¹³⁸ Особые права беков и чанков Темир-хан-шуринского округа. Из истории права народов Дагестана, с. 200.

танах в период от Чилла до Турши¹³⁹. В Елисуйском султанстве бекам принадлежали сервитутные права пользования под выпас свободными участками, а также пахотными участками после снятия с них урожая¹⁴⁰.

Приведенные примеры говорят о том, что феодалы в указанных обществах экономически еще не оторвались окончательно от общины, в чем именно проявляется сложный переплет патриархально-родовых и феодальных отношений. По мнению Р. М. Магомедова, здесь мы имеем дело с таким порядком землевладения, который относится к тому периоду, когда традиции общины были еще живучи и феодал был не так силен, чтобы покончить с общиной и объявить ее своей собственностью. Тут поземельные отношения представляли смесь общинного права с вотчинным¹⁴¹.

Этот смешанный характер землепользования не являлся особенностью только Дагестана. Это в известной степени характерно для любого феодального общества. Известно выражение К. Маркса, что общинная собственность продолжает существовать «под покровом феодализма»¹⁴². На смешанный характер крестьянского землевладения указывал и В. И. Ленин. «Формы кр[естьянского] з[емле]вл[а]д[е]ния,— писал он,— компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]вл[а]д[е]нием»¹⁴³.

Но беки, являясь одновременно и правителями сельских общин, имели возможность захвата общинных земель. Беки при прежнем деспотическом управлении всегда имели возможность захватить свободный участок больший, чем сельская община¹⁴⁴. В этих захватах свободных общинных земель заключался один из путей роста бекского феодального землевладения. Это характерный феодальному способу производства процесс. «Марка,— писал Ф. Энгельс,— погибла вследствие разграбления почти всей крестьянской земли, как поделённой, так и неподделённой, — разграбления, произведенного дворянством и духовенством при благосклонном

---

¹³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, лл. 263—264.

¹⁴⁰ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 7; Линден В. Указ. соч., с. 290.

¹⁴¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 163.

¹⁴² Маркс К. Капитал, т. I. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 23, с. 736.

¹⁴³ Ленинский сборник, XIX. Политиздат. М., 1932, с. 31.

¹⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187-а, л. 19.

содействии территориальной власти»¹⁴⁵. Беки Дагестана, как и все феодальные правители и владетели, расширяли свои владения именно прежде всего за счет захвата пустующих земель, пастбищ или изъятия их у сельских обществ и превращения их по существу в свою собственность. «Укрепление феодальной собственности на землю в Дагестане,— пишет Р. М. Магомедов,— шло в двух направлениях. С одной стороны, по линии расхищения крестьянских джамаатских земель и, с другой стороны, за счет захвата неосвоенных земель. На плоскости у кумыков, кайтагов, дербентцев имелись большие неосвоенные земельные пространства»¹⁴⁶.

Присвоив пустующие земли, беки заселяли их крестьянами, попадавшими в зависимость от них. Говоря о кумыках, Р. М. Магомедов пишет, что «захват беками свободных земель и заселение их крестьянами был связан с дальнейшим процессом феодализации Кумыкии»¹⁴⁷.

Захват пустующих земель был более легким путем увеличения бекского землевладения, так как многоземелье (на плоскости и отчасти в предгорьях) стимулирует уступчивость более сильному претенденту на землю, ибо всегда есть выход из положения в виде запашки на залежи и даже на целине¹⁴⁸.

Из примеров о захвате беками общинных земель интерес представляет следующее. Согласно собранным сословно-поземельной комиссией материалам, раньше земля Оргазган (Озень-Аулах) «не составляя ничьей исключительной собственности, входила в состав тех земель, коим свободно пользовались жители близлежащих к ней деревень, до того времени, пока частные владельцы не простерли притязания на присвоение оной»¹⁴⁹. В результате указанная земля перешла в собственность феодалов-беков, за пользование которой местные жители попали в поземельную зависимость и обязаны были нести бекам повинности.

Сохранились сведения и о том, что до прибытия рус-

---

¹⁴⁵ Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, с. 337.

¹⁴⁶ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 397.

¹⁴⁷ Там же, с. 161.

¹⁴⁸ Гасанов А. Древняя и новая история Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 18, с. 87.

¹⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28, л. 2.

ских на Кумыкскую плоскость предки чанков Таймасхан Исмаилмурзаевых Чонтай и Чубук с другими князьями прогнали «калмыков с земель Кайгач и Качалай и разделили их между собой. На этих землях были поселены вышедшие вместе с этими чанками урусхан-аульцы», которые за пользование землей чанков обязаны были нести повинности¹⁵⁰. Земли эти чанки имели право продавать и закладывать¹⁵¹.

На земельные участки общества Хоредж, в частности Мейгъузди мюльк, Гъяраризди мюльк постоянно посягали табасаранские беки¹⁵².

Беки, как и феодальные правители, увеличивали свои земли и за счет присвоения крестьянских мюльков. «Феодалы всячески старались лишить узденей принадлежащих им мюльков,— пишет Р. М. Магомедов.— Делалось это, например, в гоцатлинском ханстве так. Бек посылал своего раба на один из крестьянских мюльков ставить знаки (колышками), означавшие, что отныне данный земельный участок перешел в собственность бека и крестьянин потерял на него всякое право»¹⁵³.

Приведенный пример говорит о том, что захваты земель беками бывали и в горах. Говоря об Аварии, Р. М. Магомедов пишет, что и здесь рост феодального землевладения «происходил, прежде всего, за счет присвоения крестьянских и общинных земель внутри ханства»¹⁵⁴. Для подтверждения сказанного сошлемся еще на один пример. По рассказам местных жителей, хунзахский хан послал одного из своих племянников по имени Килич в местность «МелъльеличИиб», принадлежащую сел. Коло. Килич построил себе укрепленную усадьбу и овладел всем окружающим богатством: землею, садами, пастбищами и т. д. Так колилцы лишились своих земель и угодий¹⁵⁵.

Процесс захвата земель беками был, безусловно, не мирным. Особенно трудны были захваты в «вольных» обществах, ибо общество выступало как целое даже в

---

¹⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, лл. 63—65.

¹⁵¹ Там же, л. 69.

¹⁵² Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие аулов юго-западного Табасарана (Дирический союз сельских обществ). РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 169, л. 49.

¹⁵³ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 98.

¹⁵⁴ Там же, с. 95.

¹⁵⁵ Там же, с. 97.

защиту частных прав своих членов¹⁵⁶. Упорно сопротивлялись захватам земель и сами общинники-уздени, в результате чего не всегда бекам удавалось сразу захватить земли, на которые они претендовали. Так, жители сел. Кондик и Чувек оказали упорное сопротивление притязаниям табасаранских беков, хотя им приходилось часто защищать свои земли¹⁵⁷. Поэтому засилье беков и ханов главным образом развивалось в раятских селениях.

Бекские земли увеличивались и за счет тех земель, которые переходили к феодалу после смерти крестьян. «В раятских селениях,— пишет А. Гасанов,— беки распоряжались землями вымерших дворов и вообще проявляли свою власть, как правители»¹⁵⁸. «Право распоряжения недвижимым имуществом подвластных бекам поселян, не оставивших после себя наследников, — писал В. Линден,— являлось ранее одним из существенных земельных прав представителей высшего сословия в Дагестане»¹⁵⁹. Это он относит именно к изучаемому нами периоду, ибо, как пишет он далее, с течением времени, в особенности со второй половины XVIII в. в связи с постепенной потерей беками своего бывшего значения, право это стало обращаться нередко в фикцию¹⁶⁰. Об этом говорится и в материалах, собранных сословно-поземельной комиссией. Так, в одном из них сказано, что «по установившемуся адату» в Северном Табасаране после смерти раята, не оставившего наследника по мужской линии, земли его переходили во владение бека, а не общества¹⁶¹. В другом источнике сказано, что земли в Табасаране «от умерших без наследников мужского или женского пола, **всегда поступали в пользу бека**» пали в распоряжение чанков¹⁶².

Выморочные участки поселян, говорится в одном из материалов о кумыкском селении Бет-аул, поступали в распоряжение чанков¹⁶³.

Кроме указанных путей расширения бекского земле-

---

156 Гасанов А. Указ. раб., с. 87.

157 Гасанов М. Р. Указ. раб., л. 46.

158 Гасанов А. Указ. раб., с. 87.

159 Линден В. Указ. соч., с. 290, 306.

160 Там же.

161 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142-б., л. 248.

162 ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 8.

163 РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 2.

владения, они приобретали земли также путем покупки мюльков у раят и в результате перехода в их собственность земель бежавших или выселившихся подвластных им жителей. «...и в Табасаране — говорится в источнике, — мюльки, оставшиеся от выселившихся или бежавших и изгнанных с семейством, хотя бы у них остались ближайшие родственники, имеющие право на наследование их имущества... всегда поступали в пользу бека»¹⁶⁴.

В результате увеличения земельных владений, имея административно-судебный иммунитет и, став, таким образом, крупными феодальными землевладельцами, беки являлись выразителями центробежных сепаратистских интересов. Поэтому феодальные правители стремились ограничить рост могущества беков. Это хорошо иллюстрируется в «Постановлении Кайтахского уцмия Рустем-хана». В этом «Постановлении» имеется статья, где говорится: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонят из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушить»¹⁶⁵.

Анализируя данную статью «Постановления», Р. М. Магомедов пишет, что «это очень строгое предписание, пожалуй, такое, какое редко можно встретить у других народов. Оно целиком направлено против бека, против роста земельной собственности и, следовательно, против усиления политической власти бека... уцмий этим суровым актом в известной степени сдерживал невероятно быстрый рост бекских земель и отгораживал себя от усиливающихся беков»¹⁶⁶.

Итак, приведенный материал показывает, что в исследуемые века бекское землевладение являлось частной феодальной земельной собственностью. В то же время это крупное (сравнительно для масштабов Дагестана) феодальное землевладение вотчинного типа, которое являлось основной формой светского феодального землевладения, распространенное во всех феодальных владениях Дагестана.

¹⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 8.

¹⁶⁵ Постановления Кайтахского Уцмия Рустем-хана. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, с. 88.

¹⁶⁶ Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 225 — 226.

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНЕ В XV—XVI ВЕКАХ

В. И. Ленин в работе «Еще раз о думском министерстве», опровергая буржуазные теории «солидарного» общественного прогресса, вскрывая их оппортунистическую сущность, в 1906 году писал, что основная ошибка всех оппортунистических рассуждений в том, что в них фактически отрицается «социалистическая история классовой борьбы, как единственного реального двигателя истории»¹, и специально указывал, что «действительным двигателем истории является революционная борьба классов»². Эти высказывания В. И. Ленина перекликаются с его утверждением, что «вся писаная история до сих пор была историей классовой борьбы», которое он высказал в 1896 году в статье «Фридрих Энгельс»³.

Несмотря на большое теоретическое и практическое значение, которое имеет изучение классовой борьбы, данный вопрос остался недостаточно исследованным в советской историографии, в особенности для Дагестана эпохи XV—XVI вв., хотя целый ряд исследователей — Р. М. Магомедов, А. Р. Шихсаидов, Р. Г. Маршаев, С. Ш. Гаджиева, С. В. Юшков, Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров, В. Г. Гаджиев, Б. Г. Алиев, Д. М. Магомедов, Ш. М. Ахмедов — и затрагивал эту проблему относительно средневекового периода⁴. Особо следует выде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., М., 1960, т. 13, с. 263.

² Там же.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

⁴ Магомедов Р. М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века (далее — История...). Махачкала, 1961; он же. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971 (далее — Магомедов Р. М. Дагестан.); он же. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана.

лить среди них работы Р. М. Магомедова «История Дагестана», «Дагестан. Исторические этюды» и А. Р. Шихсаидова (в соавторстве с Х. Х. Рамазановым) «Очерки истории Южного Дагестана». В них содержатся данные, представляющие интерес для исследуемого вопроса, который в какой-то мере нашел отражение и в коллективных работах «Очерки истории Дагестана», «Очерки истории СССР XVII в.», «Из истории средневекового Дагестана» Б. Алиева, Ш. Ахмедова и М.-С. К. Умаханова. В основном формы классовой борьбы в Дагестане исследуемого периода указаны в «Истории Дагестана» (М., 1967, т. 1, с. 246).

Однако в целом классовой борьбе в Дагестане XV—XVI вв. не была посвящена ни одна научная статья. Объясняется это тем, что имеющиеся источники не позволяют осветить поставленный вопрос с должной аргу-

---

Махачкала, 1964 (далее — А. Р. Шихсаидов. Указ. соч.); А. Р. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории. См. Учен. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (далее — УЗ ИИЯЛ), т. 9. Махачкала, 1961; он же. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969; Р. Г. Маршаев. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. УЗ ИИЯЛ, 1959, т. 6; он же. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного общества» в XVII — нач. XIX вв. УЗ ИИЯЛ, 1957, т. III; он же. Социально-экономические отношения в Дагестане в XVI—XVII вв. См. Очерки истории Дагестана, т. 1. Махачкала, 1957; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1961; С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Уч. зап. Свердловского государственного университета, вып. 1. Свердловск, 1938; он же. Рукопись по истории Дагестана. См.: Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР (далее — РФ ИИЯЛ), ф. 1, оп. 1, д. 42; Е. Н. Кушева. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. См. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963; Лавров Л. И. Тарки до XVIII в. УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1958, т. IV; он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I. Надписи X—XVII вв. М., 1966; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966, Даггосуниверситет им. В. И. Ленина, д. 625; он же. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972; Магомедов Д. М. Исторический очерк о дидойцах с древнейших времен до конца XIX в. Рук. фонд ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 192; Ахмедов Ш. М. Земельные отношения в Дагестане в V—XI вв. УЗ ИИЯЛ, 1969, серия общ-х наук, т. 19, кн. II; он же. Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V—XI вв.). Автореф. дисс... канд. истор. наук. Махачкала, 1971; Гасанов М. Ф. Социально-экономическое развитие аулов юго-западного Табасарана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 169.

ментацией фактическим материалом, так как имеющиеся сведения по этому периоду отрывочны, фрагментарны, их достоверность относительна, зачастую они носят характер исторических преданий, дошедших до нас в опосредствованной форме, через фольклор, через историко-эпические песни, через нормы обычного права. Отсутствие письменных источников заставляет нас обходиться этими сведениями. В том, что в XV—XVI вв. в Дагестане имела место социальная или классовая борьба, не может быть сомнения, ибо таков был уж характер феодальной эпохи с ее социальными противоречиями и многообразием форм их проявления. Наша задача заключается в том, чтобы показать причины социальных противоречий и проследить специфические особенности и формы их проявления в феодальных владениях и союзах сельских обществ Дагестана в XV—XVI вв.

В феодальных владениях острей было направлено против определенного, исторически конкретного лица — феодального владельца, против его деспотизма, гнета и т. д. Формы и острота проявления социальных противоречий в союзах сельских обществ зависели от их общественно-экономического развития, от вхождения того или иного союза сельских обществ в конкретный исторический период в состав феодального владения или его политической самостоятельности.

Вкратце охарактеризуем политическую карту Дагестана XV—XVI вв.

Наиболее крупным феодальным владением Дагестана в XV—XVI вв. являлось Казикумухское шамхальство с центром в Казикумухе. В состав его еще в XIV веке, по сведениям Мухаммеда Рафи⁵, входила территория, населенная кумыками, верхнедаргинцами, лакцами, часть современной Чечни, а также часть территории Южного Дагестана и ряд аварских селений, вошедших позднее в Мехтулинское ханство. В конце XVI — начале XVII в. оно переживало процесс феодального дробления, о чем свидетельствовало образование Эндерейского владения из земель между Тереком и Сулаком сыном шамхала Чупана Султан-Махмудом, сумевшим закрепить их за

---

⁵ Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871, с. 21—24.

собой в борьбе со своими родными по отцу братьями⁶.

В таких крупных селениях, как Буйнак, Эрпели, Казанище, Карабудахкент, жили удельные владетели или беки, стремившиеся к независимости от шамхалов. Союзы сельских обществ верхних даргинцев сохраняли всю внутреннюю автономию, хотя и признавали власть казикумухских шамхалов, а в середине XVII века они выделились из шамхальства⁷. В это же время добились независимости от шамхалов, переместивших свою резиденцию на плоскость, и лакцы.

В XV веке довольно крупным было и Аварское ханство, или пуцальство. В XVI веке происходило его дальнейшее укрепление и расширение⁸.

Южнее шамхальства было расположено уцмийство Кайтагское, резиденцией правителей которого был аул Калакорейш. Уцмийство в XV—XVI вв. доходило до Дербентского владения, от которого отделялось рекой Дарбах и горными вершинами Гургели и Баума⁹. Жили в уцмийстве даргинцы, кумыки, таты, а в XVI в. с разрешения уцмий Султан-Ахмеда в местности Теркеме поселились теркеменцы¹⁰.

К юго-западу от Кайтага располагалось Майсумство Табасаранское, в которое входила и часть лезгинских селений. Наличием достаточных людских и материальных ресурсов объясняет Р. М. Магомедов то, что «Табасаранское майсумство в XV веке уцелело от расчленения и захвата»¹¹. У табасаранского владетеля в конце XVI века было «500 человек конных»¹² — внушительная сила для того времени.

К юго-востоку от Табасарана находилось Дербентское владение. В XV веке оно было под влиянием Шир-

⁶ Подробно см.: А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 88; Р. М. Магомедов. История..., с. 128—129; Очерки истории Дагестана. т. I, с. 93—94; История Дагестана, т. I, М., 1967, с. 247.

⁷ Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Автореф. дисс. канд. истор. наук, Махачкала, 1966, с. 7; Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. К. Умаханов. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970, с. 77.

⁸ История Дагестана, т. I, с. 251; А. Бакиханов. Указ. соч., с. 90.

⁹ Очерки истории Дагестана, т. I, с. 98—99.

¹⁰ Там же: Бакиханов А. Указ. соч., с. 88—89.

¹¹ Магомедов Р. М. История..., с. 132.

¹² Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин. ин. дел С. А. Белокуровым, вып. I. (1578—1613 гг.), 1889, с. 293.

вана¹³. Под чужеземным влиянием оставалось оно и в XVI веке. С 1590 года в Дербенте был поселен турецкий гарнизон. Владея Дербентом, можно было контролировать торговый путь из Западной Европы через Россию в Иран, откуда в Европу поставлялись шелк-сырец и шелковые ткани.

В юго-западной части Дагестана из бывшего в прошлом союза сельских обществ цахуров, видимо, в XIV в. образовалось Цахурское владение, чему значительно способствовали и межтухумные столкновения в Цахуре. По преданию, чтобы покончить с распрями тухумов, цахуры пригласили в правители беков из несуществующего ныне села Хоца¹⁴.

По сообщению Махмуда Хиналукского в XV веке земли лезгин Самурской долины составили феодальное владение во главе с Ахмедом Багадуром¹⁵. Однако со временем эта навязанная ширванскими правителями феодальная линия прекратила свое существование, не сумев покончить с общинными отношениями в союзах сельских обществ лезгин.

Остальную часть территории Дагестана занимали многочисленные союзы сельских обществ, которые были почти у всех народов Дагестана.

Союзы сельских обществ различались по размерам территории, количеству жителей, по своему политическому положению, но управление в них в целом было одинаковым. Наиболее крупными были союзы сельских обществ Ахты-пара, Алты-пара, Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Рутульский, Дырычский, Гидатлинский, Андийский, Келебский, Дидойский, Антль-Ратль, Томс и т. д.

Эта политическая раздробленность влияла на характер классовой борьбы в Дагестане. Этим, на наш взгляд, объясняется то, что в XV—XVI вв. не произошло ни одного общедагестанского антифеодального выступления или восстания, хотя во всех политических единицах Дагестана имелись все основания для обострения в них социальных противоречий и для проявления их в разных

¹³ Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 81.

¹⁴ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. 1, с. 225; Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство. ССКГ, вып. VII, с. 5; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 107.

¹⁵ Подробно см.: АКАК, т. II, с. 1075—1077; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 76—80; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961, с. 132.

формах. Имеющиеся сведения позволяют проследить определенную закономерность: чем более развиты были в социальном отношении та или иная части Дагестана и, следовательно, чем глубже были в них социальные противоречия, тем заметнее проявлялись они в фольклоре их жителей.

Подтверждение этому — фольклор кумыков, в частности, их исторические песни. И хотя нельзя категорично утверждать, что эти исторические песни относятся именно к XV—XVI вв., тем не менее, можно говорить, что они отражают типическую картину социальных противоречий у кумыков, характерную, в частности, и для XV—XVI вв.

Как отмечалось, кумыки в XV—XVI вв. входили в состав Казикумухского шамхальства, но почти в каждом ауле у них имелся свой бий-владелец, зависевший от шамхала. Гнет биев испытывало узденство, которое не желало подчиняться феодальному произволу.

Мотивы социальных противоречий ярко отразились в ряде кумыкских песен, изданных в «Сокровищнице песен кумыков»¹⁶ и объединенных составителями в группу под названием «Къанна къазакъ йырлар» («Краткие песни казаков*»). В одной из них (№ 54) говорится, что бий требует от казака явиться к нему, в противном случае угрожая забрать у него быка¹⁷. Интересно, что в песне певец (от имени которого идет речь) предостерегает бия: «Если же будешь говорить со мной, как с рабом-казак, вынести это, мой бий, будет трудно»¹⁸. Слуга-казак прямо предупреждает бия: если последний будет оскорблять его, то он не только уйдет от него в горы, не только не станет пасти его табун, но и схватит детей бия и продаст их. Лейтмотив песни — требование от бия ценить своих подданных.

---

¹⁶ Къумукъланы йыр хазнасы. Состав. А. Аткай, Ш. Альбериев. Ред. А.-В. Сулейманов. Махачкала, 1959.

* Слово «казак» первоначально означало «дружижник», а позднее им стали выражать такие понятия, как «батрак», «слуга». В тексте песен последнее и нужно понимать.

¹⁷ Къумукъланы йыр хазнасы, с. 51.

¹⁸ Подстрочный перевод стихов сделан фольклористом А. М. Аджиевым, которому приношу свою благодарность. Однако нужно отметить, что эти песни нуждаются в большем историко-текстологическом анализе, чтобы отнести их к определенному хронологическому периоду и на основе их делать какие-либо выводы о социальной борьбе в полиэтнических образованиях Дагестана XV—XVI вв.

Острые социальные противоречия нашли отражение в песне, которую по внутреннему содержанию, по упоминающимся в ней предметам следует отнести к XV—XVI вв. В ней, в частности, упомянуты такие атрибуты вооружения, как лук, стрела («В камни целясь, мой бий из лука стрелял...»), тогда как в более поздний период феодальное сословие стремилось вооружиться огнестрельным оружием. В песне прямо подчеркивается имевший уже место произвол биев, заставлявших «плакать матерей у многих»¹⁹. В то же время в песне звучит прямая угроза бию: если он будет «заставлять плакать матерей у многих», может заплакать и его собственная мать. Если он будет «папаху многих бить о землю», может не остаться и его «собственная папаху на голове»²⁰.

Характерной особенностью песен этого цикла является оптимистичность их героя, готового даже в одиночку бороться против феодального гнета и притеснений, стоять один против бийских «десяти тусов»²¹.

Большой интерес с точки зрения отношения социальных низов к феодальному сословию представляют строки песни, в которых говорится, чтобы «неумные пустые головы не только что биев, но даже ханов сгнули с этого мира, как не бывало»²².

Приведенные отрывки песен свидетельствуют о четко выраженном противопоставлении в них двух антагонистических социальных сил средневековой эпохи, о невозможности их примирения друг с другом. Это же явление можно проследить и в песнях-раздумьях (ойлу-йырлар) о бедности и ее причинах²³, социальная направленность которых несколько расплывчата: в них конкретно не указано, против кого направлена песня.

С точки зрения исследуемой проблемы более интересны песни с четко выраженной антифеодальной направленностью, в которых ясно выражена первопричина тяжелого положения эксплуатируемых низов. Это особенно видно из кумыкской песни «Пожелания шамхалу», появление которой в исследуемый период исторически вполне обусловлено, поскольку кумыки в XV—XVI вв. подчинялись казикумухским шамхалам.

¹⁹ Къумукълапы йыр хазнасы. Махачкала, 1959, с. 93—94.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 84.

²² Там же, с. 83.

²³ Там же, с. 127—129.

В песне прямо звучит пожелание смерти феодальному правителю-шамхалу: чтобы конь шамхала из боя вернулся живым, «но без седока в золоченном седле»²⁴.

Социальные противоречия кумыкского общества нашли отражение и в песне об Эльдаруше, в которой говорится, что богач Бектемир на своей свадьбе с княжной Месей оскорбил своего бедного двоюродного брата Эльдаруша, заявив, что от него «пахнет бедностью». Эльдаруш отомстил Бектемиру: убил стрелами сорок его нукеров и «нос и ухо Бектемира отсек»²⁵. Вероятно, что какие-то исторические события отражены в этой эпической песне, которая по ее характеру А. Аджиевым датируется XIV—XV веками²⁶.

Антифеодальные социальные мотивы отражены и в песне «Айгази». В ней речь идет о мести Айгази биям, укравшим его невесту: «Пусть ринется в битву весь княжеский род, тебя не отдам все равно я»²⁷.

Готовность бедняка отстаивать свою честь в борьбе не только с бием, но и даже с шамхалом, претендовавшим на его невесту, нашла отражение в песне «Бий и казак». Герой песни прямо заявляет, что «хоть и дал шамхал за нее калым, а не быть ей шамхалу женой»²⁸.

Эти песни отражают в целом типичную для средневековой эпохи картину сложившихся в феодальных владениях общественных отношений, когда феодальные правители стремились забирать всех красивых девушек в свои гаремы, а порою претендовали даже на право первой ночи. Поэтому не исключено, что в основе приведенных песен-преданий лежат события, имевшие место в XV—XVI вв.

Свидетельством социальных противоречий в Дагестане в средневековую эпоху может служить и песня кумыков «Жалоба». В ней говорится, что когда-то герой песни жил хорошо, имел коня и много друзей, но остался он один, так как «беки-враги одолели» его. И все же герой песни готов бороться и один против беков, кото-

²⁴ Песни Дагестана. Из кумыкской народной поэзии. Махачкала, 1970, с. 36.

²⁵ Песни народов Дагестана. Сост. Н. В. Капиева. М., 1970, с. 230—231.

²⁶ Аджиев А. Героико-исторические песни кумыков XIV—XVIII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 5, д. 162, лл. 44—45.

²⁷ Песни народов Дагестана. Сост. Н. В. Капиева. Л., 1970, с. 237.

²⁸ Там же, с. 240—243.

рым бросает вызов: «Что же, подходите, проклятые беки, я вас один успокою навеки»²⁹.

В какой-то мере антифеодальные настроения кумыков отразились и в исторической песне о Султан-Муте³⁰, который был сыном шамхала Чупана от неравного брака. Согласно преданию кумыков, братья Султан-Мута (родные ему лишь по отцу) и его отец шамхал³¹ не признавали его равенства с ними и ему силой пришлось отстаивать свои права на удел.

В указанной песне эти обстоятельства нашли своеобразное, социально обостренное отражение: симпатии оказались на стороне Султан-Мута. Такое отношение к нему объясняется социальным неравенством его и тем, что он был «незаурядной личностью, в глазах народа был незаслуженно обижен»³². Поэтому «его борьба против шамхала и своих старших братьев за признание была воспринята народом как борьба за справедливость» и поэтому, как отмечается в литературе, «народ и воспел эту борьбу»³³. В этой же песне нашли выражение и представления средневекового крестьянства о «хороших» князьях-правителях, поскольку в ней подчеркивается, что Султан-Мут — не только враг шамхала, но и «хороший» князь³⁴.

Аналогичное явление нашло отражение и в историческом предании о Султан-Муте, зафиксированном и проанализированном А. Аджиевым. В этом предании историческая действительность передана ближе к истине, в нем говорится о выражении сочувствия кумыков Султан-Муту, по отношению к которому братья и отец-шамхал поступили несправедливо. Однако нельзя Султан-Мута считать защитником интересов народных масс, поскольку он боролся за свои личные интересы. Сочувственное отношение предания к Султан-Муту объясня-

---

²⁹ Из дагестанской народной лирики. Под. ред. А. Межирова, А. Назаревича. Махачкала, 1956, с. 162.

³⁰ Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895, с. 351—353; см. там же, с. 243.

³¹ Там же, с. 243; А. Бажиханов. Указ. соч., с. 88; М. Афанасьев. Селение Костек. СМОМПК, вып. 16, отд. 1, с. 87; Шамхалы тарковские. ССКГ, вып. 1, с. 58.

³² См.: Полевой материал, собр. А. Аджиевым в 1969 г. РФ ИИЯЛ, ф. 9, оп. 1, д. 353, лл. 109—112.

³³ Аджиев А. Героико-исторические песни кумыков XIV—XVIII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 5, д. 162, л. 56.

³⁴ Там же.

ется тем, что к началу его борьбы за удел он еще не успел «отличиться» как феодал. Султан-Мут, став правителем, не менее угнетал своих подданных, чем другие феодальные владетели. Именно поэтому из его владения уже в начале XVII века участились побег крестьян³⁵ в царские Терский и Сунженский городки.

Гнет шамхалов в XV—XVI вв. на себе испытывали и лакцы, главное селение которых Казикумух в этот период являлось резиденцией шамхалов. Однако в фольклоре лакцев слабо отразилась их борьба против шамхалов в этот период³⁶.

Антишамхальские настроения кумухцев отразились более ярко в аварской песне «Зардухил Али»: Зардухил Али совершил поступок, возмущивший шамхала, и последний требовал, чтобы Али покинул родной аул³⁷. Тогда Зардухил Али спрашивает у матери совета: «Самому же шамхалу не объявить ли войну?». Али покинул родной аул, поселился в Нухе. Шамхал отправил к Али своего сына с письмом, в котором призывал его вернуться в аул. Демонстрируя свою независимость от шамхала, Зардухил Али отрубил кисть правой руки сыну шамхала и выразил готовность простить его, если шамхал выдаст за него свою «дочку, лучшую среди всех, как жену-рабыню»³⁸.

Комментируя эту песню, А. Ахлаков писал, что шамхалы постоянно стремились расширить свои владения за счет соседних аварских «вольных» обществ Андалал, Мукратль, Рисор, Тленсерух, Карах, подчинить их себе, обложить их податями и, что вероятнее всего, Зардухил Али был одним из предводителей «вольного» общества, находившегося в оппозиции к шамхалу³⁹.

Отрицать такую трактовку содержания этой песни

---

³⁵ Материалы по истории Дагестана XVII в. Извлечены Е. Н. Кушевой из отдела рукописных фондов Ин-та истории АН СССР, д. 24. См. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 449, л. 237; Документы по русско-дагестанским отношениям 17 в.; см.: РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 440, л. 92—93; РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 305, лл. 471—472.

³⁶ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 150; Очерки истории Дагестана, т. 1, с. 96; История Дагестана, т. 1, с. 249; Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов. УЗ ИИЯЛ, 1959, т. 6, с. 173.

³⁷ Текст песни см. Ахлаков А. Героико-исторические песни и баллады аварцев. РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 3, д. 112, лл. 265—267.

³⁸ Там же, л. 267.

³⁹ Ахлаков А. Антифеодальные песни народов Дагестана. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 5, д. 159-а, л. 51.

без более тщательного анализа трудно, поскольку соседние аварские союзы сельских обществ действительно противостояли натиску казикумухских шамхалов.

Но не исключено, что песня может быть народным переводом какой-то лакской песни на аварский язык, поскольку в ней заметна чрезмерно четкая локализация места действия вплоть до названия кварталов в Кумухе, которые мог знать только человек, живший или бывший в самом Кумухе.

Историческая традиция свидетельствует о сильной оппозиции шамхалу не только со стороны соседних обществ, но и отдельных кварталов Кумуха. В силу этого и думается, что в песне о Зардухил Али нашли отражение события, имевшие место в Казикумухском шамхальстве (в частности, в Казикумухе или в одном из соседних сел) где-то в XVI веке.

Говорить об антифеодальной борьбе в шамхальстве в XV—XVI вв. позволяют и некоторые исторические данные. Так, согласно надписи на полях Корана из селения Тпиг (надпись эта переведена с арабского на русский язык и опубликована А. Р. Шихсаидовым), жители упомянутого села, унаследовавшие земельные угодья прекратившего существование еще задолго до этого селения Зулер⁴⁰, отвергли претензии шамхала Улхая в 1553 г. на харадж с них, когда-то якобы вносившийся зулерцами шамхалу⁴¹. Шамхал не сумел подтвердить свои права на налог с жителей Тпига и не решился предпринять против них карательные действия, видя твердую позицию тпигцев⁴².

Этот факт является характерным для феодальной эпохи примером «протеста общинного крестьянства против усиления эксплуатации со стороны феодалов»⁴³.

Об антишамхальской оппозиции в Дагестане в конце XVI в. свидетельствует и сообщение грузинских послов в Москву в 1588—1589 гг. — князя Каплана, старца Кирила и Хуршита (Куршита) «на казенном дворе». Добиваясь в Москве организации похода на шамхала, они

---

⁴⁰ Ахмедов Ш. М. История агулов. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 208, лл. 91—92.

⁴¹ Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 107.

⁴² История Дагестана, т. 1, с. 246.

⁴³ Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969, с. 187.

заявили, что шамхал после взятия Тарков «жить не будет с час,... он побежит на горы», что и горцы его сами не любят, что «им от него обида». Более того, послы уверяли, что и «они (горцы — У. М.-С.) станут на шевкала с государевыми людьми заодно»⁴⁴.

Посол царя Александра старец Кирил в Москве в 1603—1604 гг. говорил также, что «шефкал против государевы рати не постоит..., дети его в розни и всякой живет себе. А которые невеликие земли стояли с шефкалом, и те ныне за него не станут». Особенно интересно его заявление, что «да и с кумычены у шефкала рознь и брань великая»⁴⁵.

Как видно из сказанного, шамхальство к концу XVI века переживало процесс феодального дробления. К середине XVII века Казикумухское шамхальство распалось на ряд самостоятельных и полусамостоятельных политических единиц⁴⁶. Соответственно здесь шло обострение и социальных противоречий, поскольку это взаимосвязанные процессы.

В условиях же Дагестана борьбу союзов сельских обществ против попыток феодальных правителей подчинить их своей власти, наложить на общинников подати в свою пользу следует отнести к антифеодальной борьбе, которая находила выражение в разных формах: побег, поджоги, вооруженные выступления, оскорбление феодалов словом, неповиновение приказам феодалов и т. д.

Имеющиеся сведения позволяют говорить также о такой форме антифеодальной борьбы в Дагестане, как абречество. Вкратце его суть в том, что «дети, прижитые холопкой от господ, вольны по рождению, но не могут быть приняты в сословие их отцов, не могут даже быть причислены ни к какому сословию. Рабское происхождение — пятно, не вдруг изглаживавшееся в кумыкском обществе. Отчужденные от всех сословий,

---

⁴⁴ Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского глав. архива мин. ин. дел. С. А. Белокуровым, вып. 1. 1578—1613 гг. М., 1889, с. 58—59.

⁴⁵ Белокуров С. А. Указ. соч., с. 401.

⁴⁶ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973, с. 9—11.

люди эти становятся обыкновенно отчаянными наездниками, знаменитыми воришками»⁴⁷.

Абречество получило разную оценку у разных социальных групп. Абреки в народных песнях выступают в роли защитников интересов социальных низов. Интересы феодального сословия требовали борьбы с абреками, которые в дагестанских нормах обычного права проходят под терминами «разбойники», «воры», хотя между абреком и вором существует большая разница. Вор пользовался всеми правами жителей сельского общества, в котором он жил, неся ответственность только за совершенное им преступление.

Абрек же бывал обречен на скитания, по существу находился вне всякой защиты общества. За его убийство никто не нес кровной ответственности. Так, в одной из статей «Сборника адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского» говорится: «Убийство разбойника (видимо, здесь речь идет об абреке — У. М.-С.), а также вора хозяином и ограбляемым грабителя на месте преступления считается безвозмездным, потому что посягательство на завладение чужой собственностью одинаково с посягательством на чужую жизнь»⁴⁸.

Отношение к абрекам нашло яркое отражение в «Кодексе законов Умма-хана Аварского (Справедливого)». В нем говорится: «Если кто-либо убьет вора, который, растранив свое имущество, находится в бегах, то за кровь его никто не несет ответственность». Здесь опять-таки, если исходить из описания адатной нормы, говорится об абреках («находятся в бегах»). Другая статья этого же «Кодекса» гласит: «Если вор, который находится в бегах, будет убит, то тому, кто его убил, надо дать 10 овец. За убийство такого вора дият не взыскивается»⁴⁹.

Официально, как видно из этих адатов, даже поощряется убийство вора, «который находится в бегах». В случае же поимки такого «вора» и отдачи его родственникам, чтобы они поступили с ним по своему желанию, с пойманного и сдавшего «вора» взыскивался

---

⁴⁷ Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Перепечатано из газеты «Кавказ», № 38 от 31 сентября 1846 г., с. 150—152. См.: РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, д. 80, л. 15.

⁴⁸ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965, с. 189.

⁴⁹ Там же, с. 266.

штраф в 100 овец; преследовались всякие контакты с таким человеком, даже продавать ему что-либо запрещалось⁵⁰.

В нормах обычного права уцмийства Кайтагского и майсумства Табасаранского заметное место занимают статьи о разбойниках, преследование которых по существу вменялось в обязанности каждого жителя.

«Разбойники, для собственной корысти убивающие проезжающих на дорогах или умертвляющие в домах..., подвергались наказанию»⁵¹ лишением глаз, отнятием носа, рук и убийством⁵². За укрытие разбойников во время их преследования надлежало разорить дом виновного или он должен был найти скрывшегося разбойника; за уклонение от участия в преследовании разбойника наказывали телесно и штрафовали рогатым скотом; каждый обязан был дать приют убегающему от разбойника⁵³.

«Постановления Кайтагского уцмий Рустем-хана», а также «Уцмиевские адаты»⁵⁴ тоже предусматривали жестокие наказания разбойникам и ворам.

Анализ же норм обычного права многих союзов сельских обществ Дагестана свидетельствует об отсутствии в них статей относительно разбойников, тогда как о мерах наказания за воровство, поджоги и т. д. в них много статей. Исключением в этом отношении являются гидатлинские адаты, в которых также имеются пункты о ворах и грабителях. «За убийство вора и грабителя в момент их преступления к ответственности никто не привлекается», «убийство грабителя не влечет за собой ответственности», — говорится в них⁵⁵. Возможно, что эти нормы гидатлинских адатов возникли еще в период, когда в Гидатле жил феодальный правитель шаухал (шамхал), в своих интересах поставивший разбойников (абреков) и воров вне всякой защиты общества.

Все это наталкивает на мысль, что разбойничество (абречество) имело место в основном в феодальных

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968, с. 149.

⁵² Там же, с. 147—148.

⁵³ Там же, с. 149.

⁵⁴ Там же, с. 176—177, 185—186.

⁵⁵ Гидатлинские адаты. Подгот. к печати Х.-М. О. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957, с. 17.

владениях. В союзах сельских обществ же не было еще социальной основы для появления в них абречества или разбойничества. Поэтому, видимо, в нормах обычного права союзов сельских обществ и нет статей, направленных против разбойников.

Формой социальной борьбы в Дагестане в XV—XVI вв. являлись и побеги зависимых категорий населения за пределы феодальных владений. С возникновением в XVI в. на Северном Кавказе русских крепостей и казачьих городков из Дагестана туда стали убегать «тяглые люди» и «ясыри», что «постоянно служило предметом переписки дагестанских феодалов с русскими пограничными властями»⁵⁶. Для XVII века имеется значительный фактический материал⁵⁷ по этому вопросу.

Относительно же XV—XVI вв. такого материала мало. Известно только, что часть аккинцев (окочан) ушла под защиту аварского хана в Аух, а 160 окочан (аккинцев) с женами и детьми, живших по р. Акташ и страдавших от притеснений кумыкского феодала Атматхана⁵⁸, в конце XVI в. ушло под защиту терского гарнизона и поступило на царскую службу.

Следует учесть, что побеги из Дагестана в пределы России до создания Терского и Сунженского городков на Северном Кавказе в конце XVI в. вряд ли могли иметь место. Другое дело — побеги в пределах Дагестана от одного феодального правителя к другому, которые могли иметь место в XV—XVI вв. Но в принципе побеги — это пассивная форма выражения социального протеста, поскольку, как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «беглые крепостные... освобождались не как класс, а поодиночке»⁵⁹.

---

⁵⁶ Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 355, л. 5.

⁵⁷ Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Сост. Маршаев Р. Г. Махачкала, 1958 (в дальнейшем — Русско-дагестанские отношения...), с. 177, 200—201; Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в. Извлечены из ЦГАДА Кушевой Е. Н. См. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 305, лл. 529—530, 532—533, 591; РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 439, л. 1; РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 456, л. 274; РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 440, лл. 91—92.

⁵⁸ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 69—70, 293.

⁵⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд-е 2-е. М., 1955, т. 3, с. 77—78.

С точки зрения исследования классовой борьбы в Дагестане и такой ее формы, как побеги, большой интерес представляет документ 1499—1500 гг., опубликованный Т. Айтберовым и М. Шигабудиновым под названием «Соглашение от 905 г. х., заключенное между Чупанилавом из Нижнего Чугли, с одной стороны, и эргенами, с другой, о согласии их на поселение его рабов и слуг на земле, принадлежавшей им»⁶⁰. В этом документе говорится о том, что «эргены» убили своего султана и поселились на земле «Большого шамхала» в количестве 30 человек на условиях защиты ими границ его владений от посягательств извне. Вскоре к этим эргенам в Кутиша переселился Чупанилав из Нижнего Чугли, ставший их султаном. Позднее к ним прибыло также 12 семей рабов, убежавших от гнета нуцала. Позже Чупанилав встретился в Кикунни с нуцалом, заявившим, что он считает рабов уступленными Чупанилаву за золотой лук. Чупанилав в конечном итоге поссорился с пришлыми, убил всех их мужчин, а их женщин выдал за своих слуг. Для них Чупанилав выделил землю, «начиная от Кинухил парса, участок Хавай от Шулалул кал и нижний край от широкого ущелья»⁶¹.

Этот источник содержит в себе весьма интересную информацию о социальной истории шамхальства Казикумухского и нуцальства Аварского, хотя из его текста остается неясным, откуда взялись «эргены», почему они убили своего султана и избрали местом поселения Кутиша, почему чоглинский султан так стремился поселиться с ними, за что Чупанилав вдруг решил убить купленных им за золотой лук у нуцала в Кикунни рабов, как звали нуцала и почему именно в Кикунни он находился, тогда как резиденцией аварских нуцалов считался Хунзах.

Здесь требуются некоторые пояснения. «Большой шамхал Чупан» — это, вероятно, шамхал казикумухский. Его владения граничили с владениями хунзахских нуцалов. Чогли, Кутиша и др. соседние с ними селения и земли считались в XV—XVI вв. входившими в состав шамхальства. Поэтому, видимо, бежавшие от нуцала «эргены» и просились на эти малозаселенные в тот пе-

---

⁶⁰ Вопросы истории Дагестана. Досоветский период. Вып. II, Махачкала, 1975, с. 233—235.

⁶¹ Там же, с. 238.

рпод земли. Шамхал был, видимо, заинтересован в их заселении и закреплении над ними своей власти, чем, вероятно, и было вызвано такое быстрое согласие шамхала Чупана на заселение указанной территории только лишь за то, чтобы «эргены» охраняли ее от нападений со стороны других правителей.

Для нас более интересно то, что «эргены» * убили «своего султана». Если подданные решились на такое убийство, можно представить всю остроту социальных противоречий между ними и феодальным правителем. В данном случае, возможно, речь идет о каком-то удельном аварском владетеле-беке.

Согласно цитируемому документу, через некоторое время к Чупанилаву приехало еще двенадцать семейств рабов, поссорившихся с нуцалом и убежавших от него. Это — уже свидетельство практикования в Дагестане в XV—XVI вв. побегов от одного феодального владетеля к другому как одной из форм социальной борьбы.

Примечательно и то, что чоглинский султан Чупанилав, оставив свой аул, переселился к поселенцам в Кутиша⁶² «и стал султаном для них». Это обстоятельство позволяет также предположить, что и в Чугли, вероятно, имели место противоречия между Чупанилавом-владетелем и чоглинцами-общинниками. Иначе трудно объяснить такое упорное желание Чупанилава переселиться в только что возникавшее село, опустошив свою резиденцию.

Загадочно и то, что Чупанилав, заплативший нуцалу в Кикуну за беглых рабов золотой лук, потом все же решил их всех убить. Из-за отсутствия других сведений приходится ограничиваться предположением, что Чупанилав, использовав беглых рабов для строительства жилых и иных строений в селении Кутиша, решил их потом уничтожить, чтобы, как отмечено Р. М. Магомедовым, «другим было неповадно бегать»⁶³. Возможно, что эти же беглые, хотя вначале и добровольно признали покровительство Чупанилава, чтобы найти в его лице защиту от гнета нуцала, потом стали выступать против

---

* В примечании к тексту документа под «эргенами» подразумеваются выходцы из аварского села Аргвани. См. там же, с. 236.

⁶² О появлении здесь с. Кутиша, которого нет в публикуемом документе, см. там же, с. 237. Примечание 7.

⁶³ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 110.

него. В конечном итоге произошел новый конфликт, в результате которого Чупанилаву удалось убить всех пришлых рабов-мужчин, жен которых он распределил между своими верными подданными.

Нельзя претендовать на исчерпывающее объяснение всех затронутых фактов, но ясно, что в рассмотренном документе отразились факты острых социальных столкновений в средневековом Аварском хапстве.

О социальной борьбе в XV—XVI вв. в Аварии свидетельствует и фольклорный материал, в частности, аварская песня о Герги и Панусе⁶⁴. В ней, как отмечал А. Ахлаков, нашли отражение социальные противоречия «в пределах одной сельской общины»⁶⁵.

Но это была типичная для XV—XVI вв. картина социальных отношений в сельских обществах Дагестана.

В исторической литературе отмечено, что одной из форм проявления социальных противоречий в сельских обществах Дагестана являлась межтухумная борьба, суть которой сводилась к тому, что богатые и сильные тухумы захватывали лучшие земельные угодия, стремились захватить в свои руки выборные административные должности в обществах, чтобы таким путем добиваться принятия на сельских сходах удобных им решений и т. д.

Песня же о Герги — частный случай. В ней освещена борьба между двумя чохскими тухумами, которые некогда жили в одном из старых аулов. Ссора между выходцем из богатого тухума Панусом и выходцем из бедного незнатного тухума Герги привела к тому, что оба тухума построили каждый себе по аулу⁶⁶. Но соперничеству не был положен конец. В конечном итоге Панус со своим отрядом напал из засады на Герги и нанес ему 30 смертельных ран. В предании, послужившем основой для песни, и в самой песне А. Ахлаковым были отмечены элементы, «относящиеся именно к XIV—XV вв.». И хотя внутренние противоречия сельского общества в песне даны опосредованно, в целом они верно отражают историческую действительность: богатый сильный тухум одерживает победу над маломощным.

---

⁶⁴ Текст: см.: Ахлаков А. Героико-исторические песни и баллады аварцев. РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 3, д. 119, лл. 240—241, комментарий там же, лл. 277—278.

⁶⁵ Ахлаков А. Антифеодальные песни народов Дагестана. См.: РФ ИИЯЛ; ф. 3, оп. 5, д. 159-а, л. 32.

⁶⁶ Там же, л. 34.

Эту форму проявления социальных противоречий можно подкрепить еще и историко-этнографическим материалом. Так, лакское селение Кара (КIара) в далеком прошлом образовалось от слияния трех небольших сел, после чего в селе началось соперничество между тухумами за главенство; чтобы положить конец междухумным ссорам, джамаат пригласил чанку Умахана из селения Шелешеревалу в старшины. Однако и это не изменило положение, ибо со временем тухум этого Умахана в Кара стал решать все джамаатские вопросы по своему усмотрению, полностью узурпировав власть джамаата. Сам же «Умахан стал вести себя очень нагло, заносчиво, обижал джамаат». Немало этому способствовало и то, что Умахан установил тесные связи с хунзахским нуцалом и прибегал к его помощи в случае необходимости⁶⁷. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство жителей селения Кара. Джамаат, чтобы покончить с гнетом тухума Умахана, вынужден был пригласить другого чанку в старшины⁶⁸.

Неравенство тухумов наблюдалось и в селении Ботлих, где выделялся тухум Шамхалгъай, из которого в основном избирались должностные лица в сельскую администрацию⁶⁹. Другие маломощные тухумы должны были искать его покровительство⁷⁰. Таково было положение во многих сельских обществах Дагестана. Особенно в тяжелом положении находились рабские тухумы.

В исследуемые века в Дагестане рабство носило пережиточный характер, было патриархальным. Тем не менее, имела место эксплуатация труда рабов. Историческая традиция свидетельствует, что рабы вели борьбу за свое социальное освобождение. Интересно в этом плане предание, зафиксированное в селении Кунди Лакского района и которое, хотя и с оговорками, можно отнести к исследуемому периоду. Согласно этому преданию, в «давнее время» рабы находились на летних пастбищах Элхалу, принадлежавших тухуму Хъашихъул. Они пасли скот представителей этого тухума. Однажды, не выдержав издевательств со стороны хозяев и тяже-

⁶⁷ Полевой материал, собранный Ш. Ахмедовым в 1963 г. См.: РФ ИИЯЛ, ф. 1. оп. 1, д. 377, л. 36—37.

⁶⁸ Там же, л. 37.

⁶⁹ Там же, л. 8.

⁷⁰ Там же, лл. 4—5, 8.

лых условий жизни, рабы-чабаны убили одного из хозяев скота и убежали. Спустя некоторое время пятеро из них были пойманы, из которых двое были убиты, а трое проданы⁷¹.

Однако в XV—XVI вв. в Дагестане не наблюдалось крупных выступлений рабов, так как в Дагестане практически не было крупных хозяйств, основанных на рабском труде. Основное содержание социального антагонизма в XV—XVI вв. в Дагестане сводилось к противоречиям между феодалами и феодально-зависимыми категориями—узденями, чагарами и раятами, положение которых ухудшалось с дальнейшим углублением феодальных отношений. Одним из показателей этого процесса являлся рост феодальной собственности в результате захватов феодалами под разными предлогами общественных (джамаатских) угодий, увеличения ими размера податей, числа повинностей с общинников. Однако этот процесс не протекал беспрепятственно: сельские общества отстаивали свои интересы от посягательств феодалов, оказывали им упорное сопротивление.

Подтверждением этому служат события социального характера в уцмийстве Кайтагском, в котором «вместе с ростом феодальной собственности усиливалась эксплуатация крестьян-общинников, что вызывало острое недовольство, нередко перераставшее в открытые выступления крестьян»⁷². Такое выступление в Кайтаге имело место около 1580 года при правлении уцмий Гасан-Али. В результате восстания раятов многие беки вынуждены были переселиться в Янгикент⁷³.

Другие подробности этого восстания неизвестны. Поэтому нет возможности его комментировать. Можно лишь говорить об обострении противоречий между беками и раятами, если дело дошло до открытого вооруженного выступления. Это восстание имело связь со сдвигами в социально-экономическом развитии Кайтага, заметно проявившимися в конце XVI века. В истори-

---

⁷¹ Там же, л. 41.

⁷² Омаров А. С., Маршаев Ф. Г. «Постановления» Рустем-хана как источник по истории Кайтага XVII в. УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1959, т. VII (История), с. 171.

⁷³ Там же; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1957, с. 203.

ческой литературе отмечено усиление власти кайтагского уцмья в XVI веке, что даже правители Дербента стали обращаться к нему за помощью⁷⁴. Он все более стремился усилить свою власть над составлявшими Кайтаг союзами сельских обществ, под разными предлогами присвоить часть их угодий. Это встречало сопротивление союзов сельских обществ, боровшихся за сохранение своей внутренней автономии, за территориальную целостность. Социально-экономическое развитие уцмийства сопровождалось обострением в нем классовых противоречий, выступлениями зависимых сословий против феодальных правителей. Так, при уцмие Ахмед-хане (иначе Султан-Ахмеде) против феодального гнета восстали крестьяне сел. Башлы, а в конце XVI века неоднократно восставали крестьяне Урджемильского магала⁷⁵.

Именно участвовавшие социального порядка конфликты и заставили, на наш взгляд, уцмья Султан-Ахмеда прибегнуть к урегулированию в уцмийстве взаимоотношений феодального сословия с узденством и т. д. При нем впервые был составлен сборник кайтагских адатов⁷⁶, или, как отмечает А. Бакиханов, «уложение законов»⁷⁷, по которому решались «народные споры» в Кайтаге. Этот сборник не обнаружен⁷⁸, но можно полагать, что главные его положения в XVII веке легли в основу сборника кайтагских адатов, составленного при уцмие Рустем-хане. Безусловно, появление определенного кодекса, регулировавшего общественные, имущественно-правовые и т. д. взаимоотношения, устанавливающего определенный правовой порядок в уцмийстве, при всех обстоятельствах было явлением положительным, хотя уцмий Султан-Ахмед и вынужден был приступить к его составлению под давлением сложившихся в Кайтаге обстоятельств.

А. Бакихановым отмечено, что Султан-Ахмед установил разницу между понятиями «эмир и джанка» («чанка») ⁷⁹. Но и это было сделано, видимо, не просто

---

⁷⁴ Омаров А. С., Маршаев Р. Г. «Постановления», УЗ ИИЯЛ, т. VII, 1959, с. 171.

⁷⁵ История Дагестана, т. I, М., 1967, с. 246.

⁷⁶ Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 203; он же. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964, с. 14.

⁷⁷ Бакиханов А. Указ. соч., с. 89.

⁷⁸ Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 204.

⁷⁹ Бакиханов А. Указ. соч., с. 88.

по прихоти, а вызвано было необходимостью упорядочить вопросы престолонаследия и положить конец притязаниям претендентов на тот или иной удел, чтобы правом наследования пользовались дети правителей лишь от равного брака или эмиры.

Этим актом Султан-Ахмед отразил и социальную сторону вопроса, защищая интересы феодального сословия, ряды которого после этого не пополнялись за счет выходцев из низших сословий. В условиях же средневековья феодальные владетели практиковали многоженство, и у них бывало много детей от неравных браков — чанков. Принятое разграничение преграждало чанкам путь в правители.

Заслуживает внимания и то, что уцмий Султан-Ахмед «основал местечко Маджалис на пустом месте, где прежде собирался народ для совещания»⁸⁰. Объяснение этому факту Р. М. Магомедов видит в том, что «уцмиям приходилось испытывать большие трудности в правлении горными общинами...», уздени которых в борьбе с уцмиями «отстояли административную и политическую самостоятельность» и «дело дошло до того, что уцмии более не могли оставаться в горах и вынуждены были перенести свое место пребывания в Нижний Кайтаг, в Маджалис»⁸¹. Перенос резиденции на плоскость не изменил отношения уцмия к горной части Кайтага. И в Маджалисе «уцмий продолжает считать себя повелителем всего Кайтаг-Дарго и по-прежнему требует дани с тех населенных пунктов, которые ему удалось подчинить». Но многие села союзов обществ Мюйра, Гапш, Ганк, Ирчамул, хотя считались входившими в состав уцмийства, податей уцмию не платили⁸².

Перемещение резиденции уцмия на плоскость объективно, помимо его желания, вело к ослаблению влияния уцмия на горные магалы.

Но и в Нижнем Кайтаге уцмиям приходилось прилагать большие усилия, чтобы распространить свою власть над обществами, которые противостояли усилению феодального гнета. В частности, в конце XVI века имели место столкновения между башлинцами⁸³ и уц-

⁸⁰ Бакиханов А. Указ. соч., с. 88; Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 203—204.

⁸¹ Магомедов Р. М. Памятник..., с. 13.

⁸² Там же.

⁸³ История Дагестана, т. 1, с. 246.

нием Сулган-Ахмедом. Ему удалось отобрать у башлинцев часть земель и поселить на них теркеменцев (теркемейцев), пригласив их из Ширвана⁸⁴.

Уцмию удалось в этот период одержать верх и над урджамильцами, выступившими против попыток его сына собрать с них подати сверх установленных ежегодных сборов.

События в Урджамильском магале, отразившиеся в известном труде А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам», нуждаются в более подробных комментариях. Суть их такова: однажды сын уцмий отправился в селения Урджамильского магала для сбора податей и был оскорблен жителями этого магала. Без ведома отца он взял у своего племянника шамхала войско, пришел в Урджамиль и умертвил многих из его старшин. Через некоторое время, когда урджамильцы опять стали волноваться, уцмий пригласил к себе их старшин и «убил всех зачинщиков»⁸⁵. После этого он «вызвал из разных мест Ширвана тюркменцев и населил ими ныне существующие деревни магала Терекеме (Тюркмены)»⁸⁶.

Расправа с урджамильскими старшинами свидетельствовала об их участии в выступлении урджамильцев, которое отличалось единодушием. Физически расправившись со старшинами, уцмий отнял у урджамильцев значительную часть угодий и поселил на них теркеменцев⁸⁷, которые попали, в свою очередь, в поземельную зависимость от уцмий, несли в его пользу целый ряд феодальных повинностей. Можно сказать, что теркеменцы даже стали его новой социальной опорой: он мог использовать их в качестве противопоставления башлинцам и урджамильцам, проявлявшим ему непокорность. В то же время и теркеменцы нуждались в его поддержке при земельных спорах с вышеуказанными обществами, на землях которых они поселились.

Народные предания урджамильцев также подтверждают суть этих событий. Магал Урчѐмул или Урджамил (от слова «девять») с центром в Варсите объединял

---

⁸⁴ Бакиханов А. Указ. соч., с. 89.

⁸⁵ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 127.

⁸⁶ Бакиханов А. Указ. соч., с. 88.

⁸⁷ Там же, с. 89.

селения Антиль, Пиляки, Кирки, Сурхакент, Шурагат, Халтин, Турага, Шиланша, Барша, Ургагья.

Согласно преданию, варситцы в прошлом жили в плоскостной части Кайтага между современными селениями Великент и Салук в местности Кайтакъ къайурти, где до сих пор сохранились развалины их домов, кладбища. Уцмии требовали от них подчинения, уплаты им налогов, но жители старого Варсита сопротивлялись этим претензиям. Тогда уцмий пригласил теркеменцев, которых еще не было в Кайтаге, и выступил против варситцев, убил многих их старшин, а оставшихся в живых разогнал, и те поселились в новых местах. На брошенных ими землях и были поселены теркеменцы, образовавшие селения Салук, Великент, Кардаг, Тат, Джемикент.

Однако урджамильцы на новых местах стали испытывать большие трудности из-за нехватки пахотной земли и других угодий. В конечном итоге они выразили покорность уцмию, за что он выделил в пользование им земли под названием Тузлак (соленые озера), Утаргула (там они разбили сады и виноградники) для пастбищ и Набтла хъарахъ (пастбище, где пасли скот зимой и летом). Варситцы уцмию не платили податей, но «что требовал, то делали», т. е. снова оказались в зависимости от уцмия.

Таким образом, уцмию удалось в конечном итоге одержать верх над одним из наиболее сильных в свое время и обеспеченных землей и пастбищами магалом⁸⁸ Кайтага, как Урджамильский. Это же был успех и центральной феодальной власти, которая шла в XV—XVI вв. в наступление на права союзов сельских обществ и зачастую подавляла их сопротивление, как это сделал уцмий Кайтага в отношении урджамильцев.

Анализ имеющихся сведений показывает, что в целом в конце XVI века в Кайтаге наблюдалось обострение социальной борьбы как в горной, так и в плоскостной частях.

Процесс усиления центральной власти и обострение социальных отношений в XV—XVI вв. были характерны и для Табасаранского майсумства. Имеются сведения, что «до XVI в. майсум был правителем всего Табасарана, за исключением некоторых больших союзов

⁸⁸ Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 206—207.

сельских обществ»⁸⁹ и «до второй половины XVI века выступал как верховный правитель всего Табасарана»⁹⁰.

С распадом же Табасаранского владения во второй половине XVI века на майсумство и кадийство майсум уже не мог решать какие-либо вопросы относительно всего Табасарана. В его компетенции оставались вопросы лишь сельских обществ, составлявших магалы Этег Дерэ, Нитрич и Сувак⁹¹.

В состав кадийства Табасаранского же входило 29 селений с центром в Хучни⁹². Данные о налогах и повинностях (перечень которых превышает 30 видов⁹³) с жителей этих сел в пользу кадия⁹⁴ свидетельствуют как о больших доходах кадия, так и о тяжелом положении жителей сел, попавших в зависимость от кадия, сумевшего в борьбе с майсумом отхватить часть его владения, сосредоточить в своих руках, говоря словами В. И. Ленина, не только функции попа, но и палача, который «должен подавлять протест и возмущение угнетенных»⁹⁵.

Раскол Табасарана способствовал углублению феодальных отношений, усилению феодальной эксплуатации, так как и майсумы, и кадии стремились увеличить объем и число податей и повинностей от подданных в свою пользу. Следствием этого и явилось, в частности, восстание 1630—1631 гг. в Табасаране⁹⁶.

Социальные противоречия в Табасаране проявлялись и в форме побегов зависимых сословий от феодального гнета. В частности, беглые крестьяне из майсумства образовали селение Ругуж⁹⁷. Объяснялись побегии тем, что

---

⁸⁹ Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие табасаранского аула (История аулов Хучни, Джарах, Ерси). РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 156, л. 32.

⁹⁰ Там же, л. 76.

⁹¹ Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие табасаранского аула (аулы майсумства Табасаранского). РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 209, л. 7—8.

⁹² Гасанов М. Р. Социально-экономическое и политическое развитие аулов кадийства Табасаранского. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 188, л. 1.

⁹³ Там же, л. 79.

⁹⁴ Там же, л. 91—93, 94—97.

⁹⁵ Ленин В. И. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.

⁹⁶ Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 106—107.

⁹⁷ Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 295.

«раяты в табасаранских владениях, тем более в Джерахе, в центре майсумов, находились в тяжелом положении»⁹⁸.

Юго-западную часть Дагестана в XV—XVI вв. занимало Цахурское владение. Оно в XV веке окрепло, стало даже теснить соседние общества, расширило свои владения к югу⁹⁹, и это, возможно, несколько способствовало смягчению в нем социальных противоречий.

Поэтому, видимо, и нет сведений о каких-либо антифеодальных выступлениях в Цахуре в этом веке. Только в самом начале XVII в. в Цахуре произошло антифеодальное выступление, в результате которого цахурские беки были перебиты узденями¹⁰⁰. Возможно, что оно было подготовлено социального порядка противоречиями, назревавшими еще в XVI веке.

Не исключено, что в XV—XVI вв. в Южном Дагестане социальные противоречия имели место и в Дербентском владении. Однако отсутствие сведений по этому вопросу не позволяет сказать что-либо определенное¹⁰¹.

Приведенный материал свидетельствует, что в феодальных владениях Дагестана в XV—XVI вв. уже налично были социальные противоречия, являвшиеся следствием процесса углубления феодальных производственных отношений и находившие выражение в формах побегов, абречества, вооруженных выступлений и т. д. Характерной особенностью антифеодальных выступлений XV—XVI вв. в Дагестане являлась их стихийность, местнический характер даже в пределах отдельных феодальных владений, что позволяло феодалам жестоко расправляться с непокорными им людьми и даже обществами.

Социальные противоречия имели место в XV—XVI вв. и в союзах сельских обществ Дагестана. Социальная и имущественная дифференциация в них была заметна

---

⁹⁸ Гасанов М. Р. Социально-экономическое развитие табасаранского аула. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 156, л. 48.

⁹⁹ Магомедов Р. М. История Дагестана, 1968, с. 118.

¹⁰⁰ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. 1, с. 225; Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство. ССКГ, вып. VII, с. 5; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 107.

¹⁰¹ Бакиханов А. Указ. соч., с. 83—85; История Дагестана, т. 1, с. 270—271; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 111—112; Умарханов М.-С. К. Указ. соч., с. 115—117.

еще задолго до рассматриваемого периода. Но социальная борьба в союзах сельских обществ проявлялась в менее выраженных формах, нередко облекалась «в формы, присущие родовому строю» (кровная месть, незаконный угон скота или захват имущества и т. д.)¹⁰².

Одной из форм антифеодальной борьбы в Дагестане в XV—XVI вв. являлась борьба союзов сельских обществ за сохранение своей территориальной целостности и политической самостоятельности от соседних феодальных владений, правители которых стремились к расширению своих владений за счет их захвата. Эту борьбу союзов сельских обществ против феодальных правителей, как справедливо отмечено Р. М. Магомедовым, нужно рассматривать как одно «из проявлений антифеодальной борьбы средневекового дагестанского крестьянства»¹⁰³.

Из исторического прошлого Дагестана известны факты, когда отдельные сельские общества стремились подчинить себе более слабых соседей, поставить их в зависимое от себя положение, заставлять их нести определенные повинности в свою пользу, т. е. отдельные сельские общества выступали в роли коллективного феодала¹⁰⁴ по отношению к своим слабым в военном и экономическом отношениях соседям. Хорошей иллюстрацией этому служит пример взаимоотношений жителей селения Ахты с жителями сел, входивших в союз Ахты-пара. То же самое можно сказать о Рутуле и зависимых от него селах. В обоих указанных случаях одним из выражений зависимого положения слабых сельских обществ от сильных являлось то, что они обязаны были ежегодно отбывать «пахту» — своего рода кормление — в пользу ахтынцев и рутульцев¹⁰⁵. Безусловно, такие поповзновения как феодалов, так и отдельных сельских обществ и их союзов встречали отпор со стороны тех, кого хотели подчинить силой или обманом.

В основном все эти формы проявления социальных противоречий в союзах сельских обществ Дагестана уже

---

¹⁰² Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971, с. 136.

¹⁰³ Там же, с. 136.

¹⁰⁴ История Дагестана, т. 1, с. 244—245.

¹⁰⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965, с. 25—32.

освещены в исторической литературе¹⁰⁶ и излишне снова на них акцентировать внимание. Подробнее следует остановиться на борьбе сельских обществ или их союзов против распространения у них соседними феодальными владетелями или их ставленниками ислама, поскольку зачастую под видом распространения ислама феодалы старались подчинить своему влиянию союзы сельских обществ, навязать им свое господство. Борьбу союзов сельских обществ такого характера нужно рассматривать не только как антирелигиозную, но и как антифеодальную.

Эпиграфические памятники свидетельствуют, что такое явление имело место в Дагестане и в XV—XVI вв.

Интересны в этом плане надписи, обнаруженные в Хунзахе и опубликованные Л. И. Лавровым. Одна из них лишь констатирует, что обладатель могилы «Гавургалау Иван сын Гавургайа, по прозвищу Бахс-ан, владелец слуг, имущества и богатства... с властью в бою»¹⁰⁷.

Другая надпись, как отмечает Л. И. Лавров¹⁰⁸, относящаяся к сыну указанного выше лица, подчеркивает, что «...они оба убиты неверными... принятие вероисповедания...»¹⁰⁹, что позволяет предполагать гибель их в борьбе за утверждение ислама.

Можно указать много надписей на надмогильных плитах, в которых сообщается, что под ними погребены лица, погибшие в борьбе с «неверными» или, как говорится в надписях, ставшие «мучениками»¹¹⁰. Эти надписи на надмогильных камнях свидетельствуют, что в распространении ислама в исследуемые века более заинтересованы были феодальные владетели, действовавшие не столько из религиозных побуждений, сколько из экономических и политических целей¹¹¹.

Известно, например, что к XVI в. казикумухские шамхалы и их подданные вели уже «религиозные войны»

---

¹⁰⁶ См.: У ма х а н о в М.-С. К. О социальной борьбе в союзах сельских обществ Дагестана в XVII веке. Вопросы истории Дагестана (досоветский период), вып. II, Махачкала, 1975, с. 198—228.

¹⁰⁷ Л а в р о в Л. И. Указ. соч., с. 147.

¹⁰⁸ Т а м ж е, с. 208 (Комментарий 377).

¹⁰⁹ Т а м ж е, с. 147.

¹¹⁰ Т а м ж е, с. 152.

¹¹¹ Ш и х с а н д о в А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала, 1969, с. 148.

не только с соседями, но и за пределами Дагестана»¹¹², стремясь расширить сферу своего политического влияния. Хунзах, являвшийся резиденцией аварского нуцала, став в конце XIII — нач. XIV вв. мусульманским центром, превратился вскоре «в опорный пункт и рассадник идей ислама»¹¹³. Интересно то, что «к концу XIV в. для хунзахского правителя политика «войны с неверными за веру», т. е. политика насильственного насаждения ислама уже стала традицией»¹¹⁴. Это было равносильно навязыванию нуцалом своей воли близлежащим к нуцальству союзам сельских обществ.

Заинтересованность феодальных правителей в исламизации непокорных им союзов сельских обществ и в достижении таким образом своих политических целей ярко выразилась в совместной идеологической пропаганде Кумуха и Хунзаха при исламизации багулалов и тиндинцев, в участии «войск» из этих сел в насаждении религии в указанных сельских обществах¹¹⁵.

Собственно дагестанские феодалы в этих походах за распространение ислама не принимали личного участия, но способствовали религиозным миссионерам, в случае их гибели организовывали им похороны в своих селах, покровительствовали им. Видимо, в какой-то степени с этим связано то, что в надписях на камнях на кладбищах сел, являвшихся в прошлом резиденциями феодальных правителей и центрами ислама, встречаются в значительном количестве упоминания о погибших в борьбе с «неверными», датированные XV—XVI вв.¹¹⁶.

Большое количество жертв, погибших в борьбе с «неверными» в XV—XVI вв., свидетельствует о том, что насаждение ислама во многих местах Дагестана встречало упорное сопротивление со стороны общинников.

И не случайно в сводах норм обычного права многих союзов сельских обществ Дагестана содержатся статьи, гарантирующие неприкосновенность личности

---

¹¹² Там же, с. 167—168; Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане (VII—XV вв.). Автореф. дис... канд. истор. наук. Махачкала, 1960.

¹¹³ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане, с. 206.

¹¹⁴ Там же, с. 206—207.

¹¹⁵ Там же, с. 209—210.

¹¹⁶ См. надписи за XV—XVI вв. по Л. И. Лаврову. Указ. соч., ч. 1, с. 127—156.

служителей религиозного культа или требующие многократной компенсации за порчу или воровство их имущества, обязывающие при спорных вопросах обращаться к их посредничеству, запрещающие применение искильного права по отношению к ним, в несколько раз выше оценивающие стоимость их крови, чем при убийстве рядового узденя-общинника, т. е. фиксирующие их господствующее положение в обществе¹¹⁷. Это показатель того, что распространители ислама, добившись исламизации тех или иных сельских обществ, в целях предотвращения их выступлений против своего господства добивались жестокой расправы с выступавшими против них общинниками. Эти привилегии духовенства были зафиксированы в нормах обычного права многих обществ Дагестана.

Нельзя не отметить, что в ряде случаев и отдельные крупные сельские общества становились распространителями ислама. Так, гидатлинцы распространяли ислам среди дидойцев, багулалов и тиндинцев¹¹⁸. Цахурцы, приняв ислам, по преданию, стали добиваться аналогичного акта и со стороны жителей селения Джиных и Гельмец, перекрыв важную для жителей этих сел дорогу, что те вынуждены были, противоборствуя навязыванию религии, а возможно и навязываемому господству над ними цахурцев, проложить дорогу вдоль правого берега реки Самур, мимо Цахура¹¹⁹.

Активность отдельных сельских обществ в распространении ислама объяснялась тем, что таким путем они ставили в зависимое от себя положение другие общества. Возможно, что таким путем Ахты и Рутулу удалось покорить себе окружавшие их слабые сельские общества, жители которых впоследствии неоднократно выступали против гнета общинных верхов Ахты и Рутула¹²⁰.

Анализ имеющихся сведений показывает в целом, что глубокие социально-экономические изменения, про-

¹¹⁷ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. (Сост. Х.-М. Хашаев, М., 1965, с. 65, 75, 76, 97, 266—268; Из истории права народов Дагестана. Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968, с. 190 (§ 48); Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII, с. 86, 101.

¹¹⁸ Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане, с. 210.

¹¹⁹ Там же, с. 162.

¹²⁰ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Сост. Х.-М. Хашаев, с. 31—32.

исходившие в Дагестане в XV—XVI вв., сопровождалась обострением социальных противоречий как в феодальных владениях, так и в союзах сельских обществ. При этом социальные противоречия были сильнее в более развитых в общественно-экономическом отношении феодальных владениях Дагестана, как, например, шамхальство Казикумухское, а в других они выражались менее заметно.

В союзах сельских обществ Дагестана социальные противоречия проявлялись подспудно, завуалированно разного рода патриархальными обычаями.

В целом же антифеодалная борьба в Дагестане в XV—XVI вв. отличалась остротой. В основе ее лежали экономического и социального порядка причины, земельно-правовые конфликты между феодалами и крестьянством, борьба зависимых сословий за снижение феодальных повинностей, против произвола феодалов в быту. Это особенно ярко проявлялось в феодальных владениях. Выступления крестьян-общинников в Дагестане, как правило, носили стихийный, разрозненный характер, были более направлены против конкретных проявлений деспотизма и произвола феодалов, чем против феодальной системы как таковой вообще.

Приведенный материал убедительно свидетельствует о достаточно четком противопоставлении в Дагестане в XV—XVI вв. двух антагонистических сил феодальной эпохи, между которыми не прекращалась борьба, являющаяся показателем как остроты классовых противоречий, так и относительно высокого уровня развития общественных отношений у народов Дагестана в этот период.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА В XVIII — нач. XIX в.

Социально-экономическая и политическая структура союзов сельских обществ в XVIII—XIX вв. чрезвычайно сложна. Это определяется не только многоукладностью экономики, этнической пестротой и естественно-историческими условиями, но и наличием в этот период различных архаических социальных институтов, сохранившихся от предшествующих исторических эпох. Союзы сельских общин Западного Дагестана в самом деле дают примеры сохранения в начале прошлого столетия архаичных социальных институтов. Изучение общественного строя сельских обществ данного региона, их характерные особенности экономического и политического развития в XVIII — в нач. XIX в. все еще остается одной из актуальных проблем в дагестанской исторической науке. Специальное исследование столь маленького региона покажет нам специфику развития отдельных обществ, находящихся в XVIII — нач. XIX в. на разных ступенях хозяйственного и социального развития.

Еще дореволюционные историки, отдельные путешественники и военачальники, как русские, так и иностранные, уделяли большое внимание вопросу социально-экономического развития Дагестана. Однако, отмечая их огромный вклад в изучение истории Дагестана, следует сказать также об их тенденциозности в решении отдельных вопросов, в частности, об общественно-экономическом строе Дагестана. Они считали, что все «вольные» общества находились на одинаковой стадии развития, кроме того, они чрезмерно идеализировали их государственный строй, характеризуя его как демократический, федеративно-республиканский.

А. И. Ахвердов в своей работе, посвященной описанию Дагестана, пишет, что «род правления андийцев

есть республиканский»¹. Другой автор И. И. Норденстам пишет, что у жителей Западного Дагестана «правление есть смесь олигархического с республиканским»².

Вслед за ними С. М. Броневский характеризовал общественный строй союзов сельских обществ как демократический, республиканский³. При характеристике общественного строя союзов сельских обществ Западного Дагестана некоторые дореволюционные исследователи ударялись в другую крайность, считая, что в «вольных» обществах господствовали родо-племенные отношения⁴.

Большой вклад в исследование социально-экономического строя союза сельских обществ внесли дагестанские исследователи, которые опровергли ошибочные взгляды буржуазно-дворянских историков⁵.

Имеются специальные труды, статьи, посвященные вопросу социально-экономического развития отдельных вольных обществ Дагестана в XVII—XIX вв.⁶

В этих трудах исследователи, исходя из конкретно-

---

¹ Ахвердов А. И. Описание Дагестана, 1804 г., История, география и этнография Дагестана. М., 1958, с. 226.

² Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля 1832 г. История, география..., с. 326.

³ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823 г., ч. I, с. 40.

⁴ Берже Ад. Материалы для описания Нагорного Дагестана. К. К. на 1859 г. Тифлис, 1858, с. 251; Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. СПб., 1851.

⁵ Даниялов Г.-А. Д. К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля. Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР (далее — УЗ ИИЯЛ), т. II, Махачкала, 1956; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в., Махачкала, 1957; Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII — нач. XIX в. УЗ ИИЯЛ, т. VII, Махачкала, 1961; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Ахмедов Ш. М. Сельская община в средневековом Дагестане. — Вопросы истории Дагестана, вып. I, 1974.

⁶ Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII — нач. XIX в. УЗ ИИЯЛ, т. 3, Махачкала, 1957, с. 106; Алиев Б. Г. Акуша-Дарго XVII—XVIII. (Опыт монографического исследования социально-экономической истории). Дисс... канд. истор. наук, Махачкала, 1966; он же. Каба-Дарго. Махачкала, 1972; Магомедов Д. М. Социально-экономи-

исторических условий того или иного союза сельских обществ, достаточно глубоко раскрывают природу «вольных» обществ. Такой подход к изучению их (т. е. в отдельности) поможет пополнить тот пробел, который существует в дагестанской исторической науке. Кроме того, исследование отдельных союзов сельских обществ может документировать ту сложную социально-экономическую обстановку, которая существовала в рассматриваемое нами время, а также покажет неравномерность экономического и политического развития отдельных регионов Дагестана.

Как известно, в XVIII — нач. XIX в., наряду с феодальными владениями, в Дагестане существовали многочисленные союзы сельских общин, объединенные общими интересами — экономическими и политическими. Такие союзы сельских обществ существовали и в Западном Дагестане, этнический состав которого определяется значительной пестротой. В этом регионе жили аварцы, каратинцы, ахвахцы, багулалы, чемалалы, андийцы, ботлихцы, годоберинцы, хваршинцы, гинухцы, калучинцы, гузибцы. Все они в отдельности, а иногда вместе с другими этническими группами составляли различные союзы сельских обществ с собственной территорией расселения.

О том, что на данной территории еще в средневековый период располагались союзы сельских обществ, свидетельствуют как источники, так и устная традиция. Мы не будем останавливаться на вопросе образования вышеназванных союзов сельских обществ. Процесс этот был довольно длительным и своими корнями уходит в глубь веков. Образование союзов было связано с внутренними и внешними причинами. Этот вопрос рассматривался в трудах дагестанских исследователей⁷.

ческое и политическое развитие Дидо в XVIII — нач. XIX вв. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР (далее — РФ ИИЯЛ), ф. 3, оп. 1, д. 233-а.

⁷ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1957; Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Алиев Б. Г. Указ. соч.: Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Алиев Б. Г. Каба-Дарго. Махачкала, 1972; Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана в XV—XVI вв. Махачкала; Магомедов Д. М. Исторический очерк о дидоихах. РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1.

В исследуемое нами время на территории Западного Дагестана существовали следующие союзы сельских общин: Антль-Ратль, Дидо, Ункратль, Цунта-Ахвах, Каралал, Чамалал, Багулал, Тинди (Богос), Технуцал и Анди. В этой статье невозможно дать состав союзов сельских общин, их территории расселения. Мы предлагаем подробно охарактеризовать количество и состав союзов в следующей статье «Административное управление в союзах сельских обществ Западного Дагестана». Здесь же основной задачей является более подробно проанализировать вопрос землевладения и землепользования, поскольку данная проблема является определяющей при характеристике уровня социально-политического развития общества. Исследование аграрных отношений дает возможность правильно осветить социальную историю союзов сельских обществ Западного Дагестана.

У жителей Западного Дагестана в исследуемый период существовали различные формы земельной собственности. Анализ материала показывает, что в рассматриваемое время основной формой собственности на землю была частная. «Современные порядки,— говорится в Бежтинских адатах,— состоят в признании права собственности отдельных домов на пахоты и сенокосы»⁸. Частное землевладение у народов Западного Дагестана было известно под названием мульк. Мульками называлась собственность отдельного лица или семьи на пахотные, огородные, садовые и сенокосные участки в зависимости от уклона хозяйства. Если, например, в высокогорных обществах Ункратль, Дидо, Антль-Ратль частная собственность существовала только лишь на пахотные участки и сенокосы, то в обществах, где климатические условия позволяли заниматься садоводством, в частности, по долинам Койсу, под мульками, кроме пахотной земли, находились сады и огороды.

Согласно сведениям, извлеченным из посемейных списков в Хваршинском сельском обществе, куда входили пять аулов, в частной собственности общинников находились пахотные земли на 3308 пудов засева⁹. В Тиндальском сельском обществе соответственно — 5 и 1107¹⁰. В данном обществе в некоторых аулах кро-

⁸ Из истории права народов Дагестана. Махачкала, 1968, с. 72.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 117, лл. 211—278. Посемейный список жителей Тиндальского наибства Андийского округа.

¹⁰ Там же.

ме пахотных участков в частной собственности находились и сады. Так, например, в ауле Тинди — главном селении этого общества — с индивидуальных участков собирали 548 сапеток винограда; в Тисси ахитль — 352¹¹. В каратинском союзе сельских общин (10 аулов) в собственности находились пахотные земли на 10815 пудов засева. Кроме того, в сельской общине Нижнее Инхело с индивидуальных садов собирали винограда до 776 сапеток. Верхнее Инхело — 560; Анчих — 139; Хелатури — 48¹². По некоторым данным, в технуцальском обществе в индивидуальной собственности находились пахотные земли — 528 десятин; Ункратль-Чамалинском — 1025 дес.; Каратинском — 575 десятин и Цунта—Ахвахском — 167 десятин пашни¹³.

К концу XIX века частновладельческие земли в Анцухо-Капучинском обществе составляли 2378 десятин, а Богнодальском — 1763 десятин¹⁴. В Капучинском сельском обществе в наиболее крупном ауле Бежта в частной собственности находилось пахотной земли на 4200 саб.* засева. Следующее по величине после Бежта — селение Тлядал (Калаки) имело всего на 2000 саб засева¹⁵.

В общей сложности в 30-ти дидойских селениях в индивидуальной собственности находились неполивные пахотные земли на 11012 пудов засева¹⁶.

Долина Андийского Койсу отличалась благоприятными почвенно-климатическими условиями для разведения садов и виноградников. Об интенсивности земледелия в Ботлихе сообщал акад. Вавилов. Он писал, что «в Дагестане, около Ботлиха можно видеть изумительное террасное земледелие, расположенное многими десятками этажей применительно к рельефу, огромными амфитеатрами»¹⁷.

Поэтому в Технуцальском обществе, наряду с земле-

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 2—530.

¹³ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, с. 176.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 27, л. 58.

* Саб в Капуча равнялся 34 фунтам. 1 фунт = 460 гр.

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73, лл. 301—580. Посемейный список жителей Анцухо-Капучинского общества.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 114, лл. 1—342.

¹⁷ Вавилов Н. В. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. Природа, № 2, 1936, с. 80.

делием и скотоводством, большое место в хозяйстве занимало садоводство.

Расположенные вблизи аулов сады принадлежали отдельным семьям на правах полной отчуждаемой собственности. О том, что в обществе Технуцал в исследуемый период существовала частная собственность на сады и огороды, свидетельствуют адаты технуцальского наибства, датируемые специалистами XVII—XIX вв. В адатах говорится, что за срубку дерева виновный должен возратить хозяину такое же дерево, какое срубил, или уплатить стоимость¹⁸. Согласно архивным данным, в данном обществе под садами находилось 185 десятин земли¹⁹. «Собственно Ботлих, — пишет Сержпутровский А. К., — расположен на склоне гор. Ниже аула в ущелье по террасам много садов и огородов, которые орошаются хозяевами искусственно... Даже самые поля, засеянные пшеницей, за неимением иных удобных для земледелия мест, расположены только в садах и огородах». «Собираемые плоды, — пишет он далее, — большей частью вывозятся жителями в Терскую область для обмена на зерно²⁰.

Согласно данным поземельной комиссии, в сельском обществе Тох в частной отчуждаемой собственности находились пахотные земли на 1084 мер засева (1 мера = 30 фунтам); в Тонсудинском — на 1550 мер; Верхне-Ташском — на 1425 мер; Средне-Ташском — на 790 мер; Нижне-Ташском — на 1425 мер и Кособском — на 740 мер²¹. О том, что пахотные земли у жителей Западного Дагестана находились в индивидуальной собственности, свидетельствует также топонимический материал, собранный нами в этом регионе. Почти во всех аулах сохранились названия местностей, где в прошлом были расположены пахотные участки общинников. Там, где было развито террасное земледелие, сохранились названия террас, принадлежавших частным лицам²².

Кроме пахотных земель в частном владении находи-

¹⁸ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965, с. 138.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 117.

²⁰ Сержпутровский А. К. Поездка в Нагорный Дагестан. Петроград, 1917, с. 150.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 75. Посемейный список жителей Анцухо-Калучинского наибства Гунибского округа.

²² Полевой материал, собранный нами в 1970—1975 гг.

лись и сенокосные участки. Размеры сенокосных участков, находящихся в собственности отдельных семей, зависели от природно-географических условий. Жители, расположенные в высокогорной зоне, где покосов было в изобилии, естественно, имели больше сенокосных участков, чем жители в горно-долинных и долинных зонах.

Согласно данным, извлеченным из письменных списков в обществе Технуцал, в частной собственности находились сенокосы — 295 десят.²³, в Каратинском — 268 десят.²⁴, Цунта-Ахвах — 336 десят.²⁵. А в Ункратльском обществе 1020 десятин сенокосных участков.

«Если потравят покосное место, — сказано в адатах Каратинского общества, — то суд и старшина посылают двух человек на место потравы для оценки убытков, и хозяин скотины, учинившей потраву, платит потерпевшему определенную этими людьми стоимость»²⁶. Аналогичные адаты сохранились и в обществах Тиндальского наибства. Все это свидетельствует о наличии у них частной собственности на сенокосные участки²⁷.

В селении Бежта Капучинского общества в частной собственности отдельных семей находились сенокосные участки на 4600 саб; Хашар-Хута — на 4000 саб²⁸. Почти все сенокосные участки в Ункратльском обществе были разделены между членами общин²⁹.

В союзе сельских обществ Дидо в индивидуальной собственности находились сенокосные участки на 21230 вьюков покоса³⁰. За потраву луга или вблизи посева, согласно адатам дидойского общества, с виновного взыскивалось 1,5 руб. в пользу общества и стоимость украденного в пользу хозяина³¹.

В Саситлинском сельском обществе в частной собст-

---

²³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 117. Посемейный список жителей Тиндальского наибства Андийского округа.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 115. Посемейный список жителей Каратинского наибства Андийского округа.

²⁵ Там же. Посемейный список жителей Ункратль-Чамалинского наибства.

²⁶ Обычное право народов Дагестана в XVII—XIX вв. М., 1965, с. 151.

²⁷ Там же, с. 133.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73.

²⁹ Там же, ед. хр. 111.

³⁰ Там же, ед. хр. 114.

³¹ Из истории права..., с. 72.

венности находились сенокосы на 1514 выюков покоса³².

Наряду с пахотными и сенокосными участками в отдельных сельских обществах в частной собственности находились участки леса. Частную собственность на лесные угодья мы встречаем, например, в Каратинском союзе сельских обществ. Это подтверждают данные обычного права дагестанских народов. «За вырубку без разрешения хозяина в лесу дерева виновный платит хозяину стоимость дерева и штраф в пользу общества 1 руб.³³ — это записано в адатах Каратинского общества, датируемых предположительно XVII—XIX вв. Согласно данным посемейных списков, в Хушетинском обществе лес, находящийся около селения, принадлежал частным лицам, отдаленный от аула — общине³⁴.

Правда, частных лесов было очень мало, ими владели самые богатые представители общества и сельские административные лица. Сведения эти относятся к более позднему периоду, но все же можно предположить, что процесс захвата общинных лесных угодий в становлении частной собственности на леса проходил еще в XVIII в.

Второй формой собственности на землю у жителей Западного Дагестана являлась мечетская собственность на землю, известная под названием **вакуф**. Возникновение вакуфа было связано с принятием мусульманской религии. Поскольку ислам в эти общества проник одновременно, то процесс возникновения вакуфа шел также не одновременно.

Так, в обществах Технуцал, Багулал, Чамалал, Ункратль эта форма земельной собственности сложилась намного раньше, чем в обществах Анцухо-Капуча, Тлебель, Джурмут, Богнода, Ухнада, Дидо и пр. Позже всех вакуф возник в Дидо, Джурмуте, Тлебеле (примерно в конце XVIII — нач. XIX в.).

Основными источниками возникновения вакуфа в союзах сельских обществ Западного Дагестана являлись общинные земли. Позднее источником пополнения мечетской собственности стали завещанные частными лицами земли в пользу мечетей. Следует сказать, что вакуфных земель было немного, особенно в обществах Дидо,

³² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 111. Посемейный список жителей Ункратль-Чамалинского наибства.

³³ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., с. 150.

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 111, л. 60.

Анцух, Капуча, Тлебель, Джурмут, Таш, Анцросо и высокогорных аулах союза Ункратль. Это объяснялось прежде всего малочисленностью мечетей. Иногда несколько близлежащих аулов имели одну мечеть в главном селении. Так, например, селькис общества Верхний Хваршини, Цихалакъ и Нижний Хваршини имели мечеть в Нижнем Хваршине³⁵. В исследуемый период мечеть сельских общин Чалях, Кимятль, Ретлоб была расположена в ауле Кимятль³⁶. Позднее (XIX в.) мечети были построены и в других селах (Ретлоб, Чалях). В более крупных населенных пунктах, например, Тлядал, Тинди, Карата, Гаквари было по 2 и более мечетей. И, естественно, мечетская собственность в этих аулах была намного больше. К концу XIX века, согласно архивным данным, в Анцухо-Капучинском обществе всего в собственности мечети находилось 150 десятин пахотной земли, в Богнодальском — 141 десятина³⁷. В более крупных населенных пунктах мечетских земель было сравнительно больше, особенно в тех обществах, куда раньше проник ислам. Так, Шодродинская мечеть (общество Технуцал) имела 16 десятин земли, а в ауле Зибирхали, менее крупном, — 6 десятин³⁸.

Вакуфные земли Дагестана не отчуждались и не передавались в собственность частным лицам.

Одной из форм собственности на землю в рассматриваемое время была **общественная собственность на землю**. В эту категорию земельной собственности входили пастбища, горы, леса, сенокосы. Некоторые джамааты имели общественные пахотные земли. Они играли важную роль в экономической и социальной жизни жителей Западного Дагестана. В обществах Анцухо-Капуча, Тлебель, Джурмут, Ункратль, Дидо данная форма превалировала в то время, как в обществах Багулал, Чамалал, Ахвах, Каралал, Технуцал преобладала частная собственность. Общественные земли были известны под названием: у дидойцев «аллос мочи»; каратинцев — «гьянилъ унши»; анцухцев — «росдал ракъ». Наличие общинного землевладения в конце XIX в. свидетельствует о

³⁵ Полевой материал. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 3—13а.

³⁶ Там же.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 27, л. 58. Ведомость о с/хозяйственном распределении земель в Гунибском округе.

³⁸ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, с. 137.

существовании его и в более ранний период, т. е. в XVIII — нач. XIX в. Ретроспективный метод исследования дает возможность восстановить многие вопросы общинного землевладения, существовавшие в этом регионе в более ранний период.

Каждое сельское общество имело свои пастбища, горы, леса и сенокосы, которыми они распоряжались. Кроме этого, имелись общественные пастбищные горы, которыми пользовались два или несколько сельских обществ.

В Капучинском союзе сельских обществ в общественной собственности находились пастбища на 46015 саб посева. Из них в наиболее крупных населенных пунктах в распоряжении джамаата было земли (в с. Бежта) на 21600 саб посева, ему же принадлежали и пастбищные горы — Зида, Цанитль, Табувала, Якитль и Кутри³⁹. Тлядальскому джамаату принадлежали пастбищные горы: Бежибад, Кисак, Итинарих до границы горы Изай на 8000 саб⁴⁰.

Джамаат аула Нахада распоряжался пастбищными горами: Мигмару, Хатьяла и Куситанту с площадью на 2000 саб посева, Хашархотальский горами Джибад и Качатль — на 2000 саб⁴¹.

В союзе сельских обществ Томс в общинной собственности находились пастбища на 11128 саб засева⁴². В больших размерах общинные пастбища имелись и в других союзах сельских обществ, в частности Верхнем, Среднем и Нижнем Таше, Тонсудинском, Кособском и др.⁴³. В Андийском округе всего в общественной собственности находились пастбища на 900 тысяч овец и на 25 тысяч крупного рогатого скота⁴⁴.

В обществах, расположенных в горно-долинной зоне общинная собственность была настолько мала, что пастбищ не хватало для наличного скота. Некоторые общества вообще не имели пастбищ. В то же время следует сказать, что жители этих обществ в целом имели больше скота, чем, например, дидойские общества, где общест-

³⁹ ЦГА ДАССР; ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73; Посемейный список жителей Анцухо-Калуча Гунибского округа.

⁴⁰ Там же, лл. 433—435.

⁴¹ Там же, лл. 580—581, 855—857. (1 саб=36 фунтам).

⁴² Там же, лл. 710—720.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ЦГА ДАССР. Отчет начальника Андийского округа, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10, л. 17.

венных пастбищ было в изобилии. Так, например, в союзе Технуцал аулы Тасута и Ботлих имели общественные выгоны для пастьбы волов, баранов и лошадей на протяжении 2-х месяцев. В селении Шодрода, Ансалта общественных пастбищ не хватало для имевшего у них скота. Жители сельского общества Тандо, кроме выгона для скота, ничего не имело. В Кванхидатлинском обществе пастбищ хватало только на 1 месяц⁴⁵. Примерно в таком же положении находились и жители союза сельских обществ Каралал. В ауле Арчо общественных пастбищ было всего на 150 голов крупного рогатого скота, а для овец вообще не было. В сельском обществе Рачабулда — на 100 голов крупного рогатого скота⁴⁶. А общество Н/Инхело вообще не имело общественных пастбищ⁴⁷. В Хелатуринском сельском обществе общинных пастбищ хватало только для крупного рогатого скота⁴⁸. Очень много можно привести примеров, когда при большом количестве скота не имелось достаточного количества пастбищ для его выпаса.

Кроме пастбищных гор, в собственности джамаата находились земли, известные под названием «Харим» /«Харим»/. Некоторые исследователи склонны считать, что Харим — это запретные земли. Однако это неверно. Эти земли в основном были расположены в окрестностях аулов, пользовались ими все члены общины. Если общественными пастбищами общество пользовалось по-сезонно, то харимами могли пользоваться круглый год. Без разрешения джамаата на этих землях, как и на других общинных землях, нельзя было строить жилища, также запрещалось обрабатывать их. Харимы были больших размеров. Так, жители Тохского общества имели харим на 3370 саб засева⁴⁹. Харимы имели также жители Тонсудинского общества на 1000 саб засева⁵⁰. Подобные общинные земли еще во второй половине XIX века сохранились и в других союзах сельских общин Западного Дагестана. В частности, по данным архива, харимы сохранились в сельских обществах: Мачар-Ка-

⁴⁵ Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, с. 137.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 115, л. 260.

⁴⁷ Там же, л. 306.

⁴⁸ Там же, л. 272.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 73, лл. 254—684.

⁵⁰ Там же, лл. 770—780.

ладинском, Кособском, Шубахском, Верхне-Ташском, Средне-Ташском, Ниже-Ташском, Капучинском, Анцухском, Тлебельском⁵¹. Историко-этнографический материал, собранный нами в бывших союзах сельских обществ: Багулал, Чамалал, Ункратль, Ахвах, Карата, Технуцал свидетельствуют о наличии в этих обществах общинной собственности — харим⁵².

Кроме того, существовали общественные земли, которые находились в пользовании двух или нескольких сельских обществ — это пастбищные горы и харимы, расположенные на границах сельских общин. Так, например, жители аулов Асах и Акды пользовались одной пастбищной горой, известной под названием «Ичикь»⁵³. Джамааты сельских обществ Жажада, Начада, Тинцуда, Хочлоб, Бежуда (общество Таш) совместно владели горой Хъвалбусахъ⁵⁴. Пастбищной горой Бакьюлаг пользовались жители селений Хуитль, Цихокъ, Инухъ, Хитух (общество Иланхеви)⁵⁵. В Средне-Ташском обществе пастбищные горы Гарга, Кана-Меэр принадлежали джамаатам 5 селений⁵⁶. Пастбищные горы Кобутль, Самольда, Чалта и Вацкак находились в общем пользовании 9 сел.⁵⁷ В адатах Капучинского общества сказано, что «Пастбища, ближайщие к селению, состоят в общественном пользовании нескольких селений»⁵⁸.

Особенно много общих пастбищных гор находилось в Дидо и Анцухо-Капуча⁶⁰.

В общем пользовании нескольких обществ находились также харимы. Так, селение Кудан, Хинтида, Бошах и Нугатль-коло пользовались общим харимом. Жителям Бочох с общего с кудединцами харима принадлежала земля на 70 мер посева, а с общего харима между Мохатль-коло, Кудан и Хинтида на 200 мер⁶¹. Джамаат аула Мачар имел харим общих с обществами

---

⁵¹ Там же.

⁵² Полевой материал, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 489.

⁵³ Полевой материал, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 513-а, л. 59.

⁵⁴ Там же, ф. 513, л. 43.

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 171, оп. 1, ед. хр. 1, л. 70.

⁵⁶ Там же, л. 670.

⁵⁷ Там же, л. 148.

⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73, л. 685.

⁵⁹ Там же, л. 678.

⁶⁰ Там же, л. 148.

⁶¹ Там же, л. 182.

Мачар, Колода, Кобосида⁶². Жители аула Анчих, Арчо и Рачаболда пользовались общим харимом в местности Габалатли⁶³. Аналогичные земли находились и в других обществах Западного Дагестана.

Кроме пастбищ, лугов в общественной собственности находились также пахотные и сенокосные участки (правда, в малых размерах).

Общественные покосы, как правило, ежегодно перераспределялись путем жеребьевки между хозяйствами джамаата. Такими участками в обществе Мокок являлись Баласаних, Царзакъ, Ширулъахъ, Огъзаль и др. В распоряжении тляратинского джамаата находился специальный сенокосный участок. В день объявления покоса из каждого хозяйства выделяли по одному представителю на сенокосение. Согласно архивным данным, в Гунибском округе общественные покосы и пахота в конце XIX в. составляли 1851,56 десятин⁶⁴. В сельском обществе Бежта общественные покосы имели на 4600 саб покоса; Тлядальском — на 1000 саб; Энзевском — на 900 саб⁶⁵. Наличие еще в конце XIX века общественной собственности на пахотные и сенокосные участки говорит о том, что данная категория собственности в более крупных масштабах существовала и в исследуемый период. Общинные пахотные и сенокосные участки находились также в союзах сельских обществ Дидо⁶⁶. В Бежта джамаатские пахотные участки были расположены в 1,5 км от аула в местности «Лохъача», «БалюкювагI»⁶⁷. «Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, — пишет Р. М. Магомедов, — что, судя по адатам, еще в середине XIX в. ни один джамаат полностью не изжил у себя коллективных форм собственности на пахотные и пастбищные земли, на луга, лес»⁶⁸.

---

⁶² Там же, л. 527.

⁶³ Полевой материал.

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 27, л. 58.

⁶⁵ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73, лл. 150, 453, 336, 875.

⁶⁶ Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII—XIX вв. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1957, с. 32.

Об этом пишет также Б. Г. Алиев⁶⁹. Аналогичные земельные участки находились и в других обществах Западного Дагестана.

В общественной собственности находились также лесные массивы. Некоторые союзы, в частности Дидо, Ацухо-Капуча, Джурмут, Глебель, Кос, Таш, Богнода, Ухнада, Ункратль, в своем распоряжении имели огромные массивы лесных угодий. Согласно архивным данным, в союзе Дидо в общественной собственности находились 1840 десятин леса⁷⁰. Ацухо-Капучинское общество имело в распоряжении около 2586 десятин леса, а Богнодальское — 1660 десятин⁷¹. Что касается союзов сельских обществ Богулал, Чамалал, Технуцал, Ахвах, Карата, то лес также находился здесь в общественной собственности, правда, на небольших площадях. А некоторые сельские общества из-за отсутствия леса вынуждены были доставлять его из других обществ. Так, например, жители селений Н. Инхело, Кванхидатль, которые занимались производством соли, вынуждены были ввозить лес из Дидо, за что последние получали соль⁷².

После присоединения Дагестана к России лес в большинстве своем был конфискован. Всего в Андийском округе было конфисковано 2000 десятин леса, ранее принадлежавшего сельским обществам⁷³.

Общественные земли (покос, пастбища и пашни) жители Западного Дагестана имели и вне своей территории. Земли эти, расположенные в Кахетии, Белоканом и Закатальском р-нах, находились в пользовании отдельных сельских обществ, а иногда и союзов сельских обществ. Согласно документам, сельские общества Тиншуб, Тох, Мачар и Кудан (нынешний Гляратинский р-н) совместно владели сенокосом и пастбищем в местности «Бежалъяни». «Наши предки и мы, — писали поверенные этих обществ в своем прошении в 1867 г., — постоянно владели землей под названием «Бежалъяни» (Телавский уезд — М. Д.), а теперь мы туда отправляемся с

⁶⁹ Алиев Б. Г. Общественное землевладение в Дагестане в позднем средневековье. Вопросы истории Дагестана (досоветский период), вып. 2, Махачкала, 1975, с. 158.

⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10, л. 17.

⁷¹ Там же, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 27, л. 58.

⁷² Статистические данные, извлеченные из посемейных списков 1886 г., Андийский округ. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, л. 2.

⁷³ Там же, ф. 2, оп. 3, ед. хр. 136, л. 1.

лесничими билетами. На данном участке находятся наши постройки и сенокосы, где пасём свой скот. В прошлом году туда пустили разного рода скот, повредили наш сенокос, скошенное сено и т. д. в особенности, жители сел. Цияб росо (Ахалсопели — М. Д.)»⁷⁴. После присоединения Дагестана эти пастбища были изъяты в пользу казны. Ими стали пользоваться только жители Телавского уезда. О том, что ими пользовались жители вышеназванных обществ, свидетельствуют также жилые строения, кошары и др., а также документы. «Земли, которые хотели отнять от нас,— пишут анцухи к губернатору Дагестанской области,— с давних времен находились и находятся в нашем пользовании. Еще до покорения Дагестана, при грузинских царях мы имели на них селения»⁷⁵.

К началу XIX века в Кахетии были сравнительно крупные поселения богнодалцев, дидойцев, капучинцев, джурмутцев и других жителей Западного Дагестана. Некоторые из них имели до 50—80 построек, что превышало поселения, расположенные на их собственной территории. Здесь они обрабатывали земли, заготавливали сено, кроме того, имели свои общественные мельницы. «В местности «Тebельджoхи»,— пишет комиссия в своем акте,— у лезгинцев имеются зимовники, жилые постройки числом до 50, возле которых встречаются огороженные пахотные и сенокосные места. В местности «Тиви» такие же постройки с огороженными при некоторых из них участками, принадлежащих лезгинам тех же обществ. В местности «Сапиани» выше селения Старый Гаваз при речке Шортхеви из водопроводной канавы, расположены жилые постройки капучинцев около 80 и 4 водяных мельниц. В местности «Ареми» у лезгин имеется 31 зимовник и жилые постройки с распашками и огороженными загонами для скота»⁷⁶. Эти земли играли важную роль в экономической жизни жителей Западного Дагестана. Сюда они спускались не только для пастбы скота. В свободное от сельскохозяйственных работ время они занимались промыслом, занимались также на различные работы, что давало им дополнительный доход.

⁷⁴ Там же, ф. 2, оп. 3, ед. хр. 136, л. 1.

⁷⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, л. 250, с. 13.

⁷⁶ Там же, д. 208, л. 49.

О том, что жители Западного Дагестана в зимний период спускались в Кахетию для пастьбы скота подтверждает также Г. И. Гильденштедт. «С грузинами,— пишет он,— они (капучинцы, анцухцы, гунзибцы, дидойцы — М. Д.) живут мирно и пасут своих овец в Кахетинской долине»⁷⁷. Об этом утверждают и другие авторы⁷⁸.

Приведенный материал достаточно убедительно свидетельствует о том, что жители Западного Дагестана владели землями, расположенными в Кахетии. И до присоединения Дагестана к России жители этих обществ не платили арендой платы. Видимо, основной причиной для предотвращения земельных угодий и пастбищ данным обществам в Заалазанской долине, все же было стремление укрепить северо-восточные границы Грузии. Грузинские цари понимали важность и значение для грузинского царства укрепления Северо-восточных границ, откуда дагестанские владельцы совершали военные походы в Грузию.

Вполне возможно, что еще до исследуемого нами времени грузинские цари разрешали жителям Западного Дагестана пользоваться зимними пастбищами, расположенными в Кахетии за несение пограничной службы. На этой основе между феодальной Грузией и обществами Западного Дагестана возникают военно-ленные отношения, согласно которым не отдельные служилые люди, а целиком общества обязаны были не только охранять северо-восточные границы Грузии, но и по необходимости выставлять воинов. Не раз грузинские цари, занятые войной с внешними врагами, по традиции поручали горцам Дагестана охрану границ. Так поступал и Ираклий II. «Ираклий II часто воюет с неприятелями своими войсками, а охранять царство поручает лезгинам и осетинам»⁷⁹. Таким образом, представленные еще

---

⁷⁷ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа (из путешествия акад. И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг.). СПб., 1809, с. 127.

⁷⁸ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана 1830. История, география и этнография Дагестана; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб., 1871, с. 503. Адаты, собранные Кавказской археографической комиссией, тт. 5—10; Воронов Н. И. Указ. соч., с. 16.

⁷⁹ Цагарели А. Новые архивные материалы для истории Грузии XVIII столетия. ЖМНП. Январь 1873 г., ч. СС XXV, СПб., 1833, с. 133.

в ранний период в пользование пастбища с течением времени перешли в собственность отдельных союзов сельских обществ. Но в период Кавказской войны с установлением торгово-экономической блокады жителям Западного Дагестана запретили пользоваться этими землями, и последние вынуждены были платить арендную плату.

Итак, из вышесказанного следует, что в XVIII — нач. XIX в. население обществ Дидо, Анцухо-Капуча, Джурмут, Богнода и др., живших на Главном Кавказском хребте, за исключением Багулал, Чамалал, Каралал, Ахвах, Технуцал, имели свои пастбища, покосы и пахотные участки в Алазанской долине. Ими пользовались, как отдельные сельские общества, так и союзы сельских обществ.

В исследуемый период существовала и другая форма собственности — **тухумная**. Правда, данная категория земельной собственности была более распространена у населения южной части Западного Дагестана, у которого была более развита хуторская система ведения хозяйства. Это в основном обществе, расположенные у водораздельного хребта: часть Ункратля, Дидо, Анцухо-Капуча, Джурмут. Поэтому ограничимся материалами, касающимися высокогорных обществ. В основном тухумная собственность сохранилась на хутора (хъуны). Она была известна под термином «тухумис мочи», «агълус мочи», у дидойцев и капучинцев и «тухумалъул ракъ» у остальных»⁸⁰.

Согласно устной традиции тухумная собственность на хутора сохранялась и в сел. Тлядал. Каждый тухум отдельно владел частью территории, где располагались хутора, т. е. принцип расселения тухумов в ауле сохранился и на хуторах, что свидетельствует о сильных внутритухумных отношениях. Хутора были разбросаны среди своих полевых угодий в местностях: «Сарад», «ПюмЮчI», «Керчи», «ЦIалъ», «ЛехулаГIалъал», «Перахъуд» и др.⁸¹. Старожилы сел. Бежта утверждают, что существовали хутора тухумные и частные⁸². В ауле Ки-

---

⁸⁰ Магомедов Д. М. Земельные отношения у дидойцев в XVIII — нач. XIX в. Вопросы истории и этнографии Дагестана. Магачкала, вып. V, 1974.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, лл. 27, 28, 32.

тури тухумные хутора находились в местностях «Нарбатл», «Гъирохъ», «Тешва», «Хеях»⁸³. О наличии у дидойцев и капучинцев множества хуторов свидетельствует, побывавший здесь Е. Марков. «Мы спускались,— пишет он,— мимо множества пустых хуторов»⁸⁴. В адатах также зафиксировано наличие у них частных и тухумных хуторов. «Во время уборки жатвы на ближайšie к хуторам пастбища не допускается иной скот кроме того, который принадлежит хозяйствам собственно хуторским»⁸⁵. О наличии тухумных и частных хуторов свидетельствуют также архивные данные⁸⁶.

«Вполне возможным, хотя трудным,— пишет Е. Шиллинг,— был переход из одного тухума в другой. Основное затруднение заключалось в наличии тухумной собственности»⁸⁷.

Таким образом, вышеприведенный материал показывает, что в XVIII — нач. XIX в. в Западном Дагестане существовали: 1) частные пахотные и сенокосные земли, находящиеся в индивидуальном наследственном владении отдельных семей; 2) вакуфная собственность, возникшая после принятия ислама на основе общинных земель и впоследствии пополнявшаяся за счет дарений и завещаний; 3) общинные земли, которые находились в пользовании одного и нескольких джамаатов. Данная собственность в различных обществах в зависимости от хозяйственных зон играла определенную роль в экономической жизни этих народов; 4) тухумная собственность, которая была характерна определенным обществам Западного Дагестана. Данная категория собственности распространялась только лишь на хутора.

С существующими формами земельной собственности были связаны и различные формы их пользования. Поскольку частная собственность является определяющей при оценке общественного развития, мы прежде всего остановимся на этом вопросе. Тем более, как отмечалось выше, данная форма земельной собственности являлась основной в этом регионе.

---

⁸³ Там же.

⁸⁴ Марков Е. Очерки Кавказа. СПб., М., 1887, с. 535.

⁸⁵ Из истории права... с. 72.

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 171, оп. 1, ед. хр. 1, л. 70.

⁸⁷ Шиллинг Е. Народы Андо-Цезской группы. РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 1, с. 25.

Мы говорили, что пахотные и сенокосные участки находились в частной отчуждаемой собственности.

Наличие этой формы собственности с правом отчуждения являлось главной базой возникновения имущественного и социального неравенства внутри общества. «Аллодом, — указывает Ф. Энгельс, — создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁸⁸.

Действительно, наличие в обществах Западного Дагестана отчуждаемой собственности способствовало сосредоточению у одной части населения больших массивов пахотных участков, с одной стороны. С другой стороны, оно приводило к обнищанию отдельных членов общины. Вместе с этим большое значение для характеристики и выявления особенностей становления и развития феодальных отношений в данном регионе имеет также общинная собственность. Поскольку пахотных земель было мало (особенно в Дидо, Анцухо-Капуча, Тлебель, Джурмут), то общинная собственность здесь играла важную роль в экономической жизни населения. Более того, общинник мог иметь мало земли или вовсе не иметь ее, но при этом содержал большое количество скота. Поэтому неравенство по отношению к земле и пастбищам у жителей Западного Дагестана, где ведущее место в хозяйстве занимало скотоводство, выражалось в экономических категориях — в пользовании и владении. Решающую роль в обществах, где общинная собственность являлась преобладающей, играла категория пользования. А в других обществах, например, Технуцал, Чамалал, Каралал, Ахвах — категория владения.

Частновладельческие земли (пахотные, сенокосные) находились в полной и неограниченной собственности его владельца. Он мог ее свободно продать, передать по наследству, завещать мечети, дарить и т. д. Однако община и тухум (родственная группа по мужской линии) стремились ограничить право отчуждения. Продажа пахотных земель или передача их инородцам была ограничена институтом предпочтительной продажи выкупа. «Хотя шариат и позволяет продажу недвижимого иму-

---

⁸⁸ Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, с. 497.

щества, — говорится в обычном праве, — но по адату, которого придерживаются капучи, продажа недвижимого имущества возможна только в том случае, если родственник по отцу не воспользуется правом предпочтительной покупки»⁸⁹.

Согласно устной традиции продажа пахотной земли не одобрялась. При ее продаже владелец земли обязан был просить разрешения у своих родственников или предложить в первую очередь им продаваемый участок, и только потом можно было его продать другим. Благодаря институту предпочтительной продажи, выкупа, пахотные и сенокосные участки оставались в рамках одного и того же тухума, но при этом менялись хозяева этой собственности внутри одной родственной группы. Допустив возможность купли-продажи, передачи по наследству, все же община сохраняла известный контроль за свободой отчуждения, т. е. земля сохранялась по возможности внутри одной общины. В данном случае институт предпочтительной продажи, выкупа способствовал, во-первых, накоплению у отдельных лиц больших массивов земли и, во-вторых, ограничивал свободу распоряжения землей. Хотя юридически община не имеет права на пахотные участки, все же фактически она вступает как верховный собственник. Даже в случае перехода хозяина земли из одного сельского общества в другое он терял права не только на пахотные участки, но и на пастбищные и сенокосные. В таких случаях он должен был продать свою землю и купить или приобрести ее другими способами в другом обществе. Так, например, в конце XIX века в судебном порядке разбирали вопрос о праве пользования землей, принадлежащей Каратинскому обществу, переселенцами из этого аула. При рассмотрении дела поверенные Каратинского сельского общества заявили, что «с незапамятных времен из сел. Карата переселились семь дворов в сел. Арчо. Переселенцы неоднократно обращались к нашему обществу о разрешении им пользоваться по-прежнему землей в местности под названием «Ачакаро». Джамаат общества отклонил эту просьбу на том основании, что они уже не являются членами их общества». «За сто и более лет, — пишут поверенные Каратинского общества, — они не помнят, чтобы те переселенцы пользовались на каратин-

---

⁸⁹ Из истории права..., с. 72.

ских землях покосами и пастьбой, а потому они не обязаны допустить пользование переселенцам на каратинских землях ни по адату, ни по шариаду»⁹⁰.

Подтверждением того, что община ограничивала права общинника на собственность, могут служить и адаты существовавшие в дидойских обществах. Так, за убийство в обществе Асах убийцу изгоняли в кашлы, а земля его переходила не к родственникам, а в распоряжение джамаата⁹¹. Естественно, с одной стороны, этот факт говорит о строгости мер, применяемых к убийце, но с другой, свидетельствует о еще сохранившихся правах джамаата на земли общинников. В то же время отчуждение пахотных земель было редким явлением, ибо земельные угодья в силу их малочисленности ценились очень высоко. По этой причине в обществах Дидо, Анцух, Капуча, Богнода, Джурмут, т. е. расположенных по Главному Кавказскому хребту, отдельные семьи не могли сосредоточить в своих руках большие массивы пахотных земель. Это было связано также с трудностями обработки земли. Применение наемного или рабского труда, как это было в обществах, расположенных по долинам Койсу, здесь не практиковалось. Мы не располагаем точными сведениями о количестве земли, принадлежавшей отдельным членам общины. В среднем в обществах высокогорной зоны на одну семью приходилось пахотной земли на 11—12 пудов засева⁹².

Как говорилось выше, хотя существовало право ограничения собственности, все же отчуждение (правда медленное) в конечном счете привело общество к экономическому неравенству. Так, в обществе Хушет всего во второй половине XIX века было 97 хозяйств, из них пахотную землю от 1 до 4 пудов засева имели 43 хозяйства; от 5 до 9 — 37; от 10 до 20 и более — 17⁹³.

Безземельных крестьян здесь не было, но семья Али Кура-оглы, состоящая из 6 человек, имела в своем распоряжении пахотной земли на 22,5 пудов засева, сенокосов — на 30 вьюков⁹⁴. Семья Багадура Шабан оглы состояла из 4 человек и имела земли пахотной на 2,5

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, ед. хр. 139-е, л. 3.

⁹¹ Полевой материал. РФ ИИЯЛ; ф. 1, оп. 1, д. 513-а, л. 6.

⁹² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 73. №1.

⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 111, лл. 26—60. Посемейный список Ункратль-Чамалальского наибства Андийского округа.

⁹⁴ Там же, л. 43.

пуд. засева, сенокосов — на 2 вьюка⁹⁵. Эти факты свидетельствуют о том, что наличие свободно отчуждаемой собственности приводило к имущественной дифференциации Хушетского сельского общества.

В селении Хонох Хваршинского сельского общества некоторые семьи сосредоточили в своих руках большие массивы пахотных и сенокосных участков. Так, например, по данным посемейных списков, семья Гаси-Ишиха, состоявшая из 6 человек, имела земли пахотной на 30 пудов засева, сенокосов — на 35 вьюков⁹⁶, а семья Магомед Аруна оглы распоряжалась пахотной землей на 2,1 пудов засева, а сенокосного участка у него вообще не было⁹⁷. В данном обществе, как и в Хушетском, купля-продажа земли, захват общинной собственности привели к резкому имущественному неравенству. Однако и здесь не было безземельных крестьян. Обезземеливание делало жизнь общинника невозможной в данном обществе. И он вынужден был покинуть свой аул. Так, лишившиеся земли жители общества Хушет и Цихох переезжали в другие места, часто в Цунта, даже в Тушетню. Возможно, поэтому мы не встречаем в данном регионе безземельных крестьян.

Для более конкретного представления экономического состояния отдельных семей Кединского сельского общества приведем выборочно сведения о количестве земли и скота, принадлежавших отдельным семьям⁹⁸.

Из приведенной таблицы можно заключить, что в Кединском обществе шел уже интенсивный процесс складывания крупного землевладения. Согласно преданию, тухум Нуцалаул (Танусел) владел самыми лучшими и плодородными землями в Саситль и Кеды. В настоящее время сохранились названия пахотных земель, принадлежавших этому тухуму.

Начиная от аула до местности Алдамил иц (родник Алдама), самые плодородные и удобные для обработки земли принадлежали тухуму Алдамилал. Кроме того, этот тухум имел пастбищные горы, ранее принадлежавшие обществу. За пользование ими он получал арендную плату натурой. «В селениях Кеды и Са-

---

⁹⁵ Там же, л. 53.

⁹⁶ Там же, л. 70.

⁹⁷ Там же, л. 67.

⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 111.

ситль,— пишет Х.-М. О. Хашаев,— жили чанки, которые владели горными пастбищами, от каждой отары овец получали по 10 валухов. Эти чанки были сожжены в 1844 г. Шамилем в их собственном доме. Один из сохранившихся потомков в 1871 году просил возвратить ему имение родителей. Доходы от этих горных пастбищ были обращены в его пользу⁹⁹.

Основная масса частновладельческих земель находилась в руках общинной верхушки. Так, в селении Саситль богатой считалась семья Исалдибирова Гасана, которая владела пахотными землями на 38 пудов засева, сенокосами на 160 выюков. Семье его брата принад-

№ п/п	Фамилия главы семьи	Кол-во членов семьи	Пахот. земля в пуд. засева	Сенокос во выюках	Скот				
					Волов	Коров	Телок	Ишаков	Баранов
1.	Алиев Исмаил	7	44	100	3	6	2	1	60
2.	Казимагомедов Исмаил	7	30	100	2	3	3	1	60
3.	Хипрамагомедов	5	30	100	2	4	2	1	40
4.	Пирудагов Микаил	5	30	100	2	2	2	1	200
5.	Алдамов Килич	7	25	100	2	2	1	1	60
6.	Алиев М.-Мирза	4	2,5	4	—	1	—	1	6
7.	Алиева Патимат	4	1,5	2	—	2	—	—	10
8.	Исмаилов Гиммат	5	2,5	3	—	3	—	—	10
9.	Пирудагов Галуат	5	2,5	5	—	1	—	—	10
10.	Исаев Али	3	—	—	—	лошадь	1	—	—
11.	Ахматханов Алисултан	7	4	6	—	1	1	—	—

⁹⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 45. См. Хашаев Х.-М. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954.

лежала земля на 38 пудов засева, покосы на 300 вьюков¹⁰⁰. Безусловно, сведения эти относятся к более позднему периоду. Однако можно предположить, что процесс имущественной дифференциации шел еще в XVIII веке, а к концу XIX века, как мы видим, принимает интенсивный характер.

Большую роль в феодализации общества Ункратль сыграло и проникновение сюда иноэтнических элементов в лице представителей аварского ханского дома. Согласно преданию, представитель ханского дома Байсар после того, как потерпел поражение, с остатками своих войск бежал в Ункратль и обосновался в Кеди. Наличие войск давало ему возможность покорить местное население и захватить общинные земли¹⁰¹.

О том, что Амир-Султан, сын хунзахского правителя Байрампаса, бежал от ислама в этот край, свидетельствуют также более ранние документы. Мухаммед-Рафи сообщает: «По прошествии долгого времени Амир-Султан сын Байрампаса, сына проклятого Сураке, с прозвищем Нуцал, который бежал от ислама к неверным...»¹⁰². В данном случае нас не интересует, каким путем проник сюда и в другие общества, в частности Технуцал, представитель ханской фамилии. Сам факт существования здесь правящего рода, как мы видим, позволяет проследить, как в недрах местной общины укрепляются феодально-зависимые отношения. Это, с одной стороны, беки ханской фамилии, которые сосредоточили в своих руках крупные массивы пахотных земель, а также пастбищные горы, с другой — обнищавшие свободные общинники, которые, хотя на первых порах сохраняли относительную свободу, все же попадали в зависимость от первых. Аналогичный процесс происходил и в других обществах, где в массу местного населения были вкраплены представители аварского ханства.

Таким образом, там, где произошел синтез общественных отношений Аварского ханства с местными, и невозделанные земли переходят в частную собственность, там община неизбежно разрушалась, сохраняя, иногда

---

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 111, л. 187—188.

¹⁰¹ Полевой материал. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 483, лл. 2—3.

¹⁰² Дербент-Наме. Перевод Алиханова Аварского. Тифлис, 1898, с. 177—178.

надолго, только внешние, надстроечные элементы общинной организации.

А в союзах сельских общин, расположенных по Главному хребту, эволюция общины сопровождалась неуклонным процессом дробления общинной земли. Процесс социально-экономического развития здесь (Дидо, Капуца, Анцух, Таш, Богнода, Тлебелъ и др.) шел спонтанным путем.

ВЛИЯНИЕ ИНОЗЕМНЫХ ЗАВОЕВАНИЙ В XIII—XIV вв. НА ЭКОНОМИКУ ДАГЕСТАНА

Опустошительные походы монголо-татар в Дагестан в XIII—XIV вв. имели глубокие отрицательные последствия. Прежде всего они влекли за собою разрушения и хищническое уничтожение производительных сил края.

Давая характеристику татаро-монгольскому игу, К. Маркс писал: «Это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹. «Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства»².

С самого начала вторжение в Дагестан монголо-татар сопровождалось погромами и разорениями. Так, в 1222 году монголы подошли к Дербенту, «убийствами и угрозами», как свидетельствует Киракос Гандзакеци, узнав у местных жителей дорогу³, завоеватели вступили во внутренние районы Дагестана. Действия монголо-татар в горном Дагестане отличались большой жестокостью. По словам арабского историка Ибн ал-Асира, монголы «ограбили и убили много лакзов мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей тех стран»⁴.

Из-за отсутствия достоверных сведений не представляется возможным установить маршрут продвижения

---

¹ Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в. Цит. по кн. Грекова Б. Д., Якубовского А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 217.

² Маркс К. Секретная дипломатия XVIII в. Цит. по кн. Насонова А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940, с. 3.

³ Из истории Киракоса Гандзакеци. История монголов по армянским источникам. Пер. Патканова П. К. Вып. II, СПб., 1874, с. 3.

⁴ Ибн ал-Асир. Тарих-ал-Камиль. Пер. с араб. Жузе П. К. Баку, 1940, с. 142.

монголо-татар через нагорный Дагестан и масштабы их уничтожений и разрушений здесь. Однако и из тех сведений средневековых авторов видно, что завоеватели-монголы прошли через горный Дагестан огнем и мечом.

Завоевания в течение 1219—1224 гг. грабительскими полчищами монголов обширных территорий потрясли сознание всего тогдашнего культурного мира. А. Ю. Якубовский писал: «Завоевание монголами Средней Азии в 1219—1221 гг. и поход Джебе и Субэдея в Северный Иран, Кавказ и юго-восточную Европу (1222—1224 гг.) произвели на умы современников столь сильное впечатление, что в 20-х и 30-х годах XIII в. о нашествии монголо-татар говорили во всех странах... как о величайшем несчастье, постигшем тогдашний мир»⁵. Современник тех событий Ибн-ал-Асир писал, что это было «событие, искры которого разлетались (во все стороны) и зло которого простерлось на всех, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создание»⁶. Ужасное впечатление оставляла картина жизни народов в завоеванных странах, большинство населения было истреблено, города и села дымились грудями развалин в результате бесчисленных грабежей и пожаров.

По словам Киракоса Гандзакеци, «бедствия, которые постигли все стороны, превосходят все, что история может рассказать»⁷. Человечество и до монгольского нашествия было знакомо с ужасами вторжения завоевателей. Однако в прошлом бедствия не принимали таких размеров, не было столько трупов и развалин, как в годы походов войск Чингис-хана. Ибн-ал-Асир выразил надежду, что «...может быть род людской не увидит (ничего) подобного этому событию»⁸.

С первым походом монголо-татар связано также и вторжение в Дагестан кипчаков в 1223 г. Преследуемые монголами кипчаки прошли к Дербенту по плоскостному Дагестану, разоряя все на своем пути, город был захвачен ими обманным путем и разграблен. Кипчаки разбойничали и бесчинствовали в Дербенте и Южном Да-

---

⁵ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950, с. 52.

⁶ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, с. 2.

⁷ Гандзакеци Киракос. Указ. соч., с. 12.

⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. I, с. 2.

гестане, пленников превращали в рабов и продавали, а иной раз беспощадно уничтожали⁹.

Вторжение кипчаков принесло народам Дагестана огромные бедствия. Окрестности Дербента и земли Южного Дагестана были разорены¹⁰.

Вслед за кипчаками, в 1225—1231 гг. хорезмшах Джалал-ад-Дин предпринимает опустошительные походы в кавказские страны. Разорению подверглись Южный Дагестан и окрестности Дербента. По словам персидского историка ан-Насави, войска Джалал-ад-Дина «стали разорять поселения Дербента вне его стены: последствия уничтожений и разрушения были таковы, что, казалось, здесь вчера не было ничего»¹¹. Своими разорительными походами в Закавказье и Южном Дагестане хорезмшах Джалал-ад-Дин настроил народы этих стран против себя, что вызвало ряд восстаний в этих странах против завоевателя. Персидский историк Рашид-ад-Дин, перечисляя народы, которые восстали против Джалал-ад-Дина, называет «сериры и лезгины»¹², что дает возможность указать на участие горцев Дагестана в борьбе против угнетателя.

Не менее тяжелые последствия для народов Дагестана имел второй поход монголо-татар в Дагестан в 1239—1240 гг. Под ударами монгольских войск весной 1239 г. пал Дербент. Путешественник XIII в. Гильом де Рубрук сообщает, что город Дербент был сильно разрушен монголами, башни и крепостные стены были сравнены с землей¹³. Ворвавшись в город, монголы жестоко расправились с его населением, разрушили замечательные памятники древнего искусства. После падения Дербента монголы опустошили приморский Дагестан. Большинство населения вынуждено было покинуть плоскостной Дагестан и уйти в горы, скрываясь от преследований завоевателей. «Как об этом свидетельствуют многочисленные предания и легенды, сохранившиеся в

---

⁹ Ибн-Асир. Указ. соч., с. 145—148.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мухаммад-ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал-ад-Дина Манкбурны. Пер. с араб. Буниятова З. М. Баку, 1973, с. 221.

¹² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. II, М.; Л., 1960, с. 27—28.

¹³ Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны Плато Карпици и Рубрука. М., 1957, с. 186—187.

народной памяти,— пишет проф. С. Ш. Гаджиева,— жители равнинного Дагестана, чтобы спастись от врага, переселились в горные труднодоступные места»¹⁴.

Опустошению подвергли монголы и горный Дагестан. Населенные пункты на пути следования завоевателей были разрушены. В отдельных селениях сохранились письменные сведения о приходе монголо-татар и их разрушениях. В частности, в сел. Рича нынешнего Агульского района обнаружена куфическая надпись на камне, где говорится, что «пришли войска завоевателей-татар и разрушили селение осенью 1239 г.»¹⁵. Разрушению было подвергнуто большинство сел нынешнего Агульского района, население было уничтожено. Такому же разгрому подвергли монголо-татары и селение Кумух. Две надписи из селения Кумух, скопированные Али Каяевым, повествуют о приходе монголо-татар в селение Кумух и о разрушении его завоевателями весной 1240 года¹⁶. В надписях отмечается и гибель большинства населения Кумуха.

Автор XIV в. Мухаммед Рафи, описывая взятие Кумуха монголами, сообщает, что защитники села были уничтожены, а само селение разрушено¹⁷. Согласно устным данным, после разгрома Кумуха монголо-татары подвергли разорению даргинские и аварские общества. Город Дербент монголо-татары превратили в стоянку своих войск. Отсюда они совершали набеги в разные районы Дагестана. В населенных пунктах Табасарана и Кайтага большинство населения было истреблено завоевателями, селения сожжены. В частности, в результате неоднократных набегов, монголы разрушили табасаранские поселения Эски-Пенджи, селения вблизи Туруфа, Хучнинскую крепость, Халагские постройки и т. д.¹⁸

Если в равнинной части Дагестана завоеватели опустошали пахотные земли и сады, которые со временем

---

¹⁴ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, с. 31.

¹⁵ Лавров Л. И. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья 2). Сборник музея антропологии и этнографии, т. XVIII, М.; Л., 1958, с. 331—334.

¹⁶ Каяев Али. Материалы по истории лаков. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, РФ ИИЯЛ, д. 444, ф. 1, оп. 1.

¹⁷ Рафи Мухаммед. Извлечение из истории Дагестана. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. V, Тифлис, 1871, с. 26—27.

¹⁸ Материалы по археологии Дагестана, т. 1, Махачкала, 1959, с. 211—212.

приходили в негодность, то из горного Дагестана они угоняли в массовом количестве крупный рогатый скот, овец и лошадей. Киракос Гандзакечи писал, что завоеватели-монголы грабили в завоеванных странах драгоценности, лошадей, мулов и бесчисленное количество скота¹⁹. Персидский историк Рашид-ад-Дин писал: «Нельзя описать сколько улага (в виде) ослов ежегодно брали у райятов, купцов и прочих... Райяты постоянно блуждали, не зная, что предпринять, за отнятыми (у них) под перевозку животными. Часть этих животных угоняли совсем и не возвращали, часть оставалась посреди дороги и подыхала, а райяты отбивались от земледелия и работы...»²⁰ Даже эти отрывочные данные дают представление о неопишуемых бедствиях народных масс тех стран, которые попали под иго монгол. Крестьяне были лишены возможности пользоваться рабочим скотом и вынуждены были обрабатывать свои земли и посевы вручную. Это приводило к сокращению посевных площадей, уменьшалась урожайность и, как следствие, резко ухудшалось положение трудового народа. Население же горных районов, где было ограничено земледелие из-за отсутствия пахотнспособных земель, лишенное скота, следовательно, и мясо-молочных продуктов питания, оказывалось в еще более тяжелом положении.

Разрушительные последствия для земледельческого населения Дагестана, особенно прибрежной части, имело и то обстоятельство, что обычно монголо-татары начинали военные действия в летние месяцы, когда были в разгаре сельскохозяйственные работы. Помимо этого, за войском шел обоз завоевателей, их скот и семьи, которые пожирали все вокруг и уничтожали урожай.

«Там, где проходили монгольские завоеватели,— писал Киракос Гандзакечи,— посевы, сады, огороды приходили в негодность, так как за монгольской армией всегда двигалось огромное кочевое хозяйство (мелкий и крупный рогатый скот, обоз, семьи и т. д.), которое уничтожало вокруг посевы, сады и т. д.»²¹.

Одной из главных причин упадка экономики в Даге-

---

¹⁹ Гандзакечи Киракос. История. Русский перевод Тер-Григорьяна Т. Баку, 1946, с. 129.

²⁰ Рашид-ад-Дин. Джамии-аттаварих, т. III, научно-критический текст, подготовленный к печати Али-Заде А. А. Баку, 1957, с. 556.

²¹ Гандзакечи Киракос. Указ. соч., с. 120.

стане после монгольского нашествия является безжалостное уничтожение завоевателями производительных сил. Все до нас дошедшие сообщения историков XIII в., а также сохранившиеся народные предания отмечают большие человеческие потери, которые были следствием нашествия монгольских завоевателей. Здесь уместно привести слова Рашид-ад-Дина, где отмечается, что во время завоеваний монголо-татар население городов и областей так истреблялось, что в редких случаях кто-либо оставался в живых²². В живых оставляли ремесленников и лучших мастеров, которых использовали на строительных работах, для изготовления оружия. Это отрицательно сказывалось на развитии ремесленного производства и на состоянии внутреннего рынка страны.

Причиной экономической разрухи и упадка Дагестана являлась также и налоговая политика завоевателей, взимание многочисленных и разнообразных налогов и податей. Монголы взимали налог со всех народов Дагестана, но особенно тяжело приходилось населению равнинной части. Рашид-ад-Дин неоднократно подчеркивает, что хакиды (правители областей) ежегодно брали с покоренного населения «копчур» (поголовный налог) по 10, а в некоторых местах по 20—30 раз. Далее автор отмечает, что в результате их злоупотреблений и разрухи большая часть крестьян уходила из насиженных мест, а города и деревни обезлюдели, все прониклись ненавистью к монголам²³.

Пагубно отразились походы монголо-татар на внутреннем рынке страны, нарушены были и торговые связи с другими странами. Главный торговый центр Дагестана, да и всего Кавказа на берегу Каспийского моря — Дербент и дербентский порт, через который народы Дагестана, в основном, проводили свои торговые операции с другими странами, были разрушены. Раньше в этот порт приходили суда с большой грузоподъемностью, а после прихода завоевателей порт потерял свое значение, и сюда приходили уже только небольшие суда, с меньшей грузоподъемностью. Об этом свидетельствуют путешественники XV в. Барбаро и Контарини, которые со-

---

²² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III. Пер. с перс. Арндса А. К., М.; Л., 1946, с. 309.

²³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III, с. 247—256, 263—268.

общают, что «в дербентскую гавань до прихода монголо-татар прибывали большие суда, поднимавшие до 800 бочек груза, теперь же приходят суда, поднимающие не свыше 200 бочек»²⁴. Дербент после монгольского нашествия потерял гегемонию в торговле и постепенно потерял свое значение как торговый центр. Надо полагать, что упадок торговли переживал не только Дербент, но также и внутренние рынки Дагестана.

Нашествие монголо-татар в первой половине XIII в. и их опустошения в целом отрицательно и притом самым пагубным образом сказались на развитии хозяйства и культуры страны. «Каждый раз,— отмечал Ф. Энгельс,— когда победителем является менее культурный народ, нарушается, как само собою понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масс производительных сил»²⁵. Эти слова Ф. Энгельса как нельзя лучше объясняют нам, что значило для оседлых народов Дагестана нашествие менее культурного народа и какие последствия оно имело для развития страны.

Экономическое положение Дагестана еще более ухудшилось с образованием двух монгольских противоборствующих государств — Золотой Орды и государства Хулагидов, военные действия между которыми происходили в основном на территории Дагестана, пограничной области между этими государствами. Эти войны и постоянные опустошительные набеги завоевателей во внутренние районы Дагестана в промежутках между военными действиями разоряли и без того опустошенную первыми монгольскими походами страну. В этот период не было такой другой страны как Дагестан, где бы так часто проносились орды монгольских завоевателей, со всеми губительными последствиями. Как отмечает И. П. Петрушевский, «джучиды и хулагиды вели частые войны на территории стран Восточного Закавказья и подвергали их все новым и новым опустошениям»²⁶.

Дагестан как пограничная область был весьма важен для Золотой Орды, и ее ханы были заинтересованы в том, чтобы закрепить верность дагестанских феодалов.

---

²⁴ Барбаро и Контарини. Путешествие в Тану. Бипр, т. 1, СПб., 1836, с. 79.

²⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1948, с. 172.

²⁶ Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагидов (1256—1353). Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 230.

Поэтому завоеватели не ограничивались одними военными действиями, они стали привлекать правителей Дагестана на свою сторону отдельными привилегиями и подарками. В частности, монголо-татары стали поощрять отдельных правителей, выдавая им ярлыки на владение. Надо полагать, что такой ярлык в свое время получил и аварский хан. Об этом сообщают И. Г. Гербер и И. Н. Березин, говоря, что у аварского хана в Хунзахе сохранился ярлык, выданный его предкам монгольским ханом Батыем в XIII в. на владение Аварией. «И действительно известно,— пишет И. Н. Березин,— что аварский хан в 1727 г. являлся в русский лагерь с прошением покровительства и привозил с собою письмо, данное одному из его предков Батыем на ханство Аварское»²⁷.

Методы правления хулагидов в южном Дагестане не отличались от политики золотоордынских ханов. Хулагиды также стремились укрепить свою северную границу, которая проходила в районе Дербента. Помимо военных мероприятий, укрепление границ хулагидами осуществлялось щедрой раздачей местным феодалам земельных участков²⁸. Отдельные местные владельцы, как справедливо отмечает И. П. Петрушевский, подчинившись монгольским завоевателям и найдя с ними общий язык, добивались различных льгот и привилегий для себя и становились соучастниками завоевателей в организации опрабления низов своего народа²⁹. Таким образом, в междоусобную войну двух монгольских государств были втянуты и дагестанские правители.

С середины XIII в. и до конца первой половины XIV в., т. е. в течение 100 лет Дагестан служил ареной военных столкновений завоевателей-монгол. Но больше всего от этих войн страдали Дербент и приморский Дагестан. И. Н. Березин, говоря о войнах между ханами Золотой Орды и хулагидами на территории Дагестана, отмечает, что «Дербент не редко служил добычей победителя»³⁰. В результате всего этого страдали жители

---

²⁷ Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, примечание, с. 5.

²⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. III, с. 90.

²⁹ Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.: Л., 1960, с. 36.

³⁰ Березин И. Н. Указ. соч., с. 122.

города, которые становились жертвами то одних, то других завоевателей.

Хулапиды, совершая походы через Дербент, часто нападали на соседний с Дербентом Кайтаг. Положение Кайтага усугублялось еще и тем, что уцмий был союзником Золотой Орды. В результате Кайтаг не только терпел урон людьми во время совместных с ханами Золотой Орды походов, но и испытывал большие бедствия от вторжения Хулагидов в страну³¹.

Все это самым пагубным образом отражалось на состоянии хозяйства и культуры Дагестана, в особенности его прибрежных районов.

Ханы Золотой Орды и Хулагиды не ограничивались в Дагестане одними военными опустошениями и грабежами, они обложили население еще и тяжелой данью. Чтобы никто не мог укрыться от уплаты ее, хан Батый в середине XIII в. провел перепись населения в подвластных ему землях, в том числе и Дагестане. Грузинские источники сообщают, что «в царствовании Давида (1243—1269), Батый поручил своему чиновнику Аргуну отправиться по всей монгольской империи, чтобы сделать народную перепись. С этой целью Аргун отправился и произвел перепись всей России, Хазаретии, Овсети, Кипчакетии до самого Джелети»³². В случае отказа платить дань ханы Золотой Орды совершали походы против непокорных горцев Дагестана. При этом они привлекали и войска русских князей. В частности, в 1277 году вместе с татарами они отправились в Дагестан, где произвели страшные опустошения, дошли до Янгикента, сожгли его, продвинулись до Южного Дагестана, где взяли богатую добычу и пленников и вернулись в ханскую ставку³³.

В начале XIV в. взаимоотношения между Золотой Ордой и государством Хулагидов обостряются. В 1318 г. золотоордынский хан Узбек совершает грабительский поход в сторону Южного Дагестана и Ширвана. При этом, как отмечают источники, войска Золотой Орды

---

³¹ Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVIII века. Махачкала, 1964, с. 10.

³² Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII, Тифлис, 1897, с. 44.

³³ Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860, с. 277.

подвергли Дербент и Южный Дагестан опустошению³⁴.

Видимо, это и послужило причиной для опустошений, которые произвели Хулагиды уже в той части Дагестана, которая входила в состав Золотой Орды, при ответном походе в 1325 г. При этом войска Хулагидов дошли до Терека. Автор XIV в. Хамдуллах Казвини пишет, что предводитель войска Хулагидов эмир Чупан, «разгромив Узбека и опустошив все на своем пути, дошел до берегов Терека, (Ильханские) войска жестоко расправились с населением городов, деревень, убивая их, беря в плен, опустошая и грабя местность»³⁵.

Так из года в год Дагестан был ареной кровавых походов завоевателей, их участниками становились и дагестанские правители, которые выступали то на стороне ханов Золотой Орды, то на стороне Хулагидов. В конечном итоге все это отрицательно отражалось на экономике Дагестана. Поскольку на территории плоскостного Дагестана происходили постоянные военные столкновения, естественно, местное население вынуждено было нести все тяготы, страдая от обеих воюющих сторон. При этом войска завоевателей совершали набеги и во внутренние районы Дагестана, где также грабили и опустошали земли.

Трудовое население плоскостного Дагестана, которое на своих плечах несло все лишения и тяготы военных действий, было объектом жестокой эксплуатации. По этой причине, как было сказано выше, большинство населения вынуждено было бросить насиженные места. Хамдуллах Казвини, указывая на повсеместность такого положения, отмечал, что в большинстве вилайетов население, вследствие притеснений и прохождения войск, прекратило заниматься земледелием³⁶.

В результате длительных военных действий между завоевателями на территории Дагестана тормозился рост производительных сил, пахотные и пастбищные земли приходили в запустение. Больше всех от этих войн страдал город Дербент, который часто становился добычей то Хулагидов, то ханов Золотой Орды, при этом каждый наводил в городе свои порядки, по очереди ра-

---

³⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, М., 1941, с. 86.

³⁵ Там же, с. 92.

³⁶ Там же, с. 97.

зоря город и его окрестности, от чего жестоко страдало местное население.

Не менее опустошительными были для Дагестана нашествия полчищ Тимура во второй половине XIV в., которые носили чудовищно разрушительный характер, напомилавший времена нашествия орд Чингис-хана. Никогда еще, даже при первых походах монголо-татар, Дагестан не переносил таких больших жертв и разрушений, угона населения в неволю, как при завоевании Тимура. Кроме всего, особо следует отметить уменьшение численности населения Дагестана в результате страшного погрома, устроенного завоевателями. Справедливую оценку политике Тимура дал К. Маркс, где он отмечает, что «политика Тимура заключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и, таким образом, всюду наводить ужас... Он всюду разрушал города, предавал их огню, а жителей замучивал насмерть... Тимур ушел и всюду оставил за собой безмолвие кладбищ»³⁷. Академик В. В. Бартольд писал: «...в действиях Тимура мы находим утонченное, болезненно-извращенное зверство, которое проявляется в массовых казнях»³⁸. И действительно, массовое истребление мирного населения, грабежи и опустошения городов и сел, угон их жителей на чужбину были обычным явлением действий Тимура в завоеванных странах. Это было время величайших бедствий, выпавших на долю многих народов, в том числе и народов Дагестана.

Жестокость Тимура испытали на себе народы Дагестана еще при первом нашествии его войск в 1387 году, когда, преследуя войска хана Золотой Орды Тохтамыш, Тимур подверг разорению весь приморский Дагестан.

Дагестан жестоко пострадал от первого нашествия войск Тимура. Свидетельством тому служат слова Низам-ад-дина Шами: «Воины Тимура все разграбили, добро и состояние (жителей), коней, быков, баранов захватили без счета, жен и девушек полонили»³⁹. Аналогичные сведения содержат грузинские источники. В 1386 году, покорив Ширван, говорится в них, Тимур двинул-

³⁷ Архив Маркса К. и Энгельса Ф., т. VI. М., 1939, с. 184.

³⁸ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч., т. II, ч. I, с. 746.

³⁹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 106.

ся в Дагестан, где произвел опустошения и грабеж⁴⁰. По словам А. К. Бакиханова, Мираншах, сын Тимура, посланный отцом на преследование Тохтамыша, прошел за Дербент и, опустошив земли приморского Дагестана, возвратился с богатой добычей⁴¹.

Весной 1395 г. войска Тимура подошли к границам Дагестана и под предлогом борьбы с ханом Золотой Орды вновь двинулись через Дербент. Однако Тимур преследовал и другую цель; он хотел привести в покорность народы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана. В источниках сообщается, что Тимур начал свой поход с разорения земель Южного Дагестана⁴².

Как свидетельствуют источники, огромная армия Тимура прошла через Дербент и дошла до Кайтага. «Он (Тимур) признал необходимым подавить их (кайтагцев — Г. И.), обратив внимание на уничтожение и искоренение их, он так напал на их стороны и края, что из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один: все те области были разграблены»⁴³. Страшное зрелище оставил после себя Тимур в Кайтаге, всюду трупы убитых, следы грабежей и истязаний и сожженные села. Одно только это свидетельство Низам-ад-дина Шами дает нам право судить, с какой жестокостью начал Тимур свою завоевательную политику в Дагестане.

Разорив Кайтаг, Тимур направился к северу, опустошая приморский Дагестан, навстречу войскам хана Золотой Орды Тохтамыша.

Решающее сражение между Тимуром и Тохтамышем состоялось на берегу Терека в 1395 г. Войска Тохтамыша были полностью разгромлены.

Преследуя Тохтамыша, Тимур опустошил земли Северного Кавказа, южнорусские степи, крымские города, Кубань⁴⁴.

Весной 1396 года Тимур возвратился в Дагестан и направил свои силы на осуществление ранее задуманного им плана, т. е. на полное покорение Дагестана. И ради достижения этой цели он не останавливался ни перед чем, вплоть до массового уничтожения народов Дагестана. Прежде чем идти в горы Дагестана, Тимур об-

40 СМОМПК, т. XXII, Тифлис, 1897, с. 52.

41 Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 63.

42 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 174—175.

43 Там же, с. 119.

44 Там же, с. 180—181.

рушился на кумыков, живших между Терекком и Сулаком⁴⁵ и, как сообщает Низам-ад-дин Шами, «омочив их землю кровью»⁴⁶, начал завоевание Дагестана. После этого Тимур «сделал набег на предгорие горы Аухар, и войско привезло много добычи, корма и пищи»⁴⁷. Это прямое указание на опустошительные набеги Тимура в предгорные районы Аварии, расположенные у подножья Салатавского хребта, а отдельные отряды завоевателя отсюда, видимо, проникли и в высокогорные районы Аварии. Следовательно, расправившись с жителями плоскости, завоеватель набросился на Салатавию (нынешние Казбековский и Гумбетовский районы).

По сохранившимся преданиям, Тимур направил свои силы в Салатавию, «где разорили город Алмак (ныне селение в Салатавском округе), который имел 7 тыс. домов»⁴⁸. Сломив сильное сопротивление, войска Тимура взяли город и разрушили его, а жителей уничтожили. Затем Тимур разрушил селения, расположенные по хребту Салатавских гор Берк-Тоу, Алхас-Тоу, Чубан-Тоу и Батлук (развалины которых и поныне существуют), устроил среди населения погром, а оставшихся в живых переселил в низменность, «где они в большинстве своем осели в Чиркаб (Чиркей — Г. И.)»⁴⁹. По словам А. К. Бакиханова, дорога, ведущая к развалинам указанных населенных пунктов, расположенных по хребту Салатавских гор, и ныне носит название Теймуршах-ёли (дорога Тимура)⁵⁰.

Имеется также предание о том, что сел. Дылым образовано из двух разрушенных Тимуром селений: Гебехъала и Жагъинколо⁵¹. А сел. Зубутль, расположенное рядом с сел. Дылым, также было разграблено и сожжено⁵².

Говоря о проникновении отдельных отрядов Тимура в высокогорные районы Аварии, следует привести предание, где говорится, что сел. Гагатль нынешнего Бот-

⁴⁵ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 64.

⁴⁶ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 123.

⁴⁷ Там же, с. 123, 183.

⁴⁸ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 64; Алкадари Г. Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1926, с. 29.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 64.

⁵¹ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 125.

⁵² Там же.

лихского района было сравнено с землей, а оставшихся в живых стариков, женщин и детей Тимур собрал в местность, называемую «Къуразул гьоцIи» — «сельское гумно», где они были растоптаны конницей⁵³.

В Гумбетовском районе, откуда, как предполагают, было совершено вторжение Тимура в Андию, севернее аула Донухъ, проходит дорога, носящая названия «бодул нух» — «дорога войск», или «Тимурил нух» — «дорога Тимура»⁵⁴.

Таким образом, сопоставив сообщения источников, сохранившиеся народные предания, а также имеющийся материал топонимики, можно предположить, что Тимур, разорив Салатавию, проник и в отдельные высокогорные аварские районы, где также разрушил многие населенные пункты, а население истребил.

После указанных событий Тимур, как это видно из источников, возвратился на плоскость, оставив в Тарках обоз, и двинул свои войска на усмирение горцев Дагестана⁵⁵.

Направляясь в горный Дагестан, как повествует предание, «Теймур осадил город Гадар (Кадар — Г. И.), имевший от 7 до 8 тыс. семейств... Но так как по крепкому местоположению, взять его было трудно, Теймур решился на хитрость,— он начал с осажденными переговоры, и под предлогом подарков для раздачи в городе, послал туда множество сундуков, наполненных вооруженными людьми: вскоре назначен был приступ и, через несколько минут, при помощи посланных туда прежде воинов, город был взят и разорен»⁵⁶. Завоеватель жестоко расправился с жителями Кадара, «после этого город этот,— как указывает Г.-Э. Алкадари,— не приходя в прежнее состояние, превратился в небольшое селение»⁵⁷.

Свои зверства и захватнические цели в Дагестане Тимур лицемерно прикрывал «войною с неверными за веру»⁵⁸. Это была политика насильственного насажде-

---

⁵³ Салимов Х. Бица белъараб гIор. БагIараб байрахъ (на авар. яз.), 13 июня 1966 г.

⁵⁴ Аглафов М. А. Андийская группа народностей в XIX — нач. XX вв. (Историко-этнографические очерки). Кандидат. диссертация. Махачкала. 1965, с. 29.

⁵⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 123, 185.

⁵⁶ Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 64—65.

⁵⁷ Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 30.

⁵⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 185.

ния ислама, которая стала традицией завоевателей⁵⁹. Насаждая насильственно ислам в Дагестане, Тимур понимал, что мусульманская религия будет служить опорой для укрепления его позиций здесь. Любопытное сообщение в этой связи мы находим в известиях грузинских летописей, где говорится, что до прихода Тимура «лезгины были христианами», но завоеватель стал насильственно насаждать здесь ислам, «назначил им муллу из арабов, которых обязал учить лезгинских детей письму на арабском языке; он издал также строгое повеление, чтобы отнюдь лезгины не учились ни письму, ни чтению на грузинском языке»⁶⁰.

Как видно из этого сообщения, распространению ислама в Дагестане завоеватель придавал большое значение, так как он служил опорой захватнической политике. Поэтому Тимур огнем и мечом укреплял ислам в Дагестане. Здесь уместно привести слова акад. В. В. Бартольда: «...для Тимура религия была орудием для достижения политических целей, религиозные упреки были только предлогом для тех жестокостей, которым подвергались жители со стороны Тимура, за их будто бы нечестие»⁶¹. Никакими религиозными предлогами нельзя оправдать те массовые истребления людей, разрушения городов и сел, грабежи, которым подверг Тимур Дагестан.

Одно из самых трагических событий за время пребывания Тимура в Дагестане произошло у села Ушкудже (Акуша — Г. И.), куда завоеватель совершил, как указывает Шериф-ад-дин Йезди, «священный набег»⁶². Войска Тимура взяли Ушкудже, «всех тех неверующих убили мечом джихида, из убитых сделали холмы и опустошили всю их область»⁶³.

Как и во все времена, в трудную минуту борьбы с иноземными завоевателями народы Дагестана объединялись для совместного отпора врагу. И в данном случае население Акуша не осталось одиноким, на помощь к ним пришли лакцы и аварцы во главе с «шаукалом

---

⁵⁹ Шихсандов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала, 1969, с. 207.

⁶⁰ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII, Тифлис, 1897, с. 51.

⁶¹ Бартольд В. В. Указ. соч., т. II, ч. I, с. 94.

⁶² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 123, 185.

⁶³ Там же.

Казикумухским и Аухарским»⁶⁴. Однако силы были слишком неравные, и поэтому объединенные войска горцев Дагестана потерпели поражение, в этой битве погиб и шамхал Казикумухский и многие его воины⁶⁵.

Шереф-ад-дин Йезди пишет, что из Ушкуджа Тимур выступил на преследование войск казикумухского шамхала и аварского хана, по пути устраивая погромы и опустошая лакские и аварские селения⁶⁶. Источники сообщают также, что некоторые лакские и аварские вельможи после указанных событий явились к Тимур с «раскаянием»⁶⁷. Любопытно, что Тимур в свою очередь «обласкал их разными милостями» и дал им наставление «воевать с неверными, и утвердив за ними их земли и дав им ярлыки, он отослал их к себе»⁶⁸. Утверждение области за старшинами, кадиями и «вельможами» и выдача им ярлыков означали, что и на территории Дагестана Тимур следовал своей политике укрепления феодализма⁶⁹. В своем стремлении покорить Закавказье Тимур был крайне заинтересован в привлечении аварских и казикумухских владетелей на свою сторону. Вот почему Тимур и раздает здесь земли и усиленно насаждает ислам, не останавливаясь ни перед чем⁷⁰.

Разорив большинство населенных пунктов горного Дагестана, Тимур вновь возвратился на плоскость — в Тарки, где был оставлен его обоз⁷¹. И прежде, чем возвратиться в Дербент, совершил набег в Зирихгеран⁷² (Кубачи — Г. И.) и, опустошив его, вернулся в Дербент.

Пребывание Тимура в Дагестане было кратковременным. Однако и этого было достаточно, чтобы проявить здесь неслыханную жестокость. Говоря о погромах, устроенных Тимуром в Дагестане, Шереф-ад-дин Йезди подчеркивает: «И был уничтожен до последнего народ бесчинствующий»⁷³.

---

64 Там же, с. 124, 185.

65 Там же.

66 Там же, с. 185—186.

67 Там же, с. 186.

68 Там же.

69 Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 186.

70 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч., т. II, с. 186—187.

71 Там же, с. 124, 187.

72 Там же.

73 Там же, с. 187.

В результате нашествия полчищ Тимура по экономике Дагестана, который не успел оправиться после разрушительных походов монголо-татар, был нанесен еще более ощутимый удар, который привел страну к еще большей разрухе.

Таким образом, эпоха монгольских завоеваний была для народов Дагестана, как и для многих народов, которых постигла та же участь порабощения, одним из тяжелых и полных невзгод периодом, периодом упадка экономической, политической и культурной жизни Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДАГЕСТАНА И ГРУЗИИ

(конец XVIII — нач. XIX в.)

Изучение истории взаимоотношений народов нашей страны, ныне спаянных узами нерушимой дружбы и братства, является одной из важнейших задач исторической науки.

Весьма актуально раскрытие исторических корней дружбы народов многонационального Кавказа.

В данной статье рассмотрены дагестано-грузинские экономические взаимоотношения в конце XVIII — начале XIX в.

В связи с описанием событий, происходивших на Кавказе, отдельные стороны многогранных взаимоотношений народов, населяющих край, затрагивали дореволюционные исследователи П. Г. Бутков, А. А. Неверовский, А. Мдивани, В. Потто, Б. К. Бобровский, Б. Эсадзе, Д. Бакрадзе и др.,¹ в трудах которых содержится фактический материал. Но он освещался ими с идеалистических позиций, характерных для буржуазной историографии, в частности, они отождествляли взаи-

---

¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. I—III, СПб., 1869; Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб, 1847; он же. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб, 1848; Мдивани А. Краткий обзор дипломатических сношений Грузии с Россией в XVI и XVII вв. Кавказский вестник, 1901, № 1, 2, Тифлис, 1901; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. I, СПб, 1887, т. 2, вып. 4, СПб, 1888; т. 3, вып. I, СПб, 1886; Бобровский П. К столетию присоединения Грузии к России 12 сентября 1801 г. Кавказский вестник, 1901, № 9; Эсадзе. Летопись Грузии. Юбилейный сборник к 300-летию царствования дома Романовых 1613—1913, Тифлис, 1913; Бакрадзе Д. и Берзнев Н. Тифлис в историческом и этнографическом отношениях. Тифлис, 1870 и др.

моотношения народных масс и феодалов, дагестано-грузинские отношения считали вечно враждебными и т. п.

Научное освещение взаимоотношений наших народов дается советскими историками. Изучению некоторых вопросов взаимоотношений народов Дагестана и Грузии на различных этапах посвящены труды советских исследователей.²

В связи с разработкой различных проблем истории Дагестана и Грузии вопросы дагестано-грузинских взаимоотношений затрагивались грузинскими³ и дагестанскими⁴ исследователями, в чьих трудах сделаны верные выводы и обобщения по интересующей нас проблеме.

² Мегреладзе Д. Г. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений. Автореферат дис. канд. историч. наук, Тбилиси, 1954; она же. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений. Дис. канд. историч. наук (на груз. языке), Тбилиси, 1954, в сокращ. виде см. Вестник отделения общественных наук АН ГССР, Тбилиси, 1967, № 6; Боцвадзе Т. Д. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений XV—XVIII вв. Тбилиси, 1968 (на груз. языке); он же. Северный Кавказ во внешней политике Грузии XVI—XVIII веков. Автореферат дис. докт. истор. наук, Тбилиси, 1973; он же. Народы Североюго Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974; Гамрекали В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., Тбилиси, 1968; он же. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Автореф. дис. докт. историч. наук, Тбилиси, 1972; он же. Социально-экономическая почва развития лекианоба в XVIII в. Мацне. Вестник отделения общественных наук АН ГССР, серия истор., археол. и этногр. 1972, № 1; он же. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, II, Тбилиси, 1977; Гасанов М. Р. Дагестано-грузинские отношения XVI—XVII вв. — История Дагестана, т. I, М., 1968, с. 275—277; он же. Из истории дагестано-грузинских взаимоотношений XV—XVII вв. В сб. Взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа, Махачкала, 1977, с. 76—98 и др.

³ Бердзенишвили Н. А. Из истории русско-грузинских взаимоотношений на рубеже XV—XVII вв. (на груз. яз.) — Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. I. Тбилиси, 1944; он же. Из истории Грузии XVIII в. — Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. II, Тбилиси, 1944; Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии, ч. I (с древнейших времен до начала XIX в.), Тбилиси, 1946, с. 325; Бердзенишвили Н. А., Дондуа В., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А. История Грузии, т. I (с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.), Тбилиси, 1962; Очерки истории Грузии (в восьми томах), на груз. языке, т. IV, Тбилиси, 1974; Орджоникидзе Э. А. Торговля и купечество в дореформенной Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1974 и др.

⁴ Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1957; он же. История Да-

Вместе с тем, экономические связи дагестанского и грузинского народов в конце XVIII — нач. XIX в. до сих пор не стали предметом специального исследования.

В рассматриваемый период традиционные взаимоотношения народов Дагестана и Грузии расширились и активизировались.

Основным фактором, определившим степень развития дагестано-грузинских взаимоотношений вообще, экономических связей в частности, явилось развитие производительных сил Дагестана и Грузии.

Расширению дагестано-грузинских торгово-экономических связей способствовали также усиление сношений народов Кавказа с Россией и относительно благоприятная международная обстановка на Кавказе, объективно содействовавшая развитию связей между всеми кавказскими горцами.

При изучении экономических связей народов Дагестана и Грузии следует иметь в виду их взаимовыгодный характер. Восточная Грузия являлась житницей для народов, граничивших с ней, в свою очередь, население Восточной Грузии нуждалось в изделиях горцев Дагестана.

Как известно, экономические связи являются определяющими во взаимоотношениях народов. Прекращение экономических связей с соседними народами, в частности с грузинами, вызвало значительные затруднения и для дагестанского населения. Многие дагестанские народы из Грузии получали жизненно необходимые продукты и изделия. «Аварцы,— говорится в документе,— без сношений с нашими владениями (имеется в виду с Закавказьем, в том числе и с Грузией — М. Г.), откуда они получают хлеб, соль и вообще все первые потребности жизни, существовать не могут».⁵

Во внешней торговле Дагестана и Грузии преобладали ткани, бурки, сукна, бумажное полотно, шелк, коровье масло, медь, свежие и сушеные фрукты, вина. Горцы Дагестана приобретали в Восточной Грузии изделия

гестана, Махачкала, 1961; Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Рамазанов Х. Х., Шихсидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; История Дагестана, т. I, М., 1967; т. II, М., 1968 и др.

⁵ Акты Кавказской Археографической комиссии (далее АКАК), т. VII, Тифлис, 1878, с. 528.

местного ремесленного производства (ткани хлопчатобумажные и шелковые, предметы домашнего обихода, изготовленные из меди и железа, порох и др.), сельскохозяйственные продукты (хлебные злаки, огородные культуры, продукты виноделия), импортные товары, главным образом соль и галантерея: ножницы, иголки, пуговицы, тесьма, зеркала и др., в меньшей степени дорогие материи.⁶

Касаясь связей Восточной Грузии с соседями, С. Д. Бурнашев писал: «Большой торг состоит с горскими и персидскими ближними соседями в их рукоделиях, т. е. медною посудю, бумажными полотнами, набивными крашеными и белыми, конскими верховными уборами, саблями и кинжалами, мелкими железными вещами, платьем, шапками и обувью: ибо сими надобностями, почти все кавказские народы и все соседи пользуются от трудолюбия тифлисских армян».⁷

Грузинские цари поощряли этот обмен. Так, в 1794 г. царь Ираклий II приказал выплатить 1500 руб. Назарбегишвили, лицу, у которого ранее была на эту сумму куплена в долг для лезгин парча.⁸ О поощрении торговли горцев свидетельствует тот факт, что «по древним обычаям ...лезгины... освобождены издревле от пошлин».⁹ В грузинском таможенном тарифе сказано: «Лезгины, за привезенные ими бурки, сукна и шаравары, пошлин не вносят».¹⁰

Данные о торговых связях дагестанских горцев с грузинами содержатся в архивах, в разнообразных сборниках.¹¹ «Анцухское общество, — по словам тен.-лейт. Кнорринга, — всегда прежде к Грузии было миролюбиво, имело сюда свои торги».¹² В документе от 1802 г.

---

⁶ Орджоникидзе Э. А. Торговля и купечество в дореформенной Грузии (на груз. яз. Резюме на русском). Тбилиси, 1974. с. 31.

⁷ Бурнашев С. Д. Картина Грузии или описание политического состояния царств Картлийского и Кахетинского. Тифлис, 1896; с. 2—3.

⁸ Пурцеладзе Д. Грузинские крестьянские грамоты. Тифлис, 1882, с. 58—59.

⁹ АКАК, т. I, с. 481.

¹⁰ Материалы по истории Грузии и Кавказа, т. IV, Тбилиси, 1937, с. 305.

¹¹ История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX в., М., 1958. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Сб. документов. Махачкала, 1959.

¹² АКАК, т. I, Тифлис, 1866, с. 657.

говорится, что «анцухские, капучинские и карахские жители просят о позволении производить торговлю с Грузией». ¹³ «Принимая в уважение представление в просьбе о надобности,— сказано в документе,— возобновить торговлю в Грузии Анцухских, Капучинских и Карахских народов, изъявляю мое на торг сей согласие». ¹⁴ П. Д. Цицпанову один из дагестанских владельцев писал: «Прошу покорнейше пожаловать мне вид, вашу печатью утвержденный, дабы со стороны моей из трех селений Хунза, Баклолала и Каралала могли ездить для торговли..., как они и прежде езжали». ¹⁵ В предписаниях ген. Торماسова ген.-майору Ахвердову говорится, что «Сугурийские и Маламийские лезгины от обществ своих прислали с просьбой народных о дозволении им производить с Грузиею свободную торговлю и вести дружбу и что в залог своей верности доставили от обоих обществ 3-х аманатов». ¹⁶

Подобных обращений было немало. Горцы целыми обществами обращались с просьбой о разрешении торговли в Грузии, о крайней необходимости которой для них свидетельствуют документы, в частности следующий: «При том доносим вам о том, что мы в таком унынии, как голубь унывает при удалении детей так воспрещено караванам нашим ездить туда без всякой со стороны нашей вины...». ¹⁷ Из предписания ген. Ермолова грузинскому губернатору видно, что при запрете властей дагестанским горцам торговать в Грузии, они тайно привозили сюда товары для торговли ими. ¹⁸

С просьбами о сохранении и в дальнейшем дагестано-грузинских торговых связей к русским властям обращались правители Дагестана и Грузии. Так, Аварский хан обратился к князю Цицианову относительно разрешения западнодагестанскому населению ездить в Грузию для торговли, как прежде, ¹⁹ а в начале XIX в. с аналогичной просьбой к ген. Ртищеву обратился кара-

---

¹³ АКАК, т. I, Тифлис, 1866, с. 762.

¹⁴ АКАК, т. II, Тифлис, 1868 док. 1543.

¹⁵ АКАК, т. II, Тифлис, 1868 док. 1543.

¹⁶ АКАК, т. IV, Тифлис, с. 599.

¹⁷ АКАК, т. II, с. 16; т. VII, с. 206.

¹⁸ ЦГИА Грузинской ССР (далее ЦГИА ГССР), ф. 2, оп. 1, 2573, л. 2.

¹⁹ АКАК, т. II, с. 755.

тинский старшина Курбан.²⁰ За разрешением пустить аварцев в Грузию «для исправления торговых надобностей»²¹ к ген. Ртищеву обращался и султан Ахмед-хан. Часто такие просьбы удовлетворялись. В ответ на просьбу Ансалтинского общества торговать в Грузии ген. Ртищев писал: «Просьбу вашу о дозволении вам беспрепятственно ездить в Грузию по торговым делам я получил. Я охотно позволю вам отправлять в Грузию ваши купеческие караваны...»²² Как свидетельствует документ, в Грузию следовали торговые караваны, везшие изделия на 124 лошадях, в том числе бурок 2990 (на 7562 руб.), ружей — 8, пистолетов — 9, лезгинского сукна черного и белого.²³

Заинтересованность правителей Дагестана и Грузии в сохранении и расширении торгово-экономических связей следует объяснить нуждой обеих сторон, в тех или иных товарах, предметах ремесленного производства. Так, например, предметы торговли дагестанских горцев имели большой спрос у кахетинской знати, даже у царя. По показаниям царевны Катеваны Ираклиевны, в Кахетии «из привозимых лезгинами товаров 5-я часть подносилась царю».²⁴ Горцы Дагестана продавали в Грузии овечьи шкуры, масло и другие предметы скотоводческого хозяйства. Популярностью пользовались у кахетинского населения и изделия ремесленного производства, привозимые из дагестанских аулов.

Сулевкентцы, балхарцы, как и другие дагестанские кустари, свои изделия вывозили в Дербент, откуда они расходились по Кавказу. Изделия кумухцев из металла и кости проникали и в Тифлис.²⁵ Дидойцы из липы тушинских лесов выделявали деревянную посуду и продавали в кахетинских селениях.²⁶ Внешняя торговля кумыков, аварцев, лакцев, лезгин и других дагестанских народностей ориентировалась не только на Россию, Кабар-

---

²⁰ ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2035; АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 613.

²¹ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 610.

²² АКАК, т. V, с. 614.

²³ ЦГИА ГССР, ф. 2, оп. 1, д. 903, лл. 18—19.

²⁴ АКАК, т. I, с. 210.

²⁵ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. III, отд. III. М., 1859, с. 29; Иванов А. С., Кильчевская Э. В. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

²⁶ Воронов Н. И. Указ. соч., с. 14.

ду, Осетию, но также на Закавказье,²⁷ конкретно — на Грузию.

Торгово-экономические связи дагестанских народов и грузин и в данный период, как и в предыдущие века, имели взаимовыгодное значение, о чем свидетельствуют разнообразные архивные материалы.²⁸ Шанше Эристави просил Цицианова открыть дорогу в Дагестан.²⁹ Следует отметить также, что Дагестан и теперь играл важную роль в торговых связях Грузии со многими кавказскими народами и Россией. Дагестан не мог не оказаться в водовороте экономических отношений Российской империи с другими государствами. «Главная здесь (в Грузии — М. Г.), — говорится в документе, — внешняя торговля производится с Турецкой империей, Персией, Индией и Бухарией, равным образом с Дагестаном, осетинами и с разными другими соседними горскими народами».³⁰

Часто приезжали в Дагестан грузинские купцы. В отношении грузинского купца первой гильдии М. Ломидзе говорилось о том, что «им куплены из различных кумыкских деревень тамошнего производства неподверженные зачумлению как-то: краски, марена, мука, пшено, сушеные фрукты на немалую сумму».³¹ Как известно, Дагестан издавна славился производством марены, пользовавшейся большим спросом у соседних народов.

В расширении связей Грузии с Дагестаном важную роль играли тбилисские армяне. Касаясь торговли Грузии с соседними странами и перечисляя предметы, которые вывозились из Тифлиса, Бурнашев писал: «Почти все кавказские народы и все соседи пользуются от трудолюбия армян».³² В связи с хозяйственной и торговой деятельностью в документах фигурируют «грузинские армяне», которые составляли на Северном Кавказе многочисленную группу поселенцев. Они являлись выходцами из Грузии. «Грузинские армяне» энергично уча-

²⁷ Гаджиева С. Ш. Указ. соч., с. 102.

²⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 68, лл. 40—53. Цит. по книге Кавказский этнографический сборник, т. II, М., 1958, с. 143.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1448, д. 9270, л. 115.

³⁰ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 238.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 2, д. 293. Документ любезно предоставил доктор исторических наук М. Шигабудинов.

³² Уч анейшвили Д. К вопросу об экономическом развитии восточной Грузии во второй половине XVIII в. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. V, Тбилиси, 1937, с. 398.

ствовали в сельском хозяйстве и торговле, нередко встречались среди военных и гражданских чинов. Особенно ярко проявляли они себя в торговле, внося некоторую лепту во взаимоотношения Грузии с дагестанскими народами. Через Грузию дагестанские горцы получали многие изделия русского производства. По данным источников, из Грузии в Дагестан вывозили «бурметы всякого сорта, кумач, аладжа, бумажный холст, выбойки, русское сукно на кушаки, разные шелковые материи и красную медь в посуде состоящую». ³³

Из изделий дагестанских горцев большой спрос в Грузии имели андийские бурки, которые служили одним из главных предметов торговли между Дагестаном и Грузией. Кроме бурок, из дагестанских аулов в грузинские села вывозили сукна различного качества. Дагестанцы продавали в Грузии и оружие, известное в Грузии как лекури, изделия из дерева, предметы женского рукоделия. ³⁴ В наиболее тесных связях с Грузией находились аварцы, лакцы, рутулы, цахуры и др. Горцы Дагестана, как сообщает Вахушти, «спускались в Кахетию по торговым делам, ибо из Кахетии они вывозят жизненные припасы, одежду и все потребное для себя». ³⁵

В Кахетию дидойцы ездили в основном для покупки хлеба, ³⁶ а также на летние работы. ³⁷ О торгово-экономических связях дидойцев с кахетинским населением академик И. А. Гюльденштедт писал: «Они (дидойцы — М. Г.) ткут толстое сукно и делают из него кафтаны, за кои как и за войлоки и овцы покупают в Кахетии бумажные материи и другие надобности». ³⁸ Согласно его же данным, дидойцы выменивали себе в Кахетии серу. ³⁹ Жители общества Антль-Ратль, в частности анцухцы и капучинцы, покупали хлеб также в Кахетии, ⁴⁰ а избытки своих товаров — шали, сукно, ковры и паласы про-

---

³³ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 334.

³⁴ Орджоникидзе Э. А. Указ. соч., с. 30.

³⁵ Вахушти Б. География Грузии. Записки кавказского отдела ИРГО, кн. 24, вып. 5, с. 131.

³⁶ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. т. I, кн. 1, СПб, 1871, с. 504.

³⁷ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 930.

³⁸ Гюльденштедт И. А. Описание Грузии и Кавказа в 1770, 71, 73 гг. СПб, 1809, с. 128.

³⁹ Там же, с. 490.

⁴⁰ Там же, с. 491.

давали в Кахетии.⁴¹ Регулярные экономические связи анцухцев и капучинцев с Кахетией отразились в лексике носителей этих языков. Большой спрос не только в Дагестане, но и в Закавказье имели каратинские сукна. В обмен на эти изделия каратинцы в Кахетии покупали красный товар, соль, железо и прочее.⁴² Ремесленные изделия — сабли из стали, медная посуда, ткани и одежда, изготовлявшиеся в Тбилиси, Телави, Сигнахи и других городах Грузии, были широко известны в других странах Кавказа.

«Рынки Грузии,— как отмечает В. Н. Гамрекели,— оказывались теми пунктами, где происходил стык торговых связей, они являлись центрами торговли Восточной Грузии с народностями Северного Кавказа. Телави, Шилда, Кварели, Гавази, Сигнахи и др. находились на территории смежной с Дагестаном».⁴³ В некоторых городах, как например в Телави, имелись лавки и с лезгинскими (дагестанскими — М. Г.) товарами.⁴⁴ Дагестанские народы не ограничивались торговлей в пограничных с Дагестаном восточных городах Грузии и часто ездили в Тифлис,⁴⁵ который представлял собой главный рынок не только Грузии, но и Кавказа.

В городе находились многочисленные караван-сарай.⁴⁶ Еще в 1770 г. князь А. Р. Моуравов первому министру Н. И. Панину писал: «Из Персии, Турецкой области, Дагестана и других горских народов ездят туда (в Тифлис) и торгуют».⁴⁷ В письме жителя Тифлиса говорилось о прибытии «каравана леков» с товарами. Дагестанские горцы на армянском базаре в Тифлисе продавали сукно собственного производства.⁴⁸ «Сегодняшний день,— читаем в рапорте ген.-м. Лазарева от 10 ок-

⁴¹ Там же, с. 203.

⁴² Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР (далее РФ ИИЯЛ), ф. 1, оп. 1, д. 296, с. 204.

⁴³ Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в., Тбилиси, 1968, с. 29.

⁴⁴ Гюльденштедт И. А. Указ. соч., с. 222.

⁴⁵ АКАК, т. V, с. 332.

⁴⁶ Бакрадзе Д. и Берзенов Н. Тифлис в историческом и этнографическом отношениях. СПб, 1870, с. 115.

⁴⁷ История Осетии в документах и материалах (с древн. времен до конца XVIII в. Состав. Г. Д. Тогошвили, И. И. Цховребов, ч. I, Цхинвал, 1962, с. 280.

⁴⁸ Бакрадзе Д. и Берзенов Н. Указ. соч., с. 110.

тября 1802 г., — прибыло в город (Тифлис — М. Г.) 102 человека лезгин с прошением для торга». ⁴⁹ В предписании ген. Торماسова сказано о выдаче 97 лезгинам билетов для торговли в Тифлисе бурками. ⁵⁰ В отношении ген. Торماسова Султан-Ахмеду говорилось, «что же касается отправленного вами каравана... то я ...приказал впустить оный в Тифлис, дать право на свободную торговлю». ⁵¹ Количество товаров, привозимых дагестанскими горцами в Тифлис, не уступало количеству, привозимых ими же товаров в Дербент. ⁵² Поездки в Тифлис были сопряжены с более значительными торговыми операциями. ⁵³ Здесь горцы не только приобретали, но одновременно и продавали собственные товары.

Значительную роль в развитии грузино-дагестанских торгово-экономических связей играли ремесленные центры Дагестана — Тарки, Кумух, Кубачи, Балхар, Эндери. Одним из оживленных торговых центров на территории нагорного Дагестана, куда стекались торговцы из соседних областей, в том числе и из Грузии, был аул Анди. Предметами торговли здесь служили лошади, оружие, привозимое из Кубачи, Персии, Турции. ⁵⁴ Главным товаром, производимым в Андах, были бурки, которые славились не только в Дагестане, но и среди соседних народов, в том числе и среди грузин. Андийские бурки, как свидетельствуют источники, были самыми лучшими в Азии. Они имели большой спрос в Персии, Грузии и в других соседних странах. ⁵⁵ «Андийцы, — говорится в документе, — занимаются с большим успехом торговлею с Грузией». ⁵⁶ «В Анди ежегодно выделывалось до 8 тысяч бурок, — писал Н. Дубровин. — Сюда съезжались торговцы, которые, закупая андийские бурки, отправляли их на линию в Тифлис, а андийцы взамен их получали красный товар, оружие, железо, соль и кукурузу». ⁵⁷ Как пишет Т. Е. Кумыков, в горах преимущественно пользова-

---

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 16, оп. 1, д. 53, л. 2.

⁵⁰ АКАК, т. IV, с. 601.

⁵¹ АКАК, т. IV, с. 611.

⁵² РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 10.

⁵³ Гамрекели В. Н. Указ. соч., с. 29.

⁵⁴ Дубровин Н. Указ. соч., с. 509.

⁵⁵ История, география и этнография Дагестана, с. 226.

⁵⁶ Там же, с. 291.

⁵⁷ Дубровин Н. Указ. соч., с. 500; АКАК, т. V, Тифлис, с. 334.

лись красные товары, привозимые из Грузии.⁵⁸ Торговля индийскими бурками и дагестанским сукном приносила большие доходы Грузии. От привозимых дагестанцами товаров — бурок и сукна — грузинская казна получала 3000 р. серебром.⁵⁹

Целые дагестанские общества славились изготовлением шалей (сукон) войлока, шерстяной обуви. Из Дагестана в Грузию вывозилось сукно разных цветов, в основном темного. Количество вывозимого сукна, по свидетельству источников, было значительным, на одежду всех обитателей Грузии.⁶⁰ Кроме того, из Дагестана в Грузию поступали «попоны для лошадей и покрывала для выюков, шкуры куньи и лисьи, воск и шелк — сырец».⁶¹

Крупным торгово-ремесленным центром Дагестана в XIX в., игравшим важную роль в связях дагестанских народов и грузин, были и Эндери, куда собирались торговые люди не только из всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т. д. Этот аул служил воротами, ведущими на плоскость.⁶² Неизвестный автор начала XIX в. писал, что в сел. Эндери «каждую пятницу бывает базар, и на самом малочисленном находится всегда до 1500 человек из других мест... Там живут армяне, жида и имеют торг со всеми горцами».⁶³ Эндери «вел обширную торговлю с Персией, Черкесией и Крымом».⁶⁴ Здесь были целые кварталы, населенные свреями и армянами. Помимо всего прочего Эндери был крупным невольничьим рынком Северного Кавказа, где велась оживленная работоторговля, являвшаяся одной из доходных статей торговли. «Эндерийская деревня, — как отмечает С. М. Броневский, — по местоположению своему будучи, так сказать, воротами между горами и долинами, сделалась сборным местом и главной в сей

---

⁵⁸ Кумыков Т. Е. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962, с. 71.

⁵⁹ АКАК, т. V, с. 335.

⁶⁰ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 334.

⁶¹ Там же.

⁶² Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961, с. 101.

⁶³ Краткая записка о горских народах. Северный архив, т. XXII, № 13. 1826, с. 29.

⁶⁴ Семенов Н. Обитатели Кумыкской плоскости. Терский сборник, вып. I, Владикавказ, 1890, с. 169.

стране ярмаркой для торга пленниками, высылаемыми из Дагестана и Лезгистана». ⁶⁵

В Грузию, как и в остальные соседние области Кавказа, из Дагестана поступало и «оружие всякого рода в серебряной оправе с позолотой и без оной». ⁶⁶ Как известно, Дагестан издавна славился производством огнестрельного оружия. Основным занятием кубачинцев была «серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцири, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в Турецкой земле славно и такое оружие с охотой покупают». ⁶⁷ «Кубачинцы,— говорится в архивном документе,— в Закавказье ввозили свои изделия». ⁶⁸

Дагестанские горцы — дидойцы, анцухцы, капучинцы, цахуры, рутулы и др. уходили в Кахетию и выполняли различные земледельческие работы. С давних пор поддерживали тесные связи скотоводы Дагестана и Восточной Грузии. Как пишет И. А. Гюльденштедт, общества высокогорного Дагестана (Анцухи, Дидои) свой скот зимой пасли на Алазанской долине и сами проживали здесь. ⁶⁹ До начала весенне-летних работ и осенью, после уборки хлебов, дагестанские горцы уходили на заработки в различные грузинские села и города.

Значительную роль в торгово-экономических связях народов Дагестана и Грузии продолжал играть и город Дербент — крупный торгово-экономический центр межкавказского значения. Как прежде, он служил складочным пунктом, куда сбывали дагестанцы предметы своего производства и откуда получали различные товары у грузинских, армянских, азербайджанских купцов. ⁷⁰

Здесь были сосредоточены ремесленники более чем пятнадцати отраслей, ⁷¹ а также различные заводы. ⁷² Предметы, изготовлявшиеся здесь, имели большой спрос в Грузии. Причем связь Дербента с Грузией осуществ-

---

⁶⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. II, с. 197.

⁶⁶ АКАК, т. V, Тифлис, 1873, с. 334.

⁶⁷ РФ ИИЯЛ, ф. I, оп. I, д. 297, лл. 53—54.

⁶⁸ РФ ИИЯЛ. Документальные материалы, выявленные проф. В. Г. Гаджиевым в ЦГИА, ф. I, оп. I, д. 316, л. 42.

⁶⁹ Гюльденштедт И. А. Указ. соч., с. 488, 491.

⁷⁰ Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728 г.— В сб.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958, с. 86.

⁷¹ Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851, с. 322.

⁷² Там же, с. 322.

лялась не только по территории Азербайджана, но и по путям через Ахты, Кумух, Бежта и другие торгово-ремесленные центры Дагестана. В конце XVIII — начале XIX в. здесь в больших масштабах⁷³ выращивался шафран, имевший спрос у закавказских народов. Сюда горцы вывозили сукна, бурки, ковры, паласы, оружие, простой табак, тулупы, овчинный войлок, масло, медь⁷⁴ из различных торгово-ремесленных центров Дагестана — Кубачей, Кумуха, Анди, Ахты и др. Во все эти пункты дагестанского обмена вели торговые пути, один из которых соединял Нуху с портами Черного моря. Это так называемый «Шекинский путь» или «Анапская дорога», который шел через Ахты, Кази-Кумух, Согратль, Талитль, Голотлинский мост, по Аварскому Койсу, Анди. Здесь переваливал он в Чечню и через Кабарду выводил к портам Черного моря.⁷⁵ Следует отметить также, что Дербент был связан и с городами Азербайджана, Ирана и Турции, а также с Кизляром, Астраханью, в которых часто бывали грузинские торговцы. Все это в свою очередь содействовало расширению дагестано-грузинских взаимоотношений. Астраханский губернатор писал, что шелк поступает в «Астрахань сухопутно и помимо таможен. Его доставляли из Шеки, Шемахи, Дербента, Баку жители магометане (азербайджанцы), а также армяне и грузины»...⁷⁶ В описании Артемия Араратского говорится, что купец с семьей, проживающий в Тбилиси, в 1795 г. везет товар из Тавриза через Тбилиси для продажи «в первом пограничном с Грузией городе Балакане» (за р. Алазань) с тем, чтобы там купить шелк и этот шелк отправить через Андреев-Эндери и Кизляр в Астрахань».⁷⁷

Большую роль в торгово-экономических связях Дагестана и Грузии в XVIII — нач. XIX в. играли Джаро-Белоканские вольные общества. Основными предметами обмена здесь являлись продукты земледельческо-скотоводческого хозяйства: пшеница, кукуруза, сыр, масло, овчинный войлок и предметы домашнего производства. В

⁷³ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3, СПб, 1785, с. 82.

⁷⁴ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 10.

⁷⁵ РФ ИИЯЛ, д. 63, л. 4—5.

⁷⁶ Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в., М., 1966, с. 84.

⁷⁷ Гамрекели В. Н. Указ. соч., с. 75.

торговых центрах Джаро-Белокавказских обществ шла довольно бойкая торговля между дагестанскими и кахетинскими торговыми людьми. Джары и другие жители у кахетинцев покупали пшеницу и кукурузу,⁷⁸ в Дагестане они приобретали оружие, бурки, сукна и пр. Сорочинское пшено вывозили в Кахетию «лесгинцы из округа Джара и брали за цитру по 15 и 18 коп.»⁷⁹ Торгово-экономические связи дагестанские горцы и грузины, как и раньше, поддерживали не только в торгово-ремесленных центрах Дагестана и Грузии, но и Азербайджана, Армении и Северного Кавказа — Шемахе, Ереване, Гяндже, Джульфе, которые являлись важными узлами международной торговли.

Крупным торгово-экономическим центром был Шемаха, откуда поступали в Дагестан закавказские изделия. Сюда привозили товары грузинские и армянские купцы, в свою очередь, дагестанцы в Шемаху привозили мед, плоды, виноградное вино, коровье масло, марену, бурки, сукна и т. д.

В торгово-экономических связях Дагестана с Грузией значительной была и роль Нухи, где безвыездно жили грузинские купцы, занимавшиеся торговлей с дагестанскими горцами. Нухинский рынок обслуживался кубачинцами, казикумухцами, аварцами, андалалцами и другими горскими народностями. «Наиболее бойкая спекуляция дагестанскими товарами происходила, — пишет П. П. Альферьев, — в Нухе, откуда горские товары доходили не только до Ширвана, но шли также через Баку в Персию, Турцию и по всему Закавказью».⁸⁰

Торговые связи Дагестана и Грузии еще более расширились в связи с усилением влияния Российской империи на Кавказе и вхождением их в состав России.

Сближение с Россией также содействовало дальнейшему расширению дагестано-грузинских торгово-экономических связей, ибо по территории Дагестана пролегли удобные торговые пути, связывающие Грузию с Россией. В свою очередь, транзитная торговля грузинскими и русскими товарами доставляла большие выгоды дагестанским торговцам.

Роль России в торгово-экономических связях Дагестана и Грузии и роль Дагестана в русско-грузинских экономических взаимоотношениях этим далеко не исчер-

---

⁷⁸ Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 54.

пывається. Усилення ея спосабоствавало возшкнповенню новых торгово-ремесленных центров на Северном Кавказе, послуживших развитию торговых связей кавказских народов между собой и с Россией. Одним из таких центров на Северном Кавказе был Кизляр. Население его состояло из грузин, армян, русских. Сюда приезжали по торговым делам горцы со всех концов Кавказа. Они привозили для продажи (обмена) сельскохозяйственные продукты и различные товары ремесленного производства: из андереевских и костековских деревень — аладжу бумажную; из Шемахи — бурмет, бязь, басму, выбойки, жежим, изарбаты, кутни; с гор — армузы, айву, бурметы, хлопчатую бумагу, бязь, басму, воск, груши, горох персидский, гранаты, ковры, кувшины, марену, медь, одеяла, пшено сарачинское, посуду глиняную, сукна, шубы, шапки; из Дербента — бурметы, басму, выбойки, занавесы, канаваты; из Тифлиса — бурметы, бязь, басму; из Кабарды — бураки, башмаки, башлыки, выбойки, колеса, носки, орехи грецкие, овчины, табак, шкуры, шелк.⁸¹ О торгово-экономическом значении Кизляра говорит и факт значительного количества лавок. число их достигало 250.⁸² Кизлярские грузины включились в торговую деятельность с первых же лет основания крепости Кизляр.⁸³ Помимо приезжих торговцев-грузин, здесь находились и старожилы-грузины, число которых составляло свыше 800.⁸⁴ В свою очередь кизлярцы наводнили своими торговыми агентами все ущелья гор.⁸⁵ Среди них, несомненно, были и грузины. С кизлярскими грузинами регулярные связи поддерживали дагестанские народы, в первую очередь кумыки, которые привозили марену, шерсть в обмен на товары, предлагаемые грузинами.⁸⁶ В Кизляр для торговли из России

---

79 Гюльденшдент И. А. Указ. соч., с. 195.

80 РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 9.

81 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г., ч. 1, СПб, 1869, с. 354—355; Зубов П. Картина кавказского края..., ч. 1, СПб, 1835, с. 101.

82 Зубов П. Указ. соч., ч. II, СПб, 1835, с. 87.

83 ЦГА ДАССР, ф. Кизлярского коменданта за 1736 г., д. 3954, л. 37.

84 Бутков П. Г. Указ. соч., с. 156.

85 Алферьев П. П. Дагестанская торговля и торговый капитал перед газаватом. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 15.

86 Шидловский Ю. Записка о Кизляре. ЖМВД, 1843, кн. II, с. 175; История, география..., с. 135.

привозилась «водка французская, сахар в головках, холст, железо, рыба кость, мягкая рухлядь, краски, бархаты, шелковые и бумажные товары, серебро и золото сученое, медь и сталь в кусках и в изделиях, чугуны, мыло, чай, писчая бумага, ртуть, свинец, зеркала, холст и т. д.». ⁸⁷

По сведениям путешественников в начале XIX в. по интенсивности торговли Кизляр превосходил остальные города Кавказа. Он поддерживал отношения с Астраханской, Нижегородской, Екатеринодарской, Харьковской, Курской и другими губерниями, с горскими и закавказскими народами. ⁸⁸ Транзитный торговый путь связывал дагестанские торговые центры с закавказскими городами и Кизляром. ⁸⁹

Кизляр служил рынком для торговли между Грузией и всеми областями Кавказа. ⁹⁰ Отношения между Кизляром и Тифлисом были самыми оживленными. Купцы «Грузинской державы» (по терминологии таможенных ведомостей) нередко жили в Кизляре весьма длительные сроки. ⁹¹ Значительная часть дагестанских аулов тесными экономическими узами была связана с Кизляром. Это Аксай, Эндери (Андрей), Костек, Черкей, Тарки, Цудахар, Унцукуль, Карабудахкент, Ашиты и др. ⁹² Как свидетельствуют источники, в ауле Эндери, который в конце XVIII — начале XIX в. был крупным торгово-экономическим центром, ⁹³ существовал большой базар, куда приезжали кизлярские и другие купцы, привлекая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных торцев». ⁹⁴ Из Андреевской деревни в Кизляр выво-

⁸⁷ Зубов П. Указ. соч., с. 102.

⁸⁸ Заблоцкий П. Путевые записки из Астрахани через Кизляр в Баку в 1835 г. М., 1836, ЖМВД, СПб, 1838, № 7, с. 12.

⁸⁹ РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 63, л. 5.

⁹⁰ Выдержки из книги Жан-Шарля де Бесс «Путешествие по Крыму, Кавказу, Армении, Константинополю и Малой Азии в 1829—1830 гг., относящиеся к Дагестану. Париж, 1838, перевод с франц. РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 229, л. 9; Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966, с. 75.

⁹¹ Маркова О. П. Указ. соч., с. 78.

⁹² Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Документы подобрал, подготовил к печати и предпослал им исследован. В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1968, с. 145—152, 160—167, 176—180, 183—188, 191.

⁹³ История, география, этнография Дагестана. М., 1959, с. 72; Челеб и Э. Указ. соч., л. 96.

⁹⁴ Там же, с. 72.

зили бурки, паласы, ковры, овчины, мед, воск, кинжалы, ложи, ножницы, продукты и прочие ремесленные изделия, пользовавшиеся большим спросом торговцев Грузии, живших в Кизляре. Андреевская деревня была крупным центром и работоторговли. Проданные здесь рабы увозились в города Грузии и оттуда в Восточные страны. Так, например, рабов из Андреевской деревни отправляли «в Анапу, Сухум-кале, Поти, Батум, а также оттуда через турецких купцов — в Константинополь и Египет». ⁹⁵ Связь с Кизляром поддреживали и другие дагестанские аулы. Он становится транзитным пунктом, связывающим города России с торговыми центрами Закавказья — Баку, Шемахой, Тбилиси, Ереваном, а также Северного Кавказа — Дербентом и др. Туда отправлялись партии товаров с Нижегородской ярмарки через Волгу до Астрахани, а оттуда сухим путем через Кизляр — Владикавказ, Тифлис, в Песию. ⁹⁶ С возникновением Грузинского квартала (слободы) ⁹⁷ и Окочирского квартала в Кизляре в начале XIX в. торговые связи Дагестана с Грузией расширились.

Значительную роль во взаимоотношениях народов Кавказа играли Терский город, возникший у устья Теке на его притоке Теменке в 1588—89 гг., ⁹⁸ и старинный город Астрахань. В Терском городе имелись гостиные дворы, торговые ряды и лавки, принадлежавшие как горцам, проживающим в городе, так и приезжим купцам из Дагестана, Грузии и других областей. Здесь происходила оживленная меновая торговля. Из Грузии, Дагестана и Северного Кавказа привозились сюда продукты земледельческо-скотоводческого хозяйства, изделия ремесленного производства. Наряду с еженедельными двумя базарами, стал собираться и конский базар.

Важными центрами, сыгравшими большую роль в экономических связях дагестанцев и грузин были крепости Святой Крест, Татартун. Число грузин и армян, поселившихся при креп. Св. Крест для торговли, доходило

---

⁹⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, т. II, М., 1823, с. 197.

⁹⁶ Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России, СПб, 1835, ч. I, с. 151.

⁹⁷ Шидловский Ю. Указ. соч., с. 175; Гюльденштедт И. А. Указ. соч., с. 21. Жители кумыкской деревни Окочир поселились в Кизляр.

⁹⁸ Очерки по истории СССР XVII в. М., 1955, с. 913.

до 450 семей.⁹⁹ В Астрахани постоянно торговали грузинские, армянские и среднеазиатские купцы. Из Дербента в Астрахань «привозили сорочинское пшено, шелковые ткани и мелкие товары для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте».¹⁰⁰ В постоянных связях с Астраханью находились и шамхалы. Восточные товары — грузинские, азербайджанские, армянские, иранские в Астрахань поступали в основном транзитным путем через Дагестан. Предметами торговли в Астрахани были нефть, соль, шафран, шелк-сырец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, ковры, верблюжья шерсть, кожа, скот, рыба, икра, фрукты и сухофрукты, хлеб, медная посуда, оружие и другие товары.¹⁰¹

Горцы Дагестана поддерживали непосредственную связь с Астраханью, где в рассматриваемое время была сосредоточена часть грузинских торговцев, которые привозили различные товары, имевшие большой спрос у горцев. Об этом свидетельствуют многочисленные источники, в частности архивные документы.¹⁰² В свою очередь из Дагестана в Астрахань отправлялись купцы с товарами местного производства,¹⁰³ в числе которых было и вино, «подобное Португальскому и Мадерскому».¹⁰⁴

Авария, Кахетия, Кабарда поддерживали экономические связи и в Сунжинском, Койсинском городах. Большую роль в этой связи играл Сунженский перевоз, через который и велись торговые операции между Дагестаном и Грузией, проходили ценные торговые караваны. Словом, по всей русской границе, по всей так называемой Кавказской линии проходила оживленная торговля местного населения с русскими купцами и кавказских на-

---

⁹⁹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. III, СПб, 1819, с. 56.

¹⁰⁰ Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России. СПб, 1838, т. I, с. 83.

¹⁰¹ Армяно-русские отношения в XVII в.— Сборник документов под ред. проф. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953, с. 117—118, 175, 176; Мамедов С. А. Торгово-экономические связи азербайджанского и армянского народа. Известия АН Арм. ССР, серия общественных наук № 12, 1965, с. 87.

¹⁰² Русско-дагестанские отношения в XVII — первой четв. XVIII в. Документы и материалы, изданные Р. Г. Маршаевым. Махачкала, 1958, с. 208—209, 206—219.

¹⁰³ Указ. соч., 201—205.

¹⁰⁴ Соимонов Ф. И. Описание Каспийского моря. СПб, 1763, с. 351.

родов между собой. Предметами торговли были: шелк, верблюжья шерсть, скот, рыба, вино, фрукты, хлеб, соль, кожи и пр.¹⁰⁵

Данные письменных источников, архивных материалов, а также путешественников, свидетельствующие о торгово-экономических связях народов Дагестана и Грузии, подкрепляются полевыми материалами, собранными в районах восточной Грузии. Как сообщают старожилы, дагестанское и грузинское население жило мирно, когда между собой враждовала феодальная знать.

В дагестанских аулах жили грузины, бежавшие сюда от угнетателей, феодалов или захваченные дагестанскими владетелями в качестве пленников во время их набегов в Грузию. Среди них были и кровники, скрывавшиеся в дагестанских горах. Такими же путями попадали представители дагестанских народов в Грузию, в особенности в Кахетию.

В грузинских селах, городах жили ремесленники, выходцы из Дагестана. Совместная жизнь горцев Дагестана и грузин в одних и тех же населенных пунктах способствовала дальнейшему расширению связей между дагестанским и восточногрузинским населением. По словам старожилков, дагестанцы ввозили в Грузию масло, сыр, мясо, баранов, из Грузии вывозили в Дагестан фрукты, кукурузу и пр. Частыми гостями были грузины и дагестанцы друг у друга. Особенно тесными были связи скотоводов Грузии и Дагестана, встречавшихся в долинах Алазани и альпийских лугах Дагестана.¹⁰⁶

В результате расширения русско-грузинских связей в грузинский язык вошли некоторые русские термины. В свою очередь тесное экономическое общение дагестанских горцев с грузинами, способствовало проникновению в некоторые языки народностей западного Дагестана (в анцухский диалект) через грузинский язык русских слов, как например, *პაპიროსი* (папиросы), *ტაკანი* (стакан), *აკლოშკა* (рама), *კარტოცელი* (картофель), *კომპოსტი* (капуста).¹⁰⁷

---

¹⁰⁵ Институт рукописей им. акад. К. С. Кекелидзе, ф. Ros, д. 29; Цагарели А. А. Указ. соч., с. 45; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. М., 1958, с. 11.

¹⁰⁶ Полевой материал, собранный в с. Верхн.-Алвони Ахметского района ГССР, сообщение Муштаули Иванн.

¹⁰⁷ Бокарев Е. А. Цезские (диодийские) языки Дагестана. М.,

Вместе с тем, на развитие дагестано-грузинских экономических взаимоотношений отрицательно влияли возникавшие между правителями Дагестана и Грузии феодальные распри, которые отвлекали трудовой народ от мирного занятия и вовлекали в столкновения. Кроме того, развитию отношений дагестанских народов с грузинами мешала политика царизма, запрещающая торговать горцам в областях Закавказья. На привозимые дагестанскими горцами товары были установлены высокие пошлины. Вот некоторые статьи: «1). Лезгинцы за привезенные им бурки, сукна и шаровары пошлии не взносят, но купивший у них, когда вывезет отсель с каждой бурки платит в пошлины 20 к. для караулов смотря на выюк. 2). Кто, купив у лезгинцев или у горских жителей, вывезет зипун, шитой набольшой рост и большой конец сукна, то с каждой штуки берется в пошлину 10 к. 3). С вывозимых аварских сукон, также других малых концов сукон и детских зипунов берется в пошлину с каждой штуки 5 к., да для караулов смотря на выюк».¹⁰⁸

Серьезной помехой в развитии экономических взаимоотношений народов Дагестана и Грузии было плохое состояние дорог или вовсе бездорожье. Общение дагестанского и грузинского населения осуществлялось в основном по горным перевалам: Кодорскому, Вантлашетскому.

По сообщениям старожил из Нижней Алвони (Нускадандзе Р. и др.) население восточной Грузии и Дагестана общалось по маршруту: Ботлих — Цумада — Нижн. Хваршини — Верх. Хваршини — Меттерата — Хушет — Дикле — Шенако — Умало — Хиссо — Пицрис-чала (назв. местности) — перевал Абано — Лечури — Птавели — Лалискури — Алвони. Существовали и другие пути сообщения.

Весь изложенный материал достаточно убедительно свидетельствует о тесных торгово-экономических связях народов Дагестана и Грузии в рассматриваемый период. Экономические взаимоотношения как и прежде не были односторонними. Они отражали интересы дагестанского и грузинского населения. В зависимости от внутривосточного и внешнеполитического положения Дагестана

---

¹⁰⁸ Показание, с каких вещей какие берутся пошлины при вывозе оных. Материалы по истории Грузии и Кавказа, IV вып. 1937, с. 306.

и Грузии, а также сложившейся на Кавказе международной обстановки, экономические связи не всегда были равномерными. Иногда они прерывались феодальными набегами, столкновениями, войнами. Набеги феодальных правителей, старшин, союзов сельских общин и мирные экономические связи существовали при преобладании последних, т. е. мирных, взаимовыгодных связей для дагестанского и грузинского населения. В развитии торгово-экономических связей народов Дагестана и Грузии главную роль сыграли торгово-ремесленные центры: Дербент, Тарки, Анди, Андрей-аул, Кумух, Ахты, Рутул, Тифлис, Телави, а также торговые центры Северного Кавказа — Терский город, Астрахань, Кизляр, Закавказья — Шемаха, Нуха и др. В торговых связях народов Грузии и России большую роль играл Дагестан. Грузия, со своей стороны, была посредницей в экономических связях Дагестана с народами Кавказа.

Дагестано-грузинские экономические связи осуществлялись не изолировано, а в тесной связи с экономическими отношениями остальных народов Кавказа, России, Ирана, Турции. Турецкие, персидские, английские, французские и другие импортные товары через Грузию, Азербайджан и Армению проникали на Северный Кавказ и сбывались местными и иностранными купцами.

Дагестано-грузинские экономические связи способствовали дальнейшему развитию производительных сил Дагестана и Грузии.

РОЛЬ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

(к историографии вопроса)

В оценке дворянскими историками участия донского казачества в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина с особенной силой сказалось общее отношение их к этой группе населения юго-восточной окраины России.

Восстание С. Разина характеризовалось прежде всего как движение донского казачества. Но само казачество рисовалось как враждебная государству и недостойная уважения группа людей, которая тем и жила, что постоянно «бунтовала», «разбойничала» и «грабила». «Скопищем бродяг, живущих разбоем и грабежами» называл их А. И. Ригельман (XVIII в.).¹ Н. М. Карамзин также видел в донских казаках прежде всего бродяг, постоянно искавших «дикой вольности и добычи»,² а в сочинении дворянского историка 30-х гг. XIX в. Вл. Броневского донская казачья «вольница» рисовалась «беззаконной» и «разбойной».³

Именно эти люди во главе со своим атаманом Степаном Разиным, по словам М. М. Щербатова и других дворянских историков, где «лестью», где «устрашением» подняли на бунт простой народ, который буйствовал и грабил своих господ и мирных жителей в течение нескольких лет.⁴ Никаких этапов в движении Разина они,

---

¹ Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846, с. 67—68.

² Карамзин Н. М. История государства Российского, изд. 5, кн. II, т. 8. СПб., 1842, с. 86.

³ Броневский Вл. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских минеральных вод, ч. I—IV. СПб., 1834.

⁴ Щербатов М. М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, с. 192—198, 202.

разумеется, не видели. Все оно рисовалось одной черной краской.

С возникновением и развитием буржуазного направления в русской исторической науке повышался интерес к народным антифеодальным движениям. Накануне падения крепостного права вышли в свет две специальные монографии о восстании С. Разина — А. Н. Попова⁵ и Н. И. Костомарова.⁶

В опубликованной в 1857 г. книге А. Н. Попова «История возмущения Стеньки Разина» подробно излагается ход событий. Рассматривая восстание с позиций славянофилов, А. Н. Попов видел в нем нарушение установленного государством порядка со стороны вольных донских казаков, которые рисуются им как скопище бродяг, не связанных «никакими узами гражданского и государственного быта».⁷ В отличие от А. Н. Попова Н. И. Костомаров⁸ пытается как-то оправдать «бунт» С. Разина нищетой и бесправием народа и показать стремление угнетенного люда отстоять свою свободу. Но и у Костомарова при этом отсутствует классовый подход. Восстание Разина, по его характеристике, было возглавлено донскими казаками, носителями антигосударственного, анархического начала. Они были неспособны указать русскому народу «новый путь», а потому жестокие расправы, разбои и грабежи, чинимые казаками, и «неистовства черни», которую они за собой увлекали, не имели никакого смысла.

Большинство буржуазных историков второй пол. XIX в. были солидарны с определением роли донского казачества в истории России XVII в. В изображении С. М. Соловьева они были «людьми безземельными, бродячими людьми, которые разрознили свои интересы с интересом общества».⁹ С. Ф. Платонов также видел в казачестве особую группу населения и характеризовал

---

⁵ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

⁶ Костомаров Н. И. Собр. соч., СПб., 1903—1906, в 2-х томах, кн. II, с. 37, 266, 287, 327.

⁷ Попов А. Н. Указ. соч., с. 23.

⁸ Костомаров Н. И. Указ. соч., кн. I, с. 408, 409, 411, 412, 654, кн. II, с. 37, 266, 287, 327.

⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. II, т. 3, с. 731.

ее как «загадочную» среду, находившуюся в состоянии постоянного антагонизма к Русскому государству.¹⁰

С этих позиций оценивали буржуазные историки роль донского казачества в крестьянских войнах и народных движениях в России и, в частности, в восстании С. Разина. По словам С. М. Соловьева, это были, как правило, разбойные казацкие движения, направленные в конечном счете против порядка в государстве¹¹, а А. В. Дружинин участие казаков во второй крестьянской войне объяснял тем, что Степан Разин «повел гольтыбу добывать себе зипунов».¹²

Среди буржуазных историков второй половины XIX в. были и такие, которые писали о социальной направленности восстания Разина. В числе их был и В. О. Ключевский. Придерживаясь общего мнения о первом походе Разина как «разбойном» походе донских казаков за зипунами, он писал, что в 1670—1671 гг. возник «огромный мятеж Разина», зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов.¹³

Однако эти мысли в трудах самого В. О. Ключевского не были развиты, а в работах современных ему историков поддержки не получили.

В конце XIX в. правительству удалось превратить казачье сословие в послушное орудие своей империалистической политики. Поэтому официальной историографии не было смысла выражать свое отрицательное отношение к его прошлому. Полемизируя с С. М. Соловьевым, выходившее в свет с начала XX в. официальное издание «Столетие Военного министерства» писало, что казаки всегда отличались «платонической преданностью русскому царю» и никогда не бунтовали.¹⁴ В это время были подняты на щит и труды местных казачьих историков, которые в течение всего XIX в. пытались «снять» с

---

¹⁰ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве. Изд. 2-е. М., 1977, с. 86—87.

¹¹ Соловьев С. М. Указ. соч., кн. III, т. 2. СПб., 1875, с. 295, 297, 305 и др.

¹² Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, с. 43.

¹³ Ключевский В. О. Сочинения, т. 3. М., 1957, с. 240.

¹⁴ Столетие Военного министерства, т. II, ч. 3. СПб., 1907, с. 12—14.

донских казаков обвинение в том, что они были активными участниками «смут» в государстве. Не случайно, что именно в конце XIX в. была опубликована не имеющая никакого научного значения книга донского историка В. М. Пудавова «История Войска Донского и старобытность начал казачества», автор которой отрицал всякое участие казачества в борьбе против царя и государственной власти.¹⁵

Разумеется, что не все буржуазные историки этого времени отрицали участие казаков в народных движениях, и, в частности, в восстании С. Разина. Но в таком случае они повторяли старые мысли о том, что восставшие (голытьба) стремились создать «казацкое общество... с его уравнилельной тенденцией. И это, по их мнению, заведомо было обречено на неудачу».¹⁶

После Великого Октября бежавшие за границу буржуазные историки Дона С. Г. Сватиков, И. Ф. Быкадоров и другие в противовес старым взглядам стали выражать сочувственное отношение к борьбе донского казачества против русского самодержавия. Но это объясняется исключительно политическими целями их авторов. Мечтая об отделении Дона от Советской России, ярый враг Советской власти Сватиков и в классовой борьбе казачества видел только стремление сохранить «донскую государственность, которую пыталась задавить Россия»,¹⁷ а Быкадоров — желание казачества отстоять свое независимое положение как «особого народа».¹⁸ Такие взгляды на участие донского казачества в крестьянских войнах в России в зарубежной исторической литературе широко распространены и в наши дни.

Таково было «наследство», которое оставила в этом вопросе буржуазная историография советской исторической науке. Поэтому ей пришлось решать данную проблему буквально заново.

Советские историки начали с изучения трудов основоположников марксизма-ленинизма. Были собраны во-

---

¹⁵ Пудавов В. М. История войска Донского и старобытность начал казачества, ч. 2. Повочеркасск, 1898, с. 277, 298.

¹⁶ Сташевский Е. Народные волнения в Московском государстве.— В сб.: Русская история в очерках и статьях. Под ред. М. В. Довнар-Запольского, т. 3. Киев, 1912, с. 485.

¹⁷ Сватиков С. Г. Россия и Дон. Белград, 1924, с. 52, 109.

¹⁸ Быкадоров И. Ф. Донское войско в борьбе за выход в море. Париж, 1977, с. 44.

едино приведенные в разных работах В. И. Ленина высказывания о казачестве как о социальной группе, о характере казачьего землевладения, о степени развития крепостнических отношений на окраинах России, и, в частности, на Дону и по ряду других вопросов, крайне важных для понимания истории Дона и участия донского казачества в крестьянских войнах и народных движениях в России.¹⁹

Большое значение для создания марксистской концепции по вопросу участия донского казачества во второй крестьянской войне и роли ее предводителя — С. Разина имело выступление В. И. Ленина в Москве 1 мая 1919 г. при открытии памятника Степану Разину, где В. И. Ленин характеризовал его как «одного из представителей мятежного крестьянства», который сложил голову «в борьбе за свободу».²⁰

Не меньшее значение для понимания роли донского казачества в истории второй крестьянской войны в России имели труды К. Маркса. В связи с работой над третьим томом «Капитала» К. Маркс проявил большой интерес к исследованию крестьянского вопроса в России. С большим вниманием изучал он работы И. Д. Беляева, В. И. Семевского, П. А. Соколовского, В. И. Сергеевича и др. Проявляя особый интерес к борьбе русских крестьян против крепостничества и, в частности, к истории крестьянских войн в России в XVII—XVIII вв., К. Маркс прочел на русском языке и законспектировал книгу Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина». Опубликованные в 1926 г. конспекты К. Маркса ознакомили читателя со взглядами основоположника научного коммунизма на крестьянскую войну 1670—1671 гг. в России. Тщательно исследует К. Маркс предпосылки восстания, видя их прежде всего в социальных противоречиях во всей стране.

Столь же внимательно анализирует он обстановку, сложившуюся накануне крестьянской войны в России. Как отмечал К. Маркс, уже в начале XVII в. правительство допустило на Дону существование казачества в виде «особого военного сословия наравне с стрельцами,

---

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 628; т. 16, с. 315; т. 34, с. 219.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 326.

пушкарями и воротниками». ²¹ В процессе исторического развития это сословие стало распадаться, и уже в середине XVII в., по словам К. Маркса, «там были домовитые, старые, прямые, настоящие казаки, с одной стороны, с другой стороны, «голутвенные люди», как их называют акты, или голытьба...» ²² Острота социальных противоречий на Дону, по мнению К. Маркса, и явилась причиной того, что крестьянская война началась в этом районе.

Характеризуя С. Разина, К. Маркс назвал его «передовым борцом казачества», подчеркнув его связь с голутвой. Вместе с тем, он обратил внимание на большую популярность С. Разина среди крестьян: «...его везде,— писал он,— встречали с ликованием крестьяне и городские народные массы...» ²³

Столь же большой интерес для советских историков имела характеристика К. Марксом политического устройства войска Донского в XVI—XVII вв., в частности, определение Войска как вассальной по отношению к Московскому государству «христианской казацкой республики». ²⁴

Опираясь на труды основоположников марксизма-ленинизма, советские историки уже в 20-х гг. делали первые попытки осветить по-новому причины крестьянских войн, их движущие силы, места каждой из них в общем ходе борьбы угнетенных классов, цели этих движений, причины неудач, значение этих войн и т. п.

Вопреки утверждениям буржуазных ученых о бессмысленности народных восстаний и их реакционности, они доказывали их прогрессивность и выражали сочувственное отношение к народной борьбе за свободу. ²⁵

В эти же годы делались попытки переоценки с марксистских позиций участия казачества в крестьянских войнах в России и, в частности, в восстании С. Разина.

---

²¹ Маркс К. Степан Разин. Молодая гвардия, 1926, кн. I, с. 107.

²² Там же, с. 119.

²³ Там же, с. 122.

²⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 8. М., 1946, с. 154.

²⁵ Данилова Л. В. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. Исторические записки, т. 76. М., 1956, с. 110. Очерки по истории исторической науки в СССР, т. 4. М., 1966, с. 295—304; Мавродин В. В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России XVII—XVIII в. Вопросы истории, 1961, № 5, с. 24—37.

Однако груз старых представлений еще давил на многих историков тех лет. Как верно заметил Л. В. Черепнин, в литературе 20-х гг., вопреки фактам, подчеркивался не крестьянский, а казачий состав участников движений.²⁶ Не точно определялись многими историками и цели, которые преследовало казачество в крестьянских войнах. Отмечая стремление казачества к «экспроприации экспроприаторов», дележу, равенству и т. п., историки тех лет стремились увидеть в казаках носителей коммунистических идей, хотя и в неразвитой их форме. Так, в опубликованных в самом начале 20-х гг. работах Н. Н. Фирсова донское казачество признается важной силой разинского народного движения. Однако боролось оно за установление «своеобразного» казачьего «дуванного коммунизма»,²⁷ где принцип равенства распространялся лишь на распределение общей добычи. Затем опять «вступал в свои полные права индивидуализм... Словом, казачий коммунизм распределения прекрасно совмещался с анархией потребления».²⁸

По словам писавшего в те годы М. Я. Феноменова, революционное творчество казаков в крестьянских войнах тоже исчерпывалось «дуваном», а в случае победы они сами бы превратились в помещиков и «тогда бы началась старая песня сначала».²⁹ О том, что казаки могли только «повернуть колесо истории назад», писал Н. А. Рожков,³⁰ а С. И. Тхоржевский, хотя и утверждал, что «победа восстания означала бы «оказаченье» всей Московии, т. е. прежде всего: уничтожение крепостного права», вместе с тем считал, что это «вовсе не привело бы к имущественному равенству — его не было к этому времени в донском войске».³¹

Среди работ тех лет большое внимание донскому казачеству уделено в книге Б. Н. Тихомирова «Разинщина». Автор проанализировал социальный состав участ-

---

²⁶ Черепнин Л. В. Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма. Вопросы истории, 1962, № 1, с. 43.

²⁷ Фирсов Н. Н. Разиновщина.— В кн.: Народные движения в России до XIX в. М., 1924, с. 35—36, 60.

²⁸ Он же. Разин и Разинщина. Пугачев и Пугачевщина, вып. 2, ч. 3. Казань, 1930, с. 13—14.

²⁹ Феноменов М. Я. Разиновщина и Пугачевщина. М., 1923, с. 11, 30, 135—145.

³⁰ Рожков Н. А. Русская история, т. 7, Пг., 1923, с. 7.

³¹ Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Исторический очерк, Пг., 1923, с. 127.

ников восстания и пришел к выводу, что наиболее активное участие в нем принимала казацкая голытьба. Но отдавая дань господствовавшей в то время теории торгового капитала, он заявлял, что голытьба при этом объективно защищала интересы торгового капитала.³²

Следствием понятой таким образом особой роли казачества в крестьянских войнах и, в частности, в восстании Разина, явилось утверждение историков тех лет, что у основной массы казачества были совсем иные интересы, чем у крестьян. По этой причине, например, М. Я. Феноменов, ссылаясь на «измену Разина под Симбирском», писал, что тут казак «с головой выдал крестьян»³³.

Столь резкое противопоставление казачества и крестьянства друг другу пытался в те годы смягчить М. Н. Покровский, который видел в казачестве «элемент русского крестьянства и мелкого городского населения, который эмигрировал за рубеж».³⁴ Однако и он, может быть, даже несколько противореча себе, утверждал, что восстание Разина было «казацко-крестьянской революцией», а его вождь — С. Разин «до конца выступал со своей собственной казацкой физиономией, как казацкий атаман».³⁵

Постепенно к концу 20-х годов в литературе утвердилось мнение, что во второй крестьянской войне действовали два независимых друг от друга потока. В вышедшей в свет в 1923 г. книге Г. Ладохи говорилось, что в восстании Разина было «две идеологии» — крестьянская и «казацкой вольницы», причем «казаки», выступавшие инициаторами народных движений, всегда поступались интересами крестьян.³⁶

Еще более определенно эту же точку зрения выразил Н. Ф. Янчевский. В «разиновщине» — писал он, — мы видим два различных исторических процесса, которые объединены лишь внешне одним лицом, стоявшим

---

³² Тихомиров Б. Н. Разинщина. М., 1930, с. 131.

³³ Феноменов М. Я. Указ. соч., с. III, 61.

³⁴ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. Изд. 2, Пг., 1923.

³⁵ Покровский М. Н. Предисловие. — Сб. док. Пугачевщина, т. I, М.: Л., 1926, с. 4.

³⁶ Ладоха Г. Разинщина и пугачевщина. М., 1923, с. 6, 70.

во главе обоих проявлений «разиновщины» — Степаном Разиным». ³⁷

По словам Н. Ф. Янчевского, Степан Разин — это «старшина Войска Донского, очевидно, неплохой политик, которому в 1661 г. впервые удалось привлечь на царскую службу калмык и тем самым заслужить царскую благодарность. Религиозный казак, ездивший «по обещанию» в Соловки, атаман, которого посылали во главе станицы в Москву». ³⁸

Правда, у Разина есть и «другое лицо — то самое, которое мы видим в народных песнях, — вождь голытьбы, массового стихийного движения крестьянства, мелкого посадского и служилого люда и угнетенных народностей». ³⁹ Однако в «этом стихийном движении личность Разина не имеет существенного значения и превращается в символ». ⁴⁰ Программа Разина и донских казаков, пишет он далее, «состояла в осуществлении «казацкого идеала» в государственном масштабе. Но это «привело бы, в конечном счете», к господству торгового капитала. «Победа казацкого идеала означала бы лишь реставрацию свергнутого строя, неизбежный переход от разбойничьего торгового капитала к более высоким формам, к государственной организации, к более широким и политическим целям». ⁴¹

Уже в начале 30-х гг. некоторые историки видели недостатки указанного выше решения вопроса о роли донского казачества в крестьянской войне С. Разина. С. Г. Томсинский писал, что «уже первый период восстания показывает, как далеки были разинцы от «бессмысленного бунта»: тщательно разработанный план, правильные поиски союзников и тактика революционных полководцев во время восстания подняли это движение на высоту планомерно организованной гражданской войны». ⁴² Томсинский критиковал Н. Ф. Янчевского за то, что тот, говоря о месте казачества в этом

---

³⁷ Янчевский Н. Ф. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930, с. 191—192.

³⁸ Там же, с. 192.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 194.

⁴² Томсинский С. Г. Разинщина. — В сб.: Проблемы марксизма, № 2, 1930, с. 110.

восстании, не проанализировал социальных отношений на Дону. Однако и сам Томсинский не смог преодолеть господствовавших в то время мнений о казачестве. Вслед за Г. Е. Меерсоном крестьянские войны в России он рассматривал как борьбу колоний против метрополии, в которой казачеству принадлежала ведущая роль. Одновременно он признал в общем верным утверждение Н. Ф. Яичевского о том, что во времена Разина казачество было «наемным войском», «орудием колониальной политики Московского государства». ⁴³

Таким образом, в освещении участия донского казачества в восстании Разина у историков 20 — начала 30-х гг. сказались общие недостатки исторической науки тех лет и прежде всего упрощенно-социологический подход к явлениям прошлого — поэтому после ряда постановлений партии и Правительства в 1934—1936 гг. историки донского казачества вместе со всеми историками советской страны вступили на путь решительного преодоления вульгаризации истории, на путь всестороннего и глубокого изучения конкретного материала с позиций марксистско-ленинской методологии. Так же как и на изучении всей гражданской истории, результаты такого подхода очень скоро сказались и на изучении нашей проблемы.

Исследуя роль донского казачества в крестьянских войнах в России, советские историки опираются на научно обоснованное определение крестьянской войны как высшей формы борьбы угнетенного крестьянства против всего класса феодалов, всей крепостнической системы и выражающего ее интересы крепостнического государства, когда восстанием охвачена значительная территория страны, когда восставшие имеют единый центр и единое военно-политическое руководство. ⁴⁴ Вместе с тем они исходят из представления о казачестве как особом сословии феодального общества, сформировавшемся из тяглых людей, бежавших от помещиков и люто ненавидевших крепостников. Получив свободу и имея оружие, казаки были социальной силой, опасной для феодально-крепостнического государства.

---

⁴³ Томсинский С. Г. Крестьянское движение в феодально-крепостнической России. М.; Л., 1932.

⁴⁴ Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966, с. 307—310.

Однако правительство учитывало роль донского казачества в хозяйственном освоении окраинных земель и в обороне юго-восточных окраин России от агрессии турок и их вассалов. Поэтому оно хотело сохранить казачество как вооруженную силу, но подчинить его своей власти. В конце концов правительству это удалось, и в эпоху империализма казачество как привилегированное сословие стало верной опорой самодержавия. Но осуществилось это не сразу. С момента возникновения и долгое время потом донское казачество оставалось одной из наиболее активных сил, ведущих борьбу против крепостничества и самодержавия, и было не только участником, но и организатором и застрельщиком крестьянских войн в России. При этом формы и степень участия в этой борьбе на разных этапах истории были различными.

По мнению большинства историков середины 30-х — середины 50-х гг., в восстании С. Разина донскому казачеству принадлежала очень большая роль. Однако на разных этапах его казаки выполняли эту роль по-разному. Если, начиная с весны 1670 г., они были участниками подлинно народной борьбы, собственно крестьянской войны, то организованный ими весной 1667 г. поход на Волгу и Каспийское море по своему характеру был совсем иным. «Разбойным» без всяких оговорок именуется этот поход в первом и во втором издании учебника по истории СССР для вузов и в «Краткой истории СССР». ⁴⁵ Не относит этот поход к крестьянской войне и А. А. Новосельский — автор разделов о восстании в «Очерках по истории СССР. Период феодализма. XVII век» ⁴⁶ и в новом издании учебника по истории СССР для вузов. ⁴⁷ По словам А. А. Зимина и А. А. Преображенского, донское казачество только «в дни войны 1670—1671 гг.» было одной из социальных групп, поддерживавших крестьянство; о роли казачества в первом походе С. Разина они во-

---

⁴⁵ История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина. М., 1939, с. 519; Изд. 2-е, 1948, с. 464; Краткая история СССР, ч. I. М.; Л., 1963, с. 202.

⁴⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955, с. 282.

⁴⁷ История СССР, т. I. С древнейших времен до 1861 г. М., 1964, с. 356—357.

обще ничего не говорят, поскольку не относят его к крестьянской войне.⁴⁸

Между тем, уже в середине 50-х гг. начался пересмотр оценки Каспийского похода Разина. В опубликованной в 1955 г. книге о восстании С. Разина В. И. Лебедев по традиции относил его к числу казачьих походов «за зипунами». Однако основными участниками его назвал голутвенных казаков, а «наряду с ними ... беглых крестьян»⁴⁹ и в целом характеризовал этот поход как начальный этап крестьянской войны, в котором «уже проявились черты революционного движения, складывалось ядро будущего повстанческого войска».⁵⁰

В изданной в 1960 г. книге Б. В. Лунина говорится об организации С. Разиным в 1667 г. «большого разбойного похода», который однако выделялся «из числа других, ему подобных» необычно крупным масштабом и «наличием среди его участников не только казаков, но и некоторого количества беглых крестьян».⁵¹

Несколько полнее, чем в книгах В. И. Лебедева и Б. В. Лунина, были раскрыты черты, отличавшие Каспийский поход от предшествующих экспедиций донских казаков, в опубликованной в 1964 г. книге «История Дона».⁵²

Этапным в изучении Каспийского похода можно считать 1966 г., когда вышли в свет две крупные работы о второй крестьянской войне в России — монография И. В. Степанова и глава А. Г. Манькова в коллективном труде советских историков «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.». Оба исследователя показали, что этот поход был крупнее и продолжительнее предшествующих походов донских казаков «за зипунами» и более четким, чем они, по своему социальному характеру; в составе участников похода, помимо казачьей голытьбы, было значительное число

---

⁴⁸ Зимин А. А., Преображенский А. А. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.). Вопросы истории, 1957, № 12, с. 147.

⁴⁹ Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1955, с. 47.

⁵⁰ Там же, с. 67.

⁵¹ Лунина Б. В. Степан Разин. Ростов-на-Дону, 1960, с. 13.

⁵² История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов-на-Дону, 1965, с. 119—120.

беглых крестьян, гулящих и работных людей, стрельцов, а удары были направлены прежде всего против зажиточной части населения; во время похода сложилось испытанное в боях повстанческое войско, которое стало ядром армии С. Разина в 1670 г. при выходе его в центральные районы России; поход способствовал дальнейшему размежеванию социальных сил на Дону.⁵³ К этим чертам А. Г. Маньков добавил свидетельство иностранцев, что уже во время первого похода, точнее в Астрахани и на пути от нее к Царицыну, С. Разин обещал освободить народ «от рабства», и сделал вывод, что Каспийский поход «следует рассматривать как закономерный начальный этап второй крестьянской войны в России»⁵⁴. Однако И. В. Степанов считает, что всех отмеченных выше черт для определения Каспийского похода С. Разина как первого этапа крестьянской войны недостаточно. В его глазах поход «был традиционным разбойным мероприятием донского казачества», важнейшим событием лишь в предыстории крестьянской войны, когда народные массы вплотную подошли к осознанию необходимости и неизбежности открытой борьбы со своими поработителями — боярами и дворянами.⁵⁵

Таким образом, несмотря на значительные успехи в изучении Каспийского похода С. Разина в трудах А. Г. Манькова и И. В. Степанова, вопрос о его значении и роли в нем донского казачества требовал дальнейшего изучения. По этой причине уже в 1968 г. он снова был выдвинут в журнале «Вопросы истории» в статье В. И. Буганова и Е. В. Чистяковой. Проанализировав известия источников о Каспийском походе С. Разина, авторы обратили внимание на то, что «Каспийский поход сразу же принял бунтарский, антиправительственный характер», что, «несмотря на ярко выраженные элементы «разбойных» выступлений (свойственных причем и многим другим движениям эпохи средневековья), наиболее характерной его чертой явилась антиправительственная направленность», что и сам

---

⁵³ Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670—1671 гг., т. I, Л., 1966, с. 322, 327, 368—371; Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966, с. 113—118.

⁵⁴ Смирнов И. И. и др. Указ. соч., с. 117.

⁵⁵ Степанов И. В. Указ. соч., с. 368—371.

С. Разин не отделял Каспийский поход 1667—1669 гг. от последующих событий, а рассматривал их как «единое целое». На этом основании они пришли к выводу, что Каспийский поход является собой важный этап крестьянской войны, когда «восстание развернулось уже с большей силой». ⁵⁶

В начале 70-х гг. в нашей стране отмечалось 200-летие крестьянской войны 1773—1775 гг. и 300-летие восстания Степана Разина. В связи с этим вышел в свет ряд трудов по истории крестьянских войн в России. Наиболее значительным из них по интересующей нас теме был сборник статей «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения» (М., 1974).

Один из авторов этого сборника Е. И. Заозерская приводит распространенное мнение «ряда авторов», что первый поход Разина был «разбойным», «какие искони совершались южными казаками, в том числе донскими, из нужды в хлебе и одежде, а также в погоне за восточными ценностями». Однако добавляет, что «и в период первого похода создавались условия для *будущих действий Разина как руководителя крестьянской войны*». ⁵⁷

Иначе к оценке характера и значения Каспийского похода подошел другой автор того же сборника — А. Н. Сахаров. Он показал, что «внешние формы» его действительно «мало чем отличались от прежних удалых предприятий донских молодцов, да и сам атаман в эти дни не думал о широком противоборстве со всем существующим строем российской жизни». Вместе с тем исследователь называет целый ряд черт Каспийского похода, которые «выходят далеко за рамки традиционных военно-грабительских предприятий казаков», и которые «несли в себе элементы антиправительственных действий». Эту социальную значимость действий отряда С. Т. Разина в Каспийском походе А. Н. Сахаров подчеркивает резче, чем его предшественники — В. И. Лебедев, А. Г. Маньков, В. И. Буганов и Е. В. Чистякова, поэтому и более убедительно, чем у них, звучит его

---

⁵⁶ Буганов В. И., Чистякова Е. В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России. Вопросы истории, 1968, № 7, с. 38—41.

⁵⁷ Заозерская Е. И. Восстание Степана Разина (общий обзор). Указ. сборник, с. 179. (Курсив мой — А. П.).

вывод, что «волжско-каспийский поход стал объективно началом могучей крестьянской войны». ⁵⁸ Этот вывод был поддержан автором «Введений» к тому же сборнику — академиком Л. В. Черепниним. ⁵⁹

Заслуга А. Н. Сахарова состоит еще и в том, что он дал оригинальный и убедительный ответ на вопрос о причинах успехов Разина и широкой популярности его среди народа уже во время первого похода.

В документах, вышедших из лагеря господствующего класса, а также во всей дворянской и буржуазной литературе Степан Разин рисовался как «изверг» и «богоотступник», «дикий» казак и предводитель «разбойничьей казачьей шайки». В советской исторической литературе был решительно пересмотрен взгляд и на восстание, и на его вождя. Но, как правило, о первом походе Разина писали как о «разбойном», во главе которого стоял казачий атаман Степан Разин. Постепенно в советской литературе стало утверждаться мнение, что С. Разин был не простым казачьим атаманом, каких было немало, а «подлинным народным вождем, поразившим воображение современников и потомков силой характера, широтой и удалью натуры, своеобразной и противоречивой». ⁶⁰ Но только А. Н. Сахаров, опираясь на высказывания К. Маркса о С. Разине как «о передовом борце казачества» ⁶¹ и В. И. Ленина, который назвал С. Разина «представителем мятежного крестьянства», ⁶² в своих работах показал, что не только во время второго похода, но уже и в первом походе С. Разин предстал перед народом «и как казацкий атаман, и одновременно как вождь восставшего русского крестьянства». ⁶³

Работы В. И. Лебедева, А. Г. Манькова, И. В. Степанова, В. И. Буганова, Е. В. Чистяковой, А. Н. Сахарова значительно продвинули вперед вопрос о значении Каспийского похода и роли в нем донского каза-

---

⁵⁸ Сахаров А. Н. Степан Разин — предводитель крестьянской войны. Указ. сборник, с. 156—157.

⁵⁹ Указ. сборник, с. 14—15.

⁶⁰ Буганов В. И. Степан Тимофеевич Разин. История СССР, 1971, № 2, с. 65.

⁶¹ Маркс К. Стенька Разин. Молодая гвардия, 1926, № 1, с. 122.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 326.

⁶³ Сахаров А. Н. Указ. соч., с. 165.

чества. Однако они не исчерпали его. Все эти исследователи, на мой взгляд, несколько преувеличивают обособленность сословного положения донского казачества к началу 70 гг. XVII в., забывая, что в это время действовало правило — «не выдавай с реки», а потому казаком немедленно становился всякий, в том числе и крепостной крестьянин, кто попадал на Донскую землю.

Преувеличивая сословную обособленность донского казачества, эти исследователи говорят о более резком, чем это было на самом деле, отличии программы и действий донских казаков по сравнению с крестьянами в ходе крестьянской войны.

Даже один из наиболее активных защитников идеи, что Каспийский поход С. Разина был важным этапом второй крестьянской войны, — В. И. Буганов, который в своей статье с Е. В. Чистяковой заявляет, что «одностороннее представление о каспийских событиях как о «разбойном походе» должно быть пересмотрено»,⁶⁴ в другой своей работе считает важным подчеркнуть, что в отличие от крестьян «в устремлении казаков заметны (особенно на начальных этапах движения) элементы разбойничества».⁶⁵ Но ведь известно, что в эпоху феодализма в моменты обострения классовой борьбы, особенно во время крестьянских войн, «разбойничьи» действия по отношению к представителям господствующего класса были свойственны и крестьянам. Ф. Энгельс, например, отмечал, что в отдельные моменты Великой крестьянской войны в Германии крестьяне «на всю войну ... начинали смотреть как на поход за добычей».⁶⁶

В связи с оценкой Каспийского похода как одного из этапов второй крестьянской войны возник вопрос о значении похода казаков на Москву под предводительством В. Уса в 1666 г.

Дворянские и буржуазные историки писали о В. Усе как о предводителе шайки казаков в 500 человек, которая в 1666 г. «разбойничала в воронежских и туль-

---

⁶⁴ Буганов В. И., Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 41.

⁶⁵ Буганов В. И. Степан Тимофеевич Разин. История СССР, 1971, № 2, с. 67.

⁶⁶ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952, с. 60.

ских местах, подговаривала крестьян и холопей, разоряла помещиков и похвалялась всяким дурном». ⁶⁷

В работах советских историков 20-х гг., посвященных «разнищине», как правило, о походе отряда В. Уса вообще не говорилось. Несколько позже, в 30-х гг., постепенно было определено его место как важнейшего события в предыстории восстания С. Разина. Такую трактовку значения похода отряда В. Уса дал, например, в 1932 г. С. Г. Томсинский. По его словам, это была «вторая серьезная разведка» «обстановки в стране в целях восстания». Она была организована для того, чтобы «решить, куда направлять удар», и для того, чтобы поднять «рабочих тульской крепостной мануфактуры для удара на Москву». ⁶⁸ Это была явная модернизация, и историки второй половины 30-х гг. не поддержали С. Г. Томсинского. В опубликованном в 1939 г. учебнике по истории СССР для вузов поход отряда В. Уса характеризовался уже иначе, как «первое выступление казачества верховых городков», предшествовавшее крестьянской войне под предводительством С. Разина и направленное стихийно против «своих старых владельцев» — помещиков Слободской Украины и южных, пограничных со степью, уездов Московского государства. ⁶⁹

Такая оценка была шагом вперед по сравнению со всеми предшествующими характеристиками похода отряда В. Уса. Но и она, как и все предыдущие, не была основана на специальном изучении источников. Эту задачу историки поставили перед собой только в 50-х гг.

Первой подвергла источники о походе отряда В. Уса фронтальному изучению в 1953 г. Е. В. Чистякова, ⁷⁰ а вслед за ней В. И. Лебедев, А. Г. Маньков, И. В. Степанов, В. И. Буганов и др. В работах Е. В. Чистяковой и других авторов показано, что возникновение похода было одним из ярких свидетельств и выражений напря-

---

⁶⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. III, т. II, с. 293.

⁶⁸ Томсинский С. Г. Крестьянское движение в феодально-крепостнической России. М.; Л., 1932, с. 76.

⁶⁹ История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939, с. 519.

⁷⁰ Чистякова Е. В. Крестьянское движение в Подмоскowie и поход В. Уса (1966). Вопросы истории, 1953, № 8; она же. Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963.

женной обстановки, сложившейся на Дону и в центре России накануне второй крестьянской войны; детально прослежен путь продвижения отряда с верховьев Дона до Тулы и обратно; показано на большом материале влияние похода на классовую борьбу крестьян и холопов центральных районов страны, обострившуюся в 50-х — первой половине 60-х гг. XVII в.

В научно обоснованной характеристике основных черт похода отряда В. Уса в центральные районы страны в 1666 г. бесспорная заслуга советской исторической науки. Однако и здесь работа не доведена до конца. До сих пор историки не пришли к единому мнению в общей оценке значения похода. Е. В. Чистякова писала, что именно «Ус поднял знамя новой крестьянской войны», что поход его отряда следует считать «первым валом неудержимо надвигающейся бури». ⁷¹ О том, что поход отряда В. Уса был «первым этапом» второй крестьянской войны в России, заявлено и в коллективной статье В. И. Буганова и Е. В. Чистяковой, опубликованной в 1968 г. ⁷²

Однако другие историки не столь высоко оценивают значение похода В. Уса. По словам В. И. Лебедева, «антифеодальное движение», возглавляемое В. Усом, было предвестником крестьянской войны под предводительством С. Разина. ⁷³ А Г. Маньков также считает, что «выступление казаков и крестьян под предводительством Василия Уса» непосредственно предшествовало «началу крестьянской войны». ⁷⁴

Наконец, третья группа исследователей еще более осторожна в оценке этого похода. Так, И. В. Степанов ставит поход В. Уса в один ряд с походами отрядов И. Аверкиева и Ф. Горлушкова (в которых участвовало по 30—40 человек) за переделы донской земли с просьбой определить их на «государеву службу»; ⁷⁵ Е. И. Заозерская называет его «разбойным», а в быст-

---

⁷¹ Чистякова Е. В. Василий Ус — сподвижник Степана Разина, с. 12, 30.

⁷² Буганов В. И., Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 37—38.

⁷³ Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955, с. 42.

⁷⁴ Маньков А. Г. Указ. соч., с. 105.

⁷⁵ Степанов И. В. Указ. соч., с. 304—307.

ром его росте видит свидетельство того, «что на Дону и в близких к нему местах были сотни людей, искавших «в казаковании» выход из тяжелых условий жизни». ⁷⁶

Подведем итоги. Обзор литературы показывает, что многие важные вопросы истории второй крестьянской войны не нашли еще исчерпывающего решения. Исследователи придерживаются различного мнения о значении похода В. Уса в 1666 г., о месте Каспийского похода Степана Разина в истории крестьянских войн. В значительной мере это объясняется тем, что историки по-разному оценивают роль донского казачества в указанных выше событиях, его социальные устремления и пр.

В связи с этим возникает необходимость еще раз внимательно изучить все материалы, относящиеся к положению донского казачества накануне второй крестьянской войны и его роли на всех ее этапах.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹⁶ Заозерская Е. И. Указ. соч., с. 167.

Г. Х. Ибрагимов

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦАХУРОВ

Документ «Имущество цахурских правителей» был обнаружен проф. А. Н. Генко в селении Цахур в 1933 году во время лингвистической экспедиции. Говоря о документальной базе истории цахур, А. Н. Генко пишет: «Более определенные и подробные сведения по истории цахура, чем отрывочные намеки надписей, относятся, впрочем, лишь к позднему времени, а именно к XVI и следующим столетиям; для этого времени в нашем распоряжении имеются: 1) серия шахских и султанских фирманов, дававшихся цахурским владельцам, начиная с 1562 г.; 2) повествовательные источники на персидском языке по истории сефевидов, Надира и каджаров и их войны в Закавказье (основные материалы у Искендера Мунши и историков Надиршаха); 3) повествовательные источники на турецком языке (в особенности — Али-Челеби); 4) источники грузинские (так, например, о походе грузинского царя Теймураза в 1628 г. в Цахур и Кусур нам известно по грузинским писателям Вахушту и Арчилу) и пр. По некоторым народным преданиям Цахур существует не более, не менее как 18 столетий и насчитывал первоначально до 2000 дворов; другой, более трезвый и положительный вариант предания об основании Цахура относит это событие к «500 годам магометанской эры», т. е. XII в. н. э., что вполне согласуется с историческими данными. Различные предания, связанные с историей Цахура XVI—XVIII вв., сведены в так называемый цахурами-любителями родной старины «тарих» на арабском языке, встречаемый в настоящее время в рукописях в Цахуре, Сувагиле и других цахурских селениях; копия

«тариха», снятая по моему поручению в 1933 г., имеется в Ленинграде»¹.

По мнению проф. С. А. Джафарова, который входил в состав вышеуказанной экспедиции и являлся помощником А. Н. Генко (1933), интерес представляет собой документ «Имущество цахурских правителей», переписанный Молла Алиджаном Молла Абида отлы из «Истории Цахура». Подлинник документа был передан проф. А. Н. Генко, который намеревался его издать. Тогда же в Цахуре была снята копия этого документа и переведена с арабского на азербайджанский язык шейх Аджар Аминовым. Эта копия проф. С. А. Джафаровым в 1963 году любезно была передана нам.

Переписчик документа считает, что текст предлагаемого извлечения был составлен в 1700 г. цахурцем Алах-Верди из сел. Кахи. Эти данные подтверждает и устная традиция.

Ниже приводим указанный документ из «Тариха». Перевод с азербайджанского на русский осуществил автор этих строк Г. Х. Ибрагимов.

ИМУЩЕСТВО ЦАХУРСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Свидетельство о выделении земельных угодий и установление границ

Заключение церковной главы Аракела¹ с печатями, кадий² Али из Куруша, Бину Османа и шахи-султан Али-бека

Дети Тургай Зураб-бека в стране Георгий³ по земным делам обнародовали мир. То есть в стране Георг-

---

¹ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды Второй сессии ассоциации арабистов, М.-Л., 1941, с. 97.

² Аракел (XV век) — католикос албанской церкви. Рукопись № 6964 государственной библиотеки Вагаршапета АН Азерб. ССР, Научный архив Института истории, перевод на русский язык Т. И. Тер-Григоряна, инв. № 927 (цитируется по работе Нейматовой М. Х. «К истории изучения Ширвана XIV—XVI веков», Баку, 1959, с. 90; на азербайджанском языке; в частности, там же говорится о воспоминании католикоса албанской церкви Аракела, написанном им в 1497 году.

³ Кадий — «судья», духовное лицо у мусульман.

⁴ Георгий страна, известна также под названием Горный магал (Георгий магал), занимает территорию от с. Кина выше по реке Самур (Рутульский район, Даг. АССР).

гий в местах Дагестана был город именем Цахур⁴. Тогда в Цахуре насчитывалось 1100 домов, в подчинении имел большое царственное имение, которое доходило до ущелья Кина⁵. Правителем был сын Демир Полада Ниди Бутун. В это время имение Георгий простиралось от ущелья Кины до горы Сары-дага. ... отсюда выше по ущелью только в Мухахе⁶ было четыре дома и еще одна церковь. (Непременно) по сложившейся традиции в месяце Шубат⁷ правитель (со своими придворными) отправлялся на молебен, где проводил три дня и с главою церкви совещался о мирских делах. Потом возвращался на свой престол.

Через некоторое время со своими войсками Али-бек, Усмия сын, совершив поход (своей столицей был город Хейра⁸), нападает на город Георгий⁹. Однако войско Али-бека потерпело поражение, было убито 800 человек. Сам же убегает в город Хона¹⁰ и в это время с Георгий-беком заключает перемирие.

Георгий приказывает Али-беку из города Хиджа переселиться в город Георгий. И Али-бек соглашается. Потом Али-бек со своими слугами переезжает в город Георгий. Здесь Георгий, по обоюдному согласию, Али-бека отправляет в Чардахлар¹¹ и дарит ему большое имение. Имение от Чардахлара до Кума¹² и от горы Сары-дага до ущелья Недир-Кина дарит.

Георгий тогда был христианином. Брат Тургай и все семейство были христианами. Георгий своему брату Тургаю от Алазани (Ганих) до горы Шах-яйлаха имеющиеся места дарит. Об отдаче этих мест было согласовано и с Алибеком. Потом два брата разделили земли. Западной границей делается местечко Кум. На-

---

⁴ Цахур — селение в Рутульском районе.

⁵ В тексте Кыйнаб; в нем мы усматриваем название с. Кина (проживают рутульцы), пограничного с цахурами.

⁶ Мухах — цахурское селение (Рутульский район, Даг. АССР).

⁷ Шубат — февраль месяц в солнечном календаре.

⁸ Не удалось установить соответствующего названия в Даг. АССР.

⁹ Читайте — на город Цахур.

¹⁰ Хона мы склонны увязать с названием Хина-лыг (название с. в Азерб. ССР, бывший Конахкентский район, расположено высоко в горах недалеко от Шах-йайлаха).

¹¹ Чардахлар — село в Закатальском районе, проживают аварцы и цахурцы.

¹² Кум — цахурское селение в Кахском районе Азерб. ССР.

дир Бутуни тоже переселился в именные Тургая. Тогда восточную границу владения Тургая составляли церковь и родник в долине Рутул.

После этого, когда прошло некоторое время, Демир-Полад и сын Надир обосновались в Аджнавуре¹³. Из сыновей Надира Шах-Мали Полада оставили во владениях Тургая. Там жил. Границы Аджнавур: с востока — Шиштапа¹⁴, с юга — церковь Кормук¹⁵, с севера — грузинская церковь¹⁶ составляли.

В Аджнавуре с Бахадуром еще из сыновей Али-хана Камам-хан, Дадаш, Дадаша сын Бахадыр жили.

Когда они жили в Аджнавуре, там вспыхнула холера, и из домашних за один день умерли три девочки и один сын по имени Дадаш, кроме остального населения. От ужасов холеры Камам-хан переселился в Кормукскую церковь. Здесь основал добротный дом, и в доме построил церковь. Али-хан с Бахадуром тоже находились вместе. Они здесь имели большое состояние. Для похорон детей между собой договорились совершить паломничество в Куру и подданным приказали с каждого хозяйства пожертвовать по одному барану. И это делалось каждый год.

Впоследствии, соответственно сложившемуся ритуалу, стали выходить на паломничество и подданные Тургая. И с этого времени в Аджнавуре совсем не бывает болезни холеры.

Как только сами справились с холерой, со стороны Хинова¹⁷ многочисленные войска нападают на владения Тургая. Тургай их побеждает. Много (с обеих сторон) народа погибло. Число не определено. Хиновцы из владений Тургая возвращаются без всяких надежд. Через некоторое время хиновцы вторично нападают. Тургай, на грани поражения, за помощью обращается к Али-беку. Али-бек оказывает необходимую помощь и побеждает хиновцев.

В связи с этим Георгий и Тургай с Али-беком

---

¹³ Аджнавур — долина недалеко от Кахи (в горах), а также степь (зимовье на левом берегу Куры, отделенная плоскогорьем).

¹⁴ Шиш-тапа — возвышенность на левом берегу Куры.

¹⁵ Церковь Кормук (курмык) находится в Кахском районе Азерб. ССР в нижнем течении реки Курмык.

¹⁶ Грузинская церковь находится севернее Кахи в горах.

¹⁷ Хинов — (самоназвание Хин; у цахуров принято название Хинав) — рутульское селение в Ахтынском районе Даг. АССР.

скрепляют братскую дружбу и верные этой дружбе в полном согласии решают все дела и о доходах, и о торговле, связанные с интересами государства.

В этих войнах было угнано много скота, пленено много женщин и детей, ранены мужчины. Али-бек, кроме скота, от хиновцев потребовал возвращения пленных. Хиновцы освобождают пленных и возвращают их. И Али-бек их направил к Тургаю. Соответственно Али-бек устанавливает крепкий мир между Тургаем и хиновцами. И овец хиновцев отправляет на свои летние пастбища. В том числе на пастбищах горы Сары-Тала тоже размещает овец хиновцев. Обе стороны без возражений остаются довольными этим договором. И более друг на друга не совершали нападения.

Этот договор о мире Али-бек передал Георгию и Тургаю с тем, чтобы хиновцы жили в постоянном мире и поддерживали добрососедские отношения с остальными соседями.

Возможно, до времен русского государства жили на основе этой политики, не допуская подобных трагических событий среди подданных своей страны. Положение этого документа для них оставались неукоснительными и воспринимались как законоположение¹⁸. Подлинник, написанный в 1700 г. (История основания селения Цахур 2014 лет, т. е. от 1934 года, переведенного с арабского подлинного документа, 40 лет раньше подсчитай).

Содержание подлинника 3-й части книги Ибни-Хаджар, книга молла Алиджана молла Абида оглы из Цахура.

Подлинник молла Алиджан молла Абида оглы взял из «Истории Цахура», составленной Аллах-Верди из Енгилов-Каха.

Енгиловский Аллах-Верди подлинно был цахурцем.

Переводчик шейх Аджар Аминов, 27 января 1934 г.

---

¹⁸ Возможно, до времен... и дальше до как законоположение, видимо, принадлежит переписчику.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АВАРИИ XVI—XVII вв.

Отдел памятников письменности народов Востока Института востоковедения АН СССР руководит созданием коллективного труда «Средняя Азия и Кавказ. Пособие по хронологии и генеалогии династий древности и средневековья». В рамках подготовки к этой работе, ниже мы даем публикацию текста и комментированный перевод некоторых письменных источников по названной теме.

I. Родословная аварских нуцалов и удельных князей.

Это источник был доступен в шести списках.

Первый («А»). Включен в рукописный сборник, составленный Газанбием сыном Усмана из сел. Арадирих¹ (Хунзахский р-н) в 1937 г.

Сборник содержит: а) «Тарих-Дагестан» в шамхальской редакции² (лл. 1б—10б); б) «Перечень повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал»³ (лл. 11а—11б); в) Краткие записи по истории Дагестана XV—XVIII вв. (лл. 11б—12а); г) «Завещание Ан-

---

¹ Сборник предоставил нам М. Г. Нурмагомедов.

² Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи. (К вопросу об изучении).— «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972», М., 1977, с. 104—113; Айтберов Т. М. О хронике «Тарих-Дагестан»,— «Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа», М., 1978, с. 14.

³ Айтберов Т. М. Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в «Перечне повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал»,— «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР», ч. I, М., 1979, с. 4—5.

дуника»⁴ (лл. 126—13а); д) Разбираемую ниже «Родословную» (л. 13а); е) Памятную запись от 977 г. х. (л. 13а); ж) «Перечень сёл и союзов сельских общин, жители которых давали харадж нуцалу Аварии»⁵ в 20—30 гг. XIX в. (л. 13б—17а).

В списке «А» в слове «нусал» под буквой «син» стоит троеточие, видимо, для передачи звука «ц».

Второй («Б»). Записан на последнем листе рукописного сборника, содержащего «Факк ал-аклам ал-кади-ма» и «Тазкират ал-албаб фи 'амал ал-устурлаб»⁶. В данном сборнике также имеется памятная запись от 977 г. х.

В процессе работы над «Родословной», нами были выделены в ней три части: 1, 2, 3; фактически, однако, это три родословные трех ветвей нуцальского рода, восходящих, в конечном счете, к одному стволу, т. е. к одному общему предку. В списках «А» и «Б» порядок расположения этих частей совпадает полностью (1, 2, 3); в конце текста они оба имеют приписку «Конец», которая сделана на тюркском языке; в качестве союзника гидатлинцев в названных списках упомянут Гумук;

современный аварский звук «лье» в них обоим передан буквой «лам». Все это вместе взятое показывает, что списки «А» и «Б» восходят общему архетипу.

Третий («В»). Включен в рукописный сборник,⁷ который содержит: а) Обрывок неизвестного нам сочинения о пришествии Махди (лл. 1а—4б), переписанного Муртада-Али из сел. Цудда (Чародинский р-н) для своего учителя Хитинав-Мухаммада из сел. Гочоб (Чародинский р-н); б) «Тарих Дагестан» в шамхальской редакции (лл. 5а—7б); в) «Завещание Андуника» (л. 8а); г) «Родословную» (л. 8а); д) Памятные записи, в ос-

---

⁴ Хашаев Х.-М. *Общественный строй Дагестана в XIX веке*, М., 1961, с. 135—136.

⁵ Феодалные отношения в Дагестане, XIX — начало XX вв., Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Хашаева Х.-М., М., 1969, с. 262—266.

⁶ Сборник хранится у М.-С. Д. Саидова. С включенными в него историческими источниками мы знакомы по копии, которую снял М.-С. Д. Саидов.

⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ, № 220.

повном, по истории нуцальского дома (л. 8а), которые, как и три предыдущих источника (б, в, г), переписаны Нур-Мухаммадом из сел. Моксоб (Чародинский р-н) для вышеупомянутого Хитинав-Мухаммада; е) Обрывок религиозного сочинения, автора и название которого мы не установили (лл. 8б—69б).

Названные исторические источники написаны каламом на листах европейской бумаги. Чернила черные. Почерк — насх.

Среди памятных записей самая поздняя датирована 1154/1741—42 г. По бумаге видно, что сборник переписан не позднее XIX в.; это подтверждает и тот факт, что текст написан каламом. Следовательно, список «В» можно датировать примерно серединой XVIII—XIX вв.

В списке «В» порядок расположения частей «Родословной» отличается от того, который дают списки «А» и «Б»; оно следующее: 2, 3, 1. Следует отметить, что здесь части 2 и 3 фактически слиты в одно целое. Таким образом, в списке «В» разбираемый источник состоит, на первый взгляд из двух частей, а не из трех.

Четвертый («Г»). Включен в рукописный сборник⁸, который содержит: а) «Тарих Дагестан» в шамхальской редакции; б) «Завещание Андуника»; в) «Родословную»; г) Памятные записи по истории нуцальского дома.

По своей структуре «Г» повторяет список «В» (2, 3, 1).

Пятый («Д»). Переписан из рукописного сборника, составленного М. Г. Нурмагомедовым. Данный список имеет заглавие: «Это имена предков 'Умма-хана». По расположению частей он совпадает со списком «В» (2, 3, 1).

В данном сборнике ниже «Родословной» стоит ряд памятных записей. Это в основном те же памятные записи, которые имеются в сборнике № 220.

Шестой («Е»). Переписан из рукописного сборника, составленного М. Г. Нурмагомедовым на основании ма-

---

⁸ Хранится у согражданина (Гулибский р-н) Мухаммада сына Абдуллы по прозвищу АнхГалав. С содержанием сборника мы знакомы по выпискам, которые сделал согражданин Абдулла Магомедов.

١) بُرَيْتُ المَقْتُولِ ظَلَمًا بِنِ أَمِيرِ حَضْرَةَ نَوْسِيَالِ المَقْتُولِ

ظَلَمًا ابْنِ بُرَيْتِ كَلْبُ المَقْتُولِ جِيْنِ دَخَلَ

جَيْشِ عَمَقٍ وَوَسِيْدِ عَلَى قَرْيَةِ طَلِيطِ بْنِ

مُحَمَّدِ نَوْسِيَالِ المَقْتُولِ ظَلَمًا بِنِ كَشْكَنَظَا

كَلْبُ المَقْتُولِ فِي فَنَاءِ مُسْكِي ابْنِ عَدِ

عَدِيْبِكِ نَوْسِيَالِ وَعِنْدَكَ نَوْسِيَالِ وَطَرُو

بِأَخْوَانِ مِنْ أُمَّ وَأَبِ

نَوْسِيَالِ نَوْسِيَالِ ابْنِ عِمِّ نَوْسِيَالِ بْنِ شَحْخَالِ

نَوْسِيَالِ بْنِ مُحَمَّدِ شَحْخَالِ ابْنِ طَرُو المَقْتُولِ

فِي مُسْكِي

٢) وَزَعْنَتُوْنِي مِنْ طَرُو بْنِ قَرَكْتِسِ بْنِ طَرُو

الْأَخِي المَقْتُولِ فِي مَعْرَكَةِ كِفَارِ مُسْكِي

تَمَامِ دَوْرٍ

териалов, хранившихся у ныне покойного согражданина Мухаммада Шабанилава. Данный список имеет ту же структуру, что и список «В» (2, 3, 1).

Ниже текста «Родословной» в указанном сборнике следуют памятные записи, причем именно те, которые находятся в сборнике, принадлежащем согражданину М. А. АнхИалаву. (См. ссылку № 8).

Порядок расположения частей «Родословной» в списках «В», «Г», «Д» и «Е» совпадает полностью. Князь Турурав Глупец ошибочно показан в них сыном Загаштука (в действительности первый был прадедом второго) и сыном 'Андуник-нуцала (последний был в действительности родным братом Турурава); упомянут этно-топоним «Гумик» (в списках «А» и «Б» — «Гумук»); современный аварский звук «лъе» передан буквой «ха». Все это вместе взятое показывает, что списки «В», «Г», «Д» и «Е» восходят к общему архетипу.

Когда же составлена «Родословная»? Барти б. Амир-Хамза-нуцал, Дугри-нуцал и Загаштук, именами которых заканчиваются первая, вторая и третья части «Родословной» жили в XVII в.; последним правителем Аварии в источнике показан Дугри-нуцал, который, как известно, скончался в 1078/1667—68 г. Следовательно, «Родословная» составлена не позднее названного года. В то же время из числа упомянутых в изучаемом памятнике лиц, дату смерти которых мы знаем (за исключением Дугри-нуцала), последним является Амир-Хамза-нуцал, скончавшийся в 1056/1646 г. Это позволяет думать, что «Родословная» составлена не раньше указанной даты.

Обращает на себя внимание то, что в первой части «Родословной» убийства князя Барти, его отца Амир-Хамза-нуцала и прадеда Мухаммед-нуцала, расцениваются как подлые. Этот факт дает основание для предположения, что данная часть составлена сторонником той ветви нуцальского рода, к которой принадлежали убитые, т. е. ветви, восходящей к Андуник-нуцалу. Что же касается второй и третьей части, то мы думаем, что они составлены тем самым лицом, которое составило и первую часть, но с целью проследить родословие Дугри-нуцала и Загаштука — врагов Барти сына Амир-Хамза-

нуцала. Время и новые источники покажут, ошибаемся ли мы в данном случае или нет.

В «Родословной» отсутствуют даты. По этой причине мы полагаем, что указанный памятник составлен на основании устных источников.

Аварцам известен топоним «Мосокиб».⁹ В «Родословной» он упомянут, однако, в форме «Мосоки», т. е. без классного показателя «б». Пропуск показателя — черта характерная для жителей Хунзахского плато. Из этого следует, что составитель «Родословной» был носителем хунзахского говора аварского языка.

Сопоставление с дагестанскими и российскими источниками показало, что тексту «Родословной» доверять в основном можно.

Все сказанное выше относится к первому архетипу, породившему списки «А» и «Б». Что же касается второго, от которого происходят списки «В», «Г», «Д» и «Е», то он начинается с Умма-нуцала и причем здесь, на первый взгляд, кажется, что «Родословная» состоит из двух частей (а не из трех, как это имеет место в действительности). Первая часть — родословие Умма-нуцала кончается Андуник-нуцалом, его предком в восьмом поколении (в действительности последний был родным братом прадеда Умма-нуцала); вторая — родословие Барти б. Амир-Хамза-нуцала. Скорее всего второй архетип создан в XVIII в. в правление одного из Умма-нуцалов (первый из них начал править не раньше 1722 г. и до 1735 г.; второй с 1773 г. по 1801 г.), на основании текста первого архетипа и причем, не в Хунзахе.¹⁰

Мы сочли более удобным для читателей дать перевод списков «А» и «В», восходящих к двум архетипам. Нумерация частей «Родословной» дается только для списка «А». Чтение имен, данное в «Комментарии», является, по нашему мнению, наиболее точным. Оно опирается на тексты подлинных документов, вышедших из канцелярий аварских правителей. В «Комментарии»,

---

⁹ В песне об истреблении аварских ханов в 1834 г. сказано: «Цолбокъа бахъараб Мосокиб гунтун шалаца бухулеб чагъар тлагаяв». (Сообщение А. Д. Казанбиева).

¹⁰ Из документов известно, что у Загаштука был сын по имени Турурав. Возможно, что последнего по ошибке, отождествили с его прапрадедом Туруравым Глупцом. Такая контаминация могла иметь место не раньше начала XVIII в., ибо Турурав б. Загаштук встречается в текстах конца XVII в.

однако, ссылки на эти документы отсутствуют, ибо мы надеемся посвятить именам специальную работу.

Перевод списка «А»

1) Подло (зулмап) убитый Барти сын подло убитого Амир-Хамза-нусала сына Барти-Килилава, убитого тогда, когда войско Гумука и Хида¹ подошло к селению (карийат) Тукита², сына подло убитого Мухаммад-нусала сына * Кушканти-Килилава, убитого³ в бою [в] Мусуки сына 'Андуник⁴-нусала; * 'Андуник⁵-нусал и Турарав — братья по матери и по отцу.⁶

2) Дугру⁷-нусал сын 'Умма-нусала сына Шамхал-нусала сына Мухаммад-Шамхала сына Турарава, убитого в Мусуки.

3) Загаштук⁸ сын Турурава⁹ сына Каракиша¹⁰ сына Турурава¹¹ Глуца (Ахмак), убитого в бою с неверующими Мусуки.

К О Н Е Ц .

Примечания к переводу

1) «Б» — Хид.

2) «Б» — Туккита.

3) «Б» — «Кушканти-Килилава сына Барти убитого».

4) «Б» — 'Анди-бик.

5) «Б» — 'Анди-бик.

6) Не исключено, что данная фраза является припиской.

7) «Б» — Дугри.

8) «Б» — Загаштук.

9) «Б» — Турарав.

10) «Б» — имя не огласовано.

11) «А» — фактически написано «Тур.рав». «Б» — имя не огласовано.

Перевод списка «В»

‘Умма-нуса́л¹ сын Шамха́л-нуса́ла сына Мухаммад-шамха́ла сына Турурава² сына [имярека], убитого³ в Мусуки́⁴ сына Загаштука сына Турурава⁵ сына Каракиши⁶ сына Турурава⁷ Глупца, убитого в бою с неверующими в Мусук⁸ сына ‘Андуник⁹-нуса́ла; Турурав и ‘Андуник¹⁰-нуца́л — братья по матери и по отцу.

Подло убитый Барти^{11*} сын подло убитого Амир-Хамза-нуса́ла сына Барти-Кихилава¹², убитого тогда, когда войско Гумика¹³ и Хида подошло к селению Тукита¹⁴, сына подло убитого Мухаммад-нуса́ла¹⁵ сына Кушканти-Кихилава сына Барти, убитого в бою [с] Мусук¹⁶ сына ‘Андуник¹⁷-нуса́ла.

Примечания к переводу

1) «В» — к имени «Умма-нусал» рукой Нур-Мухаммада Моксобского сделана сбоку приписка: «Он умер в 1400 году».

2) «В» — имя «Турурав» не огласовано ни разу. «Д» и «Е» — Турарав.

3) «Г» — «Турарава убитого». «Д» и «Е» — «Турарава убитого».

4) «Д» — Мусуки.

5) «Д» — здесь и ниже это имя не огласовано. «Е» — здесь и ниже Турарав.

6) «Г» — 'Али-Қаракиши. «Е» — Каракиши.

1) «Г» — здесь и ниже это имя не огласовано.

8) «В» и «Д» — этот этно-топоним не огласован. «Е» — Мусуки.

9) «Д» и «Е» — 'Андуник.

10) «Д» — 'Андуник. «Е» — 'Андуник.

11) «Е» — этот Барти и Амир-Хамза-нуцал пропущены. Текст начинается с отца последнего, убитого около Тукита.

12) «Д» — «сын Амир-Хамза-нуса́ла, а подло убитый Дурги-нуса́л сын Барти-Қихилава» «Е» — Барти.

13) «Д» и «Е» — Гумик.

14) «Г» — Тукита. «Д» — Тукита. «Е» — Тукита.

15) «Г» — слово «нусал» сильно искажено. «Е» —

Мухаммад-Нур-нусал.

16) Данный этно-топоним огласован только в списке «Г».

17) «Д» — 'Андуник. «Е» — 'Андуник».

II. Памятные записи

1) Дошла в двух аналогичных друг другу списках: первый включен в рукописный сборник, составленный Газанбием б. Усманом из сел. Арадирих; второй — в сборник, содержащий «Факк ал-аклам» и «Тазкират ал-албаб». (Об этих сборниках см. выше.)

2) Обнаружена М.-С. Д. Саидовым. (См. Саидов М.-С. Генеалогия аварских ханов, Рукопись, РФ ИИЯЛ, ф. 1,

оп. 1, д. 503). Находится на одном из последних листов (сбоку от колофона) рукописной книги «Кадй», т. е. «Анвар ат-танзил» (автор ал-Байдави). Последняя хранится в сел. Хунзах в библиотеке ныне покойного Ражабил Хажиява. Книга переписана хунзахцем Малла-Мухаммадом б. Ахмадом, который переписал целый ряд книг между 1039/1629—30 г. и 1066/1655—56 г. Памятная запись № 2 сделана рукой Малла-Мухаммада.

3) Обнаружена М. Гайдарбековым. (См. Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана, Рукопись, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 236, т. XI, с. 67). Находится на задней обложке книги «Мафатих фи шарх ал-Масабих», переписанной Шабаном б. Исмаилом Ободинским, «на кладбище 'Акалчи», то есть сел. Ахалчи (Хунзахский р-н). Книга хранится у жителя сел. Глох Султан-Мухаммада. Памятная запись сделана рукой Шабана.

4, 6, 8, 9, 11, 12) Рук. фонд ИИЯЛ, № 220.

5) Обнаружил М. Г. Нурмагомедов. Мы использовали копию, снятую им.

7) Обнаружена М. Гайдарбековым в конце книги «Шамс ал-ма'ариф ал-кубра», хранящейся в мечети сел. Цудахар (Левашинский р-н). См. Гайдарбеков М. Указ. раб., т. XII, с. 74.

10, 14, 15) Находятся в сборнике, хранящемся у сургатлинца М. А. АнхIалава. Мы использовали выписки, сделанные А. Магомедовым.

13) Переписана нами из сборника, хранящегося в сел. Хунзах в библиотеке Ражабил Хажиява.

Перевод памятных записей.

1) День, когда было разбито аварское войско — среда двадцать третье [число месяца] шаввал. Оно было разбито* через четыре месяца¹ после смерти нусала.² Он же скончался в понедельник двадцать пятого [числа месяца] джумада ал-ахира девятьсот семьдесят седьмого года.³ 977.

١) اليوم الذي انهزم فيه جيش الأوارى يوم الأربعاء الثالث والعشرين من شوال انهزم من بعد موت نوسال في الشهر الخامس وتوفي هو في يوم الاثنين الخامس والعشرين من جماد الآخر في تاريخ سنة تسع وستين وتسع مائة

٩٧٧

٢) تاريخ سنة الف وأربعة وأربعين وهي السنة التي مات فيها عم نوسال العادل

٣) مثل امر حنة نوسال وابنيه ظلما غفر الله

عنهم في ضحوة يوم الجمعة من رمضان سنة ست وخمسين الف من هجرة النبي عليه

صلاة وسلام

٤) دغري نوسال مات في سنة ١٧٨٠

٥) وقع الطاعون الكبير في ولاية أوار وغيرها في زمان محمد نوسال خان بن دغري نوسال

في سنة ١٠٩٩ وهو والد الأمير العادل عم تان

٦) كان عم خان أخا محمد نوسال قد مات

سنة ١١٢٠

(٧) تاريخ وقوع الطاعون الاكبر في جميع نواحي
 داغستان في زمان محمد نوسال و محيي
 افسار الطاعون الى عمق و خراب انديراس
 و احراق اثوث و استيلائه قلعة ديبه

في ١١٣٤

(٨) قتل عم خان نوسال اخويه هكولو و محمد
 به طررو و ابنه طررو في قرية كنج في سنة ١١٤٢

(٩) ولد لعلم خان محمد نوسال في سنة ١١٤٣
 (١) و قد ولد له بيج جوغان لمحمد نوسال في سنة
 ١١٤٤ في شهر رمضان في اليوم الخامس منه في

غرفة ارجاء و قد مات ابن محمد نوسال عم
 خان في ذلك اليوم في وقت العصر
 (١١) و ولدت له بيج مستر في سنة ١١٤٥

(١٢) ثم قتل عم خان نوسال في قرية كنج في سنة ١١٤٨
 (١٣) مات بخوبت خان محمد الخيداتي زوجة

محمد نوسال ١١٨١ مات اخو الامير عم خان سترخ في سنة ١٢٠١

(١٤) ثم انتقل الامير الاميرال والسايطان النبيل عم خان
 من دار الخور الى دار القزار في شهر الحرام من القعدة في
 سنة ١٢١٥ يوم تسادس منه وهو يوم السبت

2) Тысячи сорок четвертый год — это тот год, когда умер 'Умма-нуса́л Справедливый.⁴

3) Амир-Хамза-нуса́л и два его сына были подло убиты рано утром в пятницу [месяца] рамадан тысяча пятьдесят шестого года по хиджре.⁵

4) Дугри-нуса́л умер в 1078 году.⁶

5) Большая чума поразила вилайат Ава́р и другие [края] в 1099 году⁷ во время [правления] Мухаммад-нуса́л-хана б. Дугру-нуса́ла. Он (Мухаммад-нуса́л) — отец справедливого эмира 'Умма-хана.

6) 'Умма-хан — брат Мухаммад-нуса́ла умер в 1120 году.⁸

7) 1134 год⁹ — дата прихода большой чумы во все края (нахийат) Дагистана во время [правления] Мухаммад-нуса́ла; [это же — дата] прихода проклятого акса́ра¹⁰ в Гумук, разрушения Индирайа, сожжения Акуша (чит. «Утамиша» — Т. А.) и захвата крепости (кал'ат) Дарбанд.¹¹

8) В 1142 году¹² в селе́нии (карийат) Ках 'Умма-хан убил двух своих братьев — Ханкалава и Мухаммада б. Турурава, а также [сво — ?] его сына Турурава.¹³

9) В 1143 году¹⁴ у 'Умма-хана родился Мухаммад-нуса́л.

10) Пятого [числа месяца] рамадан утром в среду 1144 года¹⁵ у Мухаммад-нуса́ла родился Булач-Чуфан.

В тот же день вечером умер 'Умма-хан сын Мухаммад-нуса́ла.

11) В 1145 году¹⁶ у него (Умма-хана — ?) родилась [дочь] Бахуч-мисуду.

12) В 1148 году¹⁷ 'Умма-хан был убит в селении Ма-кух.¹⁸

13) В 1181 году¹⁹ умерла жена Мухаммад-нуса́ла Ба-ху́ — дочь Хан-Мухаммада ал-Хайдаки.²⁰

14) В 1201 году²¹ умер Сурхай — брат эмира 'Умма-хана.²²

15) В субботу, шестого числа священного месяца зу-л-када 1215 года знатный эмир благородный султан 'Умма-хан переселился из мира тщеславия в мир покоя.²³

Примечания к памятным записям

1) Букв. «в пятом месяце».

2) По-видимому, Андуник.

3) Нуцал умер 25.VI.977/6.XII.1569 г. Поражение имело место 23.X.977/1.IV.1570 г.

4) 1044 г. х.=1634—1635 г.

5) IX.1056 г. х.=11.X. — 10.XI.1646 г.

6) 1078 г. х.=1667—1668 г.

7) 1099 г. х.=1687—1688 г.

В 1080/1669—70 г. Тайинб (Харахинский — ?) переписал неизвестную нам книгу во время учебы у «кадия селения (карийат) Танус (сел. Тануси Хунзахского р-на) во время правления Мухаммад-хана б. Дугру-хана».

См. Гайдарбеков М. Указ. раб., т. XI, с. 85.

8) 1120 г. х.=1708—1709 г.

9) 1134 г. х.=1721—1722 г.

10) Аксар (чит. «акцар») — белый царь.

11) Об этом см. История Дагестана, т. I, М., 1967, с. 344—348.

12) 1142 г. х. = 1729—1730 г.

13) О предистории этих событий см. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.— «История, география и этнография Дагестана, XVIII—XIX вв., Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева», М., 1958, с. 114.

Ках (КІахъ) — селение в Хунзахском р-не.

14) 1143 г. х. = 1730—1731 г.

15) 5.IX.1144/3.III.1732 г.

16) 1145 г. х. = 1732—1733 г.

17) 1148 г. х. = 1735—1736 г.

18) Об этом см. Хроника войн Джара в XVIII столетии, Баку, 1931, с. 18; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, с. 117.

19) 1181 г. х. = 1767—1768 г.

20) О нем см. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, М., 1968, с. 91.

21) 1201 г. х. = 1786—1787 г.

22) В библиотеке хунзахца Ражабил Хажиява имеется памятная запись, в которой сказано, что свадьба 'Алимчу состоялась в конце зимы 1201 года, а это тот год, «когда умер Сурхай б. Мухаммад-нусал».

23) 6.XI.1215/22.III.1801 г.

КОММЕНТАРИИ

Имена собственные

Здесь мы даем в алфавитном порядке доступные сведения о лицах, упомянутых в «Родословной».

1) **Амир-Хамза-нуцал.** Л. И. Лавров считал его сыном Умма-нуцала и относил к концу XV — началу XVI в. (Лавров Л. И. Эпиграфические памятники..., ч. 2, с. 98, 171).

Амир-Хамза-нуцал впервые упомянут в 1051/1641—42 г. (Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв., — «Восточные источники по истории Даге-

стана», Махачкала, 1980, с. 95—96). Правил он до 1056/1646 г. [См. II (Памятные записи), I]. Возможно, что Амир-Хамза-нуцал был убит в результате заговора, организованного Дугри-нуцалом, которого поддерживал князь Загаштук. (О них см. ниже).

2) **Андуник-нуцал (ГандуникI-нуцал)**. В качестве правителя Аварии он впервые упомянут в 954/1547—48 г., а затем в 961/1553—54 г. (См. Айтберов Т. М. К вопросу о рабстве в Дагестане в XVI—XVII вв.,— ПП и ПИКНВ, вып. XII, М., 1977, с. 54). Анализ «Родословной» показал, что Барти б. Адуник-нуцал и Турурав Глупец были убиты в Мосоке во второй половине XVI в. Это дало нам основание для предположения, что нуцал, который умер 25.VI.977/6.XII.1569 г. — Андуник (см. II, I).

3) **Барти б. Амир-Хамза-нуцал**. Возможно, что именно он был убит вместе со своим отцом в 1646 г. (См. II, 3).

4) **Барти б. Андуник-нуцал**. Из «Родословной» видно, что он и его дядя Турурав Глупец были убиты в Мосоке во второй половине XVI в. Мы полагаем, что это событие имело место 23.X.977/I.IV.1570 г. (См. II, I).

5) **Барти-Килилав (Барти-Килъилав)**. В списке «Родословной», который был в руках Б. Г. Малачиханова князь «Барти-Китлилав», убитый около Тукита назван сыном Андуник-нуцала. На основании этого Б. Г. Малачиханов считал, что Барти-Килилав жил в конце XV в. (См. Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане,— «Уч. записки Института ИЯЛ им. Г. Цадасы», серия историческая, т. XIV, Махачкала, 1956, с. 187).

Барти-Килилав жил в начале XVII в.

6) **Дугри-нуцал**. Умер в 1078/1667—68 г. (См. Лавров Л. И. Указ. раб., ч. I, М., 1966, с. 165, 217; он же. Указ. раб., ч. 2, с. 98, 171). Править он начал, по-видимому, с 1646 г. (См. II, 3, 4).

7) **Загаштук**. Впервые упоминается в 1645 г. (Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, М., 1957, с. 265), а затем в 1658 и 1665 гг. (См. Исаева Т. А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке,— «Вопросы истории Чечено-Ингушетии», т. XI, Грозный, 1977, с. 89—90).

8) **Каракиши**. Л. И. Лавров отождествляет его с известным по грузинским летописям шамхалом Кара-Му-

салом, тестем кахетинского царя Левана (1520—1574). См. Лавров Л. И. Указ. раб., ч. I, с. 208.

Каракиши впервые упоминается в 1589 г., а последний раз в 1618 г. (См. Белокуров С. Сношения России с Кавказом. М., 1889, с. 60, 61, 64, 80, 82, 86, 105, 108—109, 524—525; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, М., 1963, с. 62.

9) **Кушканти-Килилав** (*Kuşkânti-Kililav*). Время его жизни падает примерно на вторую половину XVI в.

10) **Мухаммад-нуцал**. Правил, видимо, на рубеже XVI—XVII вв.

11) **Мухаммад-Шамхал**. Л. И. Лавров считает его нуцалом, сыном Мухаммад-Марди-нуцала и относит к началу XVIII в. (Лавров Л. И. Указ. раб., ч. 2, с. 98, 171).

По русским источникам у князя Каракиши был брат, который правил Аварией до 1589 г. (Белокуров С. Указ. раб., с. 117—118, 132—133). В данной связи необходимо отметить, что, согласно «Родословной», братом Каракиши был Мухаммад-Шамхал.

12) **Турурав Глупец**. По нашему предположению, он был убит 23.X.977/I.IV.1570 г.

13) **Турурав б. Каракиши**. Упомянут в 1615 г. См. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в., Махачкала, 1958, с. 53.

14) **Умма-нуцал**. Умер в 1044/1634—35 г. (См. II, 2).

15) **Шамхал-нуцал**. Л. И. Лавров считает его сыном Мухаммад-шамхала и относит к началу XVIII в. (Лавров Л. И. Указ. раб., ч. 2, с. 98, 171).

Мы полагаем, что Шамхал-нуцал правил на рубеже XVI—XVII вв.

К числу правителей Аварии изучаемого периода, известных из текста «Родословной» следует добавить «пашаха» Ибрахима, упомянутого под 1009/1600—1601 г. (См. Шихсаидов. А. Р. Надписи рассказывают, Махачкала, 1969, с. 76) и Мухаммад-нуцала б. Дугри нуцала, который зафиксирован в источниках между 1079/1668—69 г. и 1134/1727—22 г. (См. II, 5, 7).

Топонимы и этнонимы

Гумик//Гумук. Речь идет о жителях лакского сел. Кумух. - 121

Мусуки//Мусук. Аварцы говорят ныне Мосок. В XIX в. так называли тушей-картвелов. (См. Дирр А. М. Современные названия кавказских племен, СМОМПК, вып. 4, Тифлис, 1909, отд. III, с. 4, 23). В Тушетии живут, однако, и вейнахи-бацбийцы. У них есть песня о победе, которую одержали их предки над аварскими войсками при помощи царя Левана Кахетинского (1520—1575 г.). [См. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык, М.-Л., 1953, с. 5, 307, 309]. Мы полагаем, что в бацбийской песне речь идет о победе над аварским войском, которое возглавляли князья Барти б. Андуник-нуцал и Турурав Глупец. Эти события, согласно «Родословной» и памятной записи от 977 г. х., имели место в 1570 г. Следовательно, во второй половине XVI в. термином «мосок» аварцы обозначали бацбийцев.

Тукита (Тукитла) — селение (Ахвахском р-не). О войнах тукитинцев с гидатлинцами см. Бокарев А. Материалы по диалектологии андо-цезских языков, — «Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)», М.-Л., 1938, с. 40—41.

Хид (Гьид) — гидатлинцы, т. е. жители Гидатля. Этот округ состоял из ряда селений, входящих ныне в Советский район. В Гидатле правили князья, носившие титул «шамхал», что позволяет думать об их происхождении из Кумуха. (См. Феодальные отношения..., с. 30). Есть основания полагать, что в изучаемое время Гидатль входил в состав шамхальства. (См. Айтберов Т. М. О земельных пожалованиях в Дагестане в XV—XVI вв., — «Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения, 1975 г.», М., 1979, с. 7, 11).

Основные выводы

1. К концу XVI в. нуцальский род делился как минимум на три ветви: потомство Андуник-нуцала, потомство Мухаммад-Шамхала б. Турурава, потомство Каракиши б. Турурава.

2. Одна из ветвей (потомки Каракиши) в XVI—XVII вв. имела своим уделом Гумбет и прилегающие чеченские земли; следовательно, возможно, что и две другие ветви нуцальского рода имели в названное время каждая свой удел.

3. В 1646 г. потомки Каракиши поддержали потомков Мухаммад-Шамхала в борьбе за титул нуцала; не исключено, что между названными ветвями и раньше существовали особо тесные отношения.

4. До 1646 г. титул нуцала Аварии отец сыну не передавал; по-видимому, он переходил от старейшего в одной ветви к старейшему в другой.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДАГЕСТАНА

Государственный исторический архив Грузинской ССР — одно из крупных архивохранилищ нашей страны, где сосредоточены ценнейшие материалы по истории почти всех народов Кавказа. Большое число чрезвычайно ценных материалов хранят фонды Груз. ССР по истории Дагестана. Однако существует мнение, будто бы документальный материал ЦГИА Груз. ССР в массе своей содержит сведения по истории народов Дагестана, начиная с XIX в. Но это не совсем так. Не говоря о документах архива на грузинском, армянском, арабском, персидском, турецком языках, в архиве хранятся материалы местного дагестанского происхождения, которые содержат весьма ценные данные о более ранних временах. Значительная часть из них поступила из Дагестана в Тбилиси в тот период, когда царская администрация после завершения так называемой Кавказской войны вплотную занялась выяснением вопроса о сословно-земельных правах горских народов. Именно в это время были переданы в комиссию А. Руновского предлагаемые вниманию читателей материалы.

Судя по кратким сопроводительным письмам, эти записи на арабском языке были обнаружены в примечательных книгах. Первые документы в комиссию А. Руновского прислал начальник аварского округа подп. Катин. В сопроводительном письме к документам он писал, что книга, в которой имелась запись, — коран¹. Переводчик этого и других, ниже публикуемых текстов, хорунжий Ерофеев писал, что «сведения эти выписаны из книги, присланной при отзыве управляющего аварским округом от 7 августа за № 604, и содержание которой состав-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 1.

ляют... рассказы о чудесах... и наконец помещена краткая история аварских ханов, их военные действия, и краткая опись доходов, получаемых некогда ханами с народа их. Но эта книга не есть алкаран»². К сожалению, мы ничего определенного не можем сказать о текстах записей № 2, 3, 4, поскольку в сопроводительных письмах не указано, откуда они были заимствованы. А других данных нет в нашем распоряжении. Достоверно известно одно, что они в комиссию А. Руновского были присланы жителями «кумыкской плоскости» и «ичкеринскими депутатами».

Заметим, что переводчик всех текстов хорунжий Ерофеев, говоря о тексте первой записи, указывает, что этому тексту в сборнике была предпослана краткая история аварских ханов. Мы знаем, что краткая история аварских ханов, начиная с Сураката, изложена в сочинении Мухаммеда-Рафи «Тарих Дагестана». В нем же имеется и перечень доходов, взимаемых с подвластного населения казикумухскими шамхалами. Сравнение и сопоставление обоих текстов показывает, что они в основном совпадают. Правда, в текстах имеются некоторые разночтения. Но это не меняет сути дела. Установление адекватности публикуемых записей с текстом сочинения Мухаммеда-Рафи, как будто говорит о том, что мы имеем дело или с извлечением из «Тариха Дагестана», или же со списком документа, которым когда-то пользовался автор истории Дагестана. Как бы то ни было, наши документы представляют значительный научный интерес. Прежде всего обращает на себя внимание, что они были присланы из различных мест Дагестана (с нагорной части и равнины), а также из Чечено-Ингушетии. О чем все это говорит, если не об их распространенности на Северо-Восточном Кавказе?

Или чем объяснить, что в общественных местах хранились именно тексты с перечнем податей? Не проявляют ли некоторые исследователи ненужную торопливость, скептически относясь к сведениям подобного рода? Во всяком случае на эти и другие возникающие вопросы, очевидно, можно будет ответить в будущем, после детального источниковедческого анализа имеющихся списков документов и всестороннего изучения истории средневекового Дагестана. А сейчас, публикуя эти материа-

---

² Там же, л. 3.

лы, привлекая к ним внимание исследователей, мы хотим верить, что этим оказываем хоть какую-то поощрение нашим историкам-кавказоведам. Вместе с тем мы не можем не отметить, что предлагаемые вниманию читателей материалы требуют к себе критического подхода. Остается сказать, что все четыре записи воспроизводятся с сохранением правописания и орфографии перевода.

В. Г. Гаджиев.

№ 1

Первым правителем Аварским по распространению в Дагестане исламизма был Шейх-Ахмад. В Дагестане жил в это время Шейх Абуль-Муслим¹, один из умнейших и ученейших людей в дагестанском народе. В обычае правителей того времени было поручать управление завоеванной какой-либо области или местечка одному из ханской фамилии. Шейх-Ахмад же жил собственно в Гумуке и управлял всем Дагестаном, жители которого волею или неволею, но должны были повиноваться ему. Что же касается доходов Шейх-Ахмада, то он получал ясак за земли, дань с народа и закят с мусульман. Разделив его на 5 равных частей, Шейх-Ахмад собственно для себя брал только одну часть, остальные же $\frac{4}{5}$ делил поровну между ханами, правителями участков, которым воспрещалось иметь доход с родственников и потомков ханских.

Ежегодный же доход с подданных хана следующий: с общества Карахи — 500 баранов; Кусрахи — Ахмад-хану 300 овец, а гараму² — 400, в Кусрахи есть гора, с которой получалось дохода 1000 овец и 30 коров; общество Гибилял на четвертый год приносило доходу хану с каждого дома по одной овце; Джаманял — 500 баранов; Тандиб — 20 быков, Арчуб — 130 овец; Хумуз — 700 баранов, одного быка и 8 бурок; Гадари и Гаркас — половину того, что отдавало хану общество Хумуз, Тум — каждый дом — одного барана и одну меру пшеницы; Мычагычь³ — вся собственность Ахмад-хана; Кубдэнь — 100 баранов; аул Хайдак — 170 буйволов; жители аула Исысу — 100 быков; жители Сидхал — с каждого

дома 1 дирхем⁴; аул Цадахар — 50 быков; Хамчукат и Кикбан — 6 ишаков; Зиргаарани — 30 вьюков пороху (30 порохов); за места покосные — 50 баранов (Синбат); Аргуани — 1 мера с каждого дома; здесь есть гора по имени Зантаб, с которой ежегодно дохода было 80 овец; Бакатлюл — 30 быков и 30 молодых овец; Сихра и Гулда — собственность хана; в Сухра и Гулда есть гора, ежегодно доставляющая хану 50 овец; общества Ршур и Мукрак — 70 баранов; Каралял — 200 лошадей, в числе которых 100 кобылиц. Из всего дохода этого уделялось и всем потомкам Хамзы и Аббаса.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 302, л. 1—3. Перевод с арабского.

№ 2

Все жители Дагестана и области Черкес до самой Шамахи, за исключением области **Акары**⁵ отдавали ханам ясак, подать и десятую часть имущества. Деньги, хлеб, скот, красный товар, плоды, даже куриные яйца — все входило в массу взимаемой ханами с народа дани.

Каждый дом владений ханских обязан был посылать своему повелителю деньгами 3 дирхема серебром и 3 дерхема золотом каждый год; каким бы то ни было хлебом хан брал с каждого дома по одной мере; кто занимался овцеводством и содержал свои стада, отдавал хану одну овцу с каждой сотни каждый год; 100 каждых домов обязаны были посылать хану каждый год одного быка; торговец красным товаром приносил хану каждый год кусок шелковой материи и два куска не шелковой — самых лучших фабрик; кто занимался виноградным садоводством должен был привозить своему повелителю 2 сапетки винограду каждый год; кто убивал не убийцу, а однофамильца его, за проступок свой отдавал хану 100 овец; кто ранил другого, отдавал быка; вор отдавал одного быка; кроме всего каждый аул обязан был доставить хану 5 лисиц, из которых одна была бы черная, а остальные бурые; повому хану, который вступал по смерти старого — в управление, каждый аул пригонял 5 баранов для похорон умершего хана, каждый аул приводил лошадь; жители каждой области и каждо-

го аула при приближении ханских праздников и телоименитств приводили ко дню их по одной корове и по 2 барана.

Все жители Дагестана от большого до малого, от великого до низкого, не смея противоречить повелениям и распоряжениям ханов, беспрекословно повиновались им.

Опись ежегодным доходам аварских повелителей шамхалов с подданных их за пастьбу скота на горах ханских.

Общество **Хоразы** обязано было пригонять хану 500 овец; с общества — собственности шамхала — 300 овец и гараму — 400 овец; с **Карахийской горы** в гарам пригонялось 1000 овец и 30 коров; с **Гибиял** на четвертый год с каждого дома по одной овце; с **Джамалал** — 500 овец; **Тандиб** — 20 быков; **Арчуб** — 130 овец шамхалу и 30 баранов гараму, а на каждый другой год 10 овец; **Хумуз** — 700 баранов, 700 мер пшеницы и 60 мер меда; **Андиб** — одного быка и 8 бурок; области **Гадаб** и **Гаркас** — четверть того, что платили шамхалу хумузцы; **Тум** — шамхалу с каждого дома одну меру пшеницы и одного барана; **Мачагым** — всю собственность шамхала; область **Костек** — с каждого дома одну рыбу; аул **Таргу** — 2 меры сарачинского пшена с каждого дома, аул **Кубдэн** — 100 баранов; жители **Хайдак** — 170 буйволов; **Джарами** — собственность шамхала; деревни **Ассыши** и **Аккуши** — 100 быков; жители **Сырхи** с каждого дома 1 быка; аул **Цадагари** — 50 диргемов; аулы **Хамчукат** и **Какубан** — 6 ишаков с вьюками масла; область **Зарагкараны** — 30 вьюков пороху; с **Синбата горы** — 50 баранов; аул **Аргуани** — одну меру хлеба с каждого дома; в окрестностях **Аргуани** есть гора по имени **Цантаб**, с ней каждый год пригоняли шамхалу 80 баранов; **Бакатлюль** — 30 быков и 30 молодых овец; **Сихра** и **Гулда** — собственность шамхала — имеют 2 горы, с которых шамхал каждый год получал 50 овец; общества **Рисьур** и **Мукрук** — 70 баранов; **Кулял** — 200 лошадей, в числе их 100 кобылиц. Весь этот доход делился между потомками **Хамза** и **Аббаса** и так далее...

ЦГИА Груз. ССР — ф. 416, оп. 3, д. 1239, л. 5—6. Перевод с арабского.

Повелитель этот или хан получал доход, ясак и десятую часть со всех обитателей Дагестана, области Черкес до самой Шамахи, за исключением области Акары; брал он деньгами, различными пожитками, хлебом, всяким скотом, материалами, плодами, даже куриными яйцами. Относительно денег каждый день подвластный хану обязан был уплатить ему три диргема серебр. монетою и столько же золотой каждый год; каждый из этих же самых домов в тот же самый год должен был доставлять хану по одной мерке хлеба, растущего в большом изобилии; со всякого, имеющего собственных баранов, с каждой сотни был отбираем хану один баран; с каждых ста домов хан брал одного быка; кто занимался торговлею, обязан был принести хану два куска самой лучшей материи, из которых одна должна быть непременно шелковая; виноградный садоводец привозил хану одну сапетку винограда; кто убивал не убийцу своего однофамильца или родственника, с того хан требовал единовременно сто овец; кто ранил другого, платил хану единовременно быком; кто украл — отдавал также быка; сверх того каждый аул посылал хану пять лисиц, из которых одна была бы черная, и пять баранов в день принятия власти над ними новым ханом; для похорон же его всякий аул приводил хану двух лошадей; в день празднеств и торжественных пиров с каждого аула и с каждой области приводили хану две овцы и одну корову.

Весь Дагестан от большого до малого, от великого до низкого, со всеми жителями горных и плоскостных мест без малейших противоречий повиновался хану.

Опись дани, получаемой аварскими повелителями после распространения в Дагестане исламизма, наложенной на народ Шейхом Абуль-Муслимом, и после назначения правителей для каждой области в Дагестане, между которыми по усмотрению повелителя делился доход.

На общество **Карахи** наложено было шамхалом 500 овец в его пользу, а в пользу его гарамы 400 овец; общество Касрахи должно было доставить Шамхалу 300 овец и гараму его 400 овец; в Кусрахи его гора, с которой пригонялось в гарам шамхала 1000 овец и 30 коров; Тлябеял — после каждых 3-х лет — одну овцу с каж-

дого дома; с **Джамалял шамхал** брал 500 овец; с **Тандиб** — 20 быков; с **Арчуба** — 130 овец шамхалу и 30 овец гараму, а на каждый другой год — 10 овец; жители **Хунза** — 700 баранов, 700 мер пшеницы и 60 мер меда; с жителей **Андиб** — 8 бурок и одного быка; с жителей аула **Куди** — 500 мер пшеницы /мачари/ и 20 мер меда; с **Гадари, Гаркаса, Даргяли и Гардануса** — половина того, что бралось с Хунза; **Тум** принадлежал шамхалу и отдавал ему с каждого дома барана и одну меру пшеницы; **Мачагыч** весь принадлежал Шамхалу и посылал ему с каждого дома по одной овце; **Шубут и Хур** — собственность шамхала, — посылали ему с каждого дома по одной овце; с жителей **Барбартах** — 1200 овец; с жителей **Захур** — каждый гор один бык; с общества **Тинды** — 700 овец; с **Кянды** — 160 мер пшеницы; с области **Костек** — с каждого дома одна рыба; с **Таргуб** — с каждого дома 2 меры сарачинского пшена; с **Кубдэна** — 100 баранов; с **Хайдака** — 170 буйволов; **Джармой** — собственность шамхала; с жителей аулов **Аскаши и Акуши** — 100 быков, с жителей **Сархи** — с каждого дома 1 диргем; с аула **Задазар** — 50 быков; с жителей аулов **Хамчукат и Какубав** — 6 ишаков с вьюками масла, с жителей аула **Зарагкараны** — 30 вьюков пороху; с горы **Синбат** — 50 баранов; с жителей аула **Аргуниб** — одна мера хлеба с каждого дома; здесь гора по имени **Зантаб**, с которой каждый год получал шамхал 80 баранов; с **Бакатлюль** — 30 быков и 30 молодых овец;

Хахуры и Гулда — собственность шамхала; здесь две горы с обществ **Рисъур и Махратль** — 70 баранов; с **Карамяль** — 200 лошадей, в числе их 100 кобылиц; с **Курашаба и Гуляба** — 80 овец; с **Калюба** — одна лошадь для похорон всякого умершего (кого именно — пропущено); с **Кургаб** — 2 лошади и 30 овец; с **Халусма** — 13 овец; с **Баршиб** — 10 баранов; с жителей аула **Хуниб** — 5 баранов и 19 мер пшеницы; аулы: **Бухты, Микрах, Абраб, Дакалаб и Захары** — собственность Шамхала с окрестностями их; с **Бархиб** — каждый год один бык и 2 молодых овцы; с **Дихара** — 30 одежд.

Из всего этого, смотря на надобности военной и другим обстоятельствам, делилось между шамхалами, от подати которым не были освобождены и все обитатели мест между рекою **Гайда** и андийскою **Гарана**; все жители мест, которые находятся за **Шубутом** — **Кылал**,

Унакраи до Галга и все живущие между рекою Гайда и Самуром, платили шамхалу дань.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 10—11. Перевод с арабского.

№ 4

Жители Дагестана, жители области Черкес и обитатели земель, простирающихся до самой Шамахи, за исключением области Акары, как подвластные Суракатхану, обязаны были им данью вообще и десятой частью — доход, который взимался деньгами, красным товаром, скотом, плодами, даже куриными яйцами. Таким образом каждый дом каждый год посылал хану 3 дирхена серебром и три дирхена золотом; с каждого дома хан брал по одной мерке хлеба; хозяин собственных стад баранов каждый год отдавал своему повелителю с каждой сотни по одной овце; от каждых ста домов приводили хану одного быка; каждый купец по истечении года отдавал хану один кусок шелковой материи и два не шелковой самых лучших фабрик; имеющий виноградный сад, привозил хану один вьюк винограду; кто убивал не убийцу, однофамильца и отдавал хану 1000 овец; кто ранил другого, отдавал быка; вор за проступок свой отдавал хану также быка; кроме того с каждого аула хан брал 5 лисиц, из которых одна была бы черная, а остальные четыре — бурые; по смерти хана, в год похорон которого каждый аул приводил в дом ханов одну лошадь, новый хан, вступая в обязанности правителя Дагестана и всех областей подвластных ему, брал с жителей на этом основании еще 5 баранов; ко дню празднеств и увеселений ханских каждая область и каждый аул должны были привести хану одну корову и две овцы. Опись доходам этим представлена здесь в сокращенном виде.

Ханам этим, волею и неволею, но должны были повиноваться все жители Дагестана.

Опись ежегодным доходам шамхалов с подданных им за пастьбу на горах стад, пригоняемых туда разными обществами.

Общество **Карахи** за пастьбу на горах скота обязано было отдавать шамхалу 500 овец; общество **Косхдахи** — шамхалу 300 и гараму 400 овец; в Касрахи есть гора, с

которой получалось в гараме дохода 1000 овец и 30 коров; общество **Гибилял**—с каждого дома на каждый четвертый год по одной овце; **Чамалаял** — 500 овец; **Тандиб** — 20 быков, **Арчуб** — 130 овец шамхалу и 30 гараму, а на другой год 10 овец; **Хумуз** — 700 баранов, 700 мер пшеницы и 60 мер меда; **Андиб** — быка и 8 бурок; области **Гадари** и **Гаркас** — половину того, чем обязаны были шамхалам жители Хумуз; общество Тумал—собственность шамхалов, которые брали с каждого дома его по одной овце и одной мере пшеницы; **Мачагычь** — собственность шамхалов; область **Костек** — одну рыбу с каждого дома; **Таргу**—2 меры сорочинского пшена с каждого дома; **Кубдэн** — 100 баранов; **Хайдак** — 170 буйволов; **Чарами** — собственность шамхала; аулы **Ассыши** и **Аккуши** — 100 быков; жители **Сырхи** — 1 диргем с каждого дома; аул **Зазагар** — 50 быков; аулы **Хамчукат** и **Какуба** — 6 ишаков с вьюками масла; область **Зарагкраны** — 30 вьюков пороху; за покосные места гор шамхал брал 50 овец; селение **Аргуаны** — 1 меру хлеба с каждого дома; у Аргуаны есть гора Зантаб. С нее Шамхал получал 80 баранов; **Бакатлюл** — 30 быков и 30 молодых овец; **Сихра** и **Гулда** — собственность шамхала; здесь есть гора, приносившая дохода шамхалу 50 овец, **Рисъур** и **Мукран** — 70 баранов; **Каралял** — 200 лошадей, в числе их /сто/ 100 кобылиц. Весь этот доход делился между всеми потомками Хамза и Аббаса.

Далее следует краткая опись военных действий аварских повелителей.

Известия эти помещены в книге под названием «Маджмун», доставленной ичкеринскими депутатами от качалыковского наиба поручика Хасава, в состав и содержание которой, кроме того, вошли собрания религиозных и других, ведущих к добру, к достижению рая, наставлений, основанных на исключительном убеждении мусульман; рассказы о жизни и деяниях пророка Мухаммада, его чудесах, его путешествиях на небеса, религиозного и другого содержания стихи, молитвы и т. п. Краткая история ханов также помещена здесь.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, л. 1239, л. 3—4. Перевод с арабского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дореволюционная литература представляла Абуमुслима распространителем ислама в Дагестане. (См. Г.-Э. Алкадари. Асары Дагестан, с. 23). Утверждалось, что он похоронен в центре Хунзаха рядом с мечетью, где хранился долгие годы его халат (Тарихи Дербенд-Наме, Тифлис, 1898, с. 174. Примечание). Однако, исследование М.-С. Саидова показало, что «версия об Абумуслиме — сплошная выдумка незадачливых компеляторов и безответственных переписчиков». Что же касается халата, приписываемого Абумуслиму, то он «по характеру почерка и содержанию текстов на нем, является произведением иранским, с определенными шиитскими лозунгами и исторической ценности не представляет». (М.-С. Саидов. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. II, 1957, с. 50).

2. В тексте Тарихи-Дагестан, издавном в приложении № IX «Тарихи-Дербенд-Наме» под редак. М. Алиханова-Аварского, это слово передано несколько иначе: вместо «а гарам» нашего текста там значится «на Крым» (?) «А сверху реки Лобани протоку 30 верст, а на немКрым; а ниже Крыму река Лобаи протекала середь гор потоку 110 верст». (Книга большому чертежу. М.; Л., 1950, с. 89). Крым упоминается в материалах русских послов, побывавших на Кавказе XVII в. (См. С. А. Белокуров. Сношение России с Кавказом, вып. I, 1888, с. 159, 196, 197, 201, 304 и др.).

Известный кавказовед Е. Вейденбаум утверждал, что «Крим есть икаженное русскими людьми название прежней царской резиденции ныне сел. Греми в Заалазанской Кахетии» (Е. Вейденбаум. Материалы для историко-географического словаря Кавказа, СМОМПК, вып. 20, Тифлис, 1894, с. 24—25). Как знать, может быть «Крым» и «гаром» розное чтение Греми?

Значение слова не удается выяснить.

3. Мачагыч — мычыгышылы один из этнонимов чеченцев, заимствованный другими народами видимо из кумыкского языка (Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 143).

4. Дирхем (гр. драхма) — серебрянная денежная единица весом 2,97 гр.

5. В тексте, опубликованной «Тарихи-Дагестана», изданной в приложении к «Дербенд-Наме», значится «за исключением небольшого города Акаро». И к нему дано следующее пояснение издателя: «Вследствие, вероятно, неправильного чтения этого названия, Услар полагает, что исключение это составляет Чамалалской деревни Гаквари или Аквари. Но это неверно. Над Хунзахом возникает гора, на вершине которой лежат, под тем же названием, развалины не-

большого поселка или укрепления» (Дербенд-Наме, с. 166). Поскольку в публикуемом тексте говорится не об одном городе, а о целой области, называемой Акары, согласиться с приведенным утверждением невозможно. К сожалению, мы еще не располагаем другими данными, способными внести ясность в этот вопрос. Поэтому вопрос о локализации «области Акары» приходится оставить открытым. Два документа, публикуемые ниже, обнаружены были нами также в делах сословно-поземельной комиссии ЦГИА Груз. ССР. Надо полагать, что и они поступили в комиссию А. Руновского из Дагестана в 60-х годах XIX в.

Подлинные документы на арабском языке. Перевод их на русский язык осуществил тот же военный переводчик Ичкеринского округа хорунжий Ерофеев. Первый документ имеет датировку 1146 г. хиджри. Чуть ниже имеется приписка, объясняющая, что это «выписка из старой книги, содержание которой передавалось нам нашими предками потомству около десяти раз, дошло до нашего времени»¹. Второй документ без даты — письмо наиба Али Клыча веденскому наibu майору Нагаеву. Однако содержание документа говорит о том, что письмо было написано в 60-х гг. XIX в. К сожалению, не совсем ясна датировка первого документа. Не понятно, то ли этот документ составлен в 1146 г. хиджри или в этом году он был впервые занесен в книгу, о которой говорит пометка документа, но нам, к сожалению, ничего не известно о ней. Ясно одно, что 1146 г. хиджри составляет 1733—1734 гг. нашего летоисчисления. Но если постараться уточнить дату документа по его содержанию, очевидно, следует обратить внимание на пометку, а именно — на указание, что документ был доставлен десять поколений тому назад. Обычно, за продолжительность одного поколения принято считать 25 лет. Но встает вопрос с какого времени вести отсчет: то ли с имеющейся в документе даты 1146 г. хиджри, то ли с 60-х годов XIX в., т. е. времени, когда было осуществлено настоящее извлечение. Однако, если за основу взять дату, указанную в документе, и вычесть 250 лет, то временем его происхождения нужно будет признать XV в.

Датировка документа может быть также определена по времени правления упоминаемых в документе нуцалов Аварии. Если обратиться к именнику аварских ханов, становится очевидным, что Умма-Нуцал правил в конце XV — начале XVI в. Правда под этим именем встречаются нуцалы в XVII—XVIII вв. еще 5 раз. Один из них умер в 1634 г., другой — во второй половине XVII в. Дугру-Нуцал тоже дважды встречается в XVII в.

Все вышеприведенное говорит о том, что мы можем, не беспо-

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 19.

коясь впасть в глубокую ошибку, считать, что интересующий нас документ возник где-то в XVII в.

№ 1

Тучалов и Хайдар-Бек — жители аула Белгатой в сопровождении кунака их андийца Сулогава отправились когда-то к аварскому хану Умма-Нуцалу с подарком (гнедой лошадей) и с просьбою от всего общества их аула — уступить гору, лежащую по направлению Белгатоя близ его. Аварский повелитель, отправляя просителей в Андию, передал свое распоряжение андийцу Мухаммаду Алибекову; отдать гору белгатоевцам и положить на ней границу; Мухаммад исполнил распоряжение хана и ударом шашки по камню положил белгатоевцам прапугу. За пользование отданной ханом горою белгатоевцам они обязались отдавать ему шесть баранов с шести пастухов; пастухи же числом от семи до двадцати должны были отдавать хану 10 (десять) овец.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 19.

№ 2

По поводу записки вашей ко мне относительно прав народных на горы под названием у нас *Халатаб меэр* и податей за пользование ими я собрал всех хунзахских жителей и получил словесные и письменные такие сведения: из письменных документов, дошедших до нас от ученого того времени Шейха Абдуррахмана Абу-Муслимова и после него Шейха Дургу Нусалова, мы видим, что податями, которыми были обязаны люди, пользовавшиеся упомянутыми горами, пользовались хунзахские ханы, повелители и потомки их; сведения же устные передаются нам теми людьми, находящимися еще и теперь между нами, на обязанности которых было самое взимание подати; и вот на этом-то основании андийский народ не имел права отказывать за пользование горами в отдаче хунзахским ханам 8-ми бурок и быка. Эти свидетельства были подтверждены всеми нами в присутствии начальника Аварии полковника Катины. Что же касается до свидетельств и показаний андийцев, то в прочности своей они совершенно уподобляются прочности ткани, сделанной пауком, готовой разрушиться даже при дуновении ветра.

ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 203, л. 13—14.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Г. Гаджиев.</i> Изучение досоветской истории Дагестана	4
<i>Б. Г. Алиев.</i> Частнофеодальное (бекское) землевладение в Дагестане в XV—XVII вв.	27
<i>М.-С. К. Умаханов.</i> Антифеодальная борьба в Дагестане в XV—XVI веках	64
<i>Д. М. Магомедов.</i> Социально-экономическое развитие союзов сельских общин Западного Дагестана в XVIII — нач. XIX в.	92
<i>Г. Х. Ичалов.</i> Влияние иноземных завоеваний в XIII—XIV вв. на экономику Дагестана	117
<i>М. Р. Гасанов.</i> Из истории экономических взаимоотношений Дагестана и Грузии (конец XVIII — нач. XIX в.)	134
<i>А. П. Пронштейн.</i> Роль донского казачества в крестьянской войне под предводительством Степана Разина (к историографии вопроса)	155
<i>Г. Х. Ибрагимов.</i> Новые источники по истории цахуров	174
<i>Т. М. Айтберов.</i> Источники по истории Аварии XVI—XVII вв.	179
Материалы по истории средневекового Дагестана	195

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

**РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНЕ**

(сборник статей)

Редактор Е. П. Чернигова

Технический редактор М. П. Саморукова

Сдано в набор 20.03.81 г. Подписано в печать 31.12.80 г.
С0 3943. Формат 84 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л.
11,5. Тираж 500. Заказ 225. Цена 69 коп.
Типография Дагфилнала АН СССР.
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.